

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2020

1

2

3

4

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 1 (56)

Санкт-Петербург
2020

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Арнольд Йорг

доктор права, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Темкина Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Дикаева Милана Салмановна

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2020. № 1 (56). 112 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.

191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48.

Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224

Факс: (812) 312–99–10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

SAINT-PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
No. 1 (56)

St. Petersburg
2020

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership “The Saint-Petersburg International Criminology Club”

The editor

The editorial staff “Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow”

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of Laws, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

Doctor of Laws, Professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, Associate Professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of Philosophy, Professor, the Honored science worker of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, Doctor of Laws, Professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of Laws, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Arnold Jorg

Doctor of Laws, Professor (Freiburg, Germany)

Gondolf Edward

Doctor of Psychology, Professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Laws, Professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of Laws, Professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of Psychology, Professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of Laws, Professor (Tallinn, Estonia)

Luneev Victor Vasilevich

Doctor of Laws, Professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of Laws, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of Laws, Professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, Professor, the Honored science worker of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

Proof-reader

Temkina Tatiana Anatolyevna (Saint Petersburg, Russia)

Translator

Dikaeva Milana Salmanovna

PhD in Laws (Saint Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2020. No. 1 (56). 112 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was “Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal”. The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor’s office:

St. Petersburg International Criminology Club

Nab. Moyki 48

191186 St. Petersburg Russia

Phone: (812) 312-42-07, additional 224

Fax: (812) 312-99-10

E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue LLC “Ural-Press” – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

СОДЕРЖАНИЕ

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

Основной доклад беседы

*«Криминогенное законодательство
в свете семейной криминологии»
от 14 февраля 2020 г.*

А.В. Швабауэр (Санкт-Петербург, Россия).

Угрозы и истоки законопроекта
о профилактике семейно-бытового насилия 13

Материалы беседы

*«Криминогенное законодательство
в свете семейной криминологии»
от 14 февраля 2020 г.*

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии
(о проамериканском законопроекте
«О профилактике семейно-бытового насилия
в Российской Федерации») 23

Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика).

Возможно, Зигмунд Фрейд был прав... 29

Л.Б. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия).

К вопросу о криминогенности законопроекта
о профилактике семейно-бытового насилия в РФ 33

С.Ф. Милюков (Санкт-Петербург, Россия).

Правомерное насилие в ракурсе глобального кризиса семьи 38

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия).

Криминофамилистическое законодательство:
нереализованные идеи 42

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия).

Глобально организованная власть
как источник преступного законодательства
(на примере законопроекта
«О профилактике семейно-бытового насилия
в Российской Федерации») 48

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия).

Уголовная политика в сфере противодействия насилию в семье,
или Нужен ли России закон
о профилактике семейно-бытового насилия? 52

<i>Н.И. Пишикина</i> (Санкт-Петербург, Россия). Быть или не быть закону о профилактике семейно-бытового насилия?	56
--	----

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

<i>А. Лепс</i> (Таллин, Эстонская Республика). О насилии в эстонских семьях	60
--	----

2. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

<i>Д.А. Шестаков</i> (Санкт-Петербург, Россия), <i>С.У. Дикаев</i> (Санкт-Петербург, Россия), <i>А.П. Данилов</i> (Санкт-Петербург, Россия). Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2019	63
---	----

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Геннадью Николаевичу Горшенкову – 80 лет!	96
Вадиму Вячеславовичу Колесникову – 65 лет!	98
Владимиру Семёновичу Овчинскому – 65 лет!	100

4. НЕКРОЛОГИ

Памяти Николая Васильевича Щедрина	102
Нашим авторам	104
Криминологические издания	108

CONTENTS

1. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF LAW

The main report of the seminar

*“Criminogenic legislation in the light of family criminology”
as of February 14, 2020*

A.V. Schwabauer (St. Petersburg, Russia).

Threats and origins of the law project
on the prevention of family and domestic violence 13

Materials of the seminar

*“Criminogenic legislation in the light of family criminology”
as of February 14, 2020*

D.A. Shestakov (St. Petersburg, Russia).

Criminogenic legislation in the light of family criminology
(on the pro-American law project
“On the prevention of family and domestic violence
in the Russian Federation”) 23

H.D. Alikperov (Baku, Azerbaijan Republic).

Perhaps Sigmund Freud was right... 29

L.B. Smirnov (St. Petersburg, Russia).

On the issue of criminality of the law project
on the prevention of family and domestic violence
in the Russian Federation 33

S.F. Milyukov (St. Petersburg, Russia).

Lawful violence in the global family crisis perspective 38

V.S. Kharlamov (St. Petersburg, Russia).

Criminofamilistic legislation: unrealized ideas 42

A.P. Danilov (St. Petersburg, Russia).

Globally organized government as a source of criminogenic legislation
(on the example of the law project
“On the prevention of family and domestic violence
in the Russian Federation”) 48

N.A. Kraynova (St. Petersburg, Russia).

Criminal policy in the field of domestic violence counteraction,
or does Russia need a law
on the prevention of family and domestic violence? 52

<i>N.I. Pishikina</i> (St. Petersburg, Russia). Law on the prevention of family and domestic violence: to be or not to be?	56
--	----

FAMILY CRIMINOLOGY

<i>A. Leps</i> (Tallinn, Republic of Estonia). About violence in Estonian families	60
---	----

2. IN THE CRIMINOLOGY CLUB

<i>D.A. Shestakov</i> (St. Petersburg, Russia), <i>S.U. Dikaev</i> (St. Petersburg, Russia), <i>A.P. Danilov</i> (St. Petersburg, Russia). The chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. The year 2019	63
---	----

3. JUBILEE GREETINGS

Gennady Nikolaevich Gorshenkov – the 80th anniversary!	96
Vadim Vyacheslavovich Kolesnikov – the 65th anniversary!	98
Vladimir Semyonovich Ovchinsky – the 65th anniversary!	100

4. OBITUARY

In memory of Nikolay Vasilievich Shchedrin	102
To our authors	104
Criminological editions	108

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

*Основной доклад беседы
«Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии»
от 14 февраля 2020 г.*

УДК 343.9
ББК 67.51

А.В. Швабауэр

УГРОЗЫ И ИСТОКИ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Аннотация: Законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» является юридически несостоятельным, нарушает конституционные права граждан, игнорирует основные начала уголовного и административного права и процесса, противоречит принципам семейного права, имеет криминогенный характер, создаёт предпосылки для разрушения института семьи и обострения социальных противоречий в обществе.

Ключевые слова: семейная криминология; насилие; защитные предписания; феминизм; семейные ценности; семья.

A.V. Schwabauer

THREATS AND ORIGINS OF THE LAW PROJECT ON THE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE

Summary: The law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation” is legally inapplicable, violates the constitutional rights of citizens, ignores the basic principles of criminal and administrative law and process, contradicts the principles of family law, has a criminal nature, creates the preconditions for the destruction of the institution of the family and escalation of social contradictions in society.

Keywords: family criminology; violence; protective orders; feminism; family values; family.

1. Понятие «семейно-бытовое насилие» в законопроекте. 29 ноября 2019 г. Совет Федерации Федерального Собрания РФ опубликовал для общественного обсуждения законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее по тексту также – ПФЗ или законопроект) [12].

Согласно ст. 2 ПФЗ, «семейно-бытовое насилие – умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления».

Законопроект запрещает причинение «физического и (или) психического страдания», которое *не содержит «признаки административного правонарушения или уголовного преступления»*. Однако причинение «физиче-

ских страданий» в форме вреда здоровью любой степени тяжести, истязания и побоев (без вреда здоровью) уже запрещено Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) (ст. 6.1.1) и Уголовным кодексом РФ (далее по тексту – УК РФ) (ст. 111, 112, 115, 116.1, 117 и др.). Так, ст. 6.1.1 КоАП РФ предусматривает санкцию за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлёкших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Другими словами, насильственное причинение боли уже запрещено. Если лицо подвергнуто административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ, при повторных побоях применяется ст. 116.1 УК РФ. Какое «физическое страдание» остаётся за пределами норм

УК РФ и КоАП РФ? Логичный ответ: «не причиняющее боль»! Что такое «физическое страдание», не причиняющее боль? Вероятно, авторы ПФЗ желают воплотить в закон достижения юридической мысли Комитета ООН по правам ребёнка, который в Замечаниях общего порядка № 8 (2006) закрепил, среди прочего, запрет на применение к детям физической силы, если причиняется дискомфорт, каким бы лёгким он ни являлся (пункт 11) [5]. К этому можно отнести одёргивание за руку, плечо, не причиняющее боли. Однако физический дискомфорт людям может доставить что угодно: сильно проветренная комната, горячий суп и др.

Рассмотрим второй запрет законопроекта – причинение психических страданий. По ст. 117 УК РФ уже наказуемо «причинение физических и психических страданий путём систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями», если это не повлекло причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью.

Какое психическое страдание остаётся за пределами этой нормы? Не обусловленное «насильственными действиями». Что такое насилие? Если не брать преступную составляющую, насилие – это «принудительное воздействие на кого-нибудь» [15]. Тем не менее нужно учитывать, что, во-первых, без «принудительного воздействия» не существует ни одной семьи, во-вторых, по определению законопроекта под запрет попадают любые действия, причиняющие страдания, но не связанные с принудительным воздействием.

Согласно Новой философской энциклопедии, «страдания – это состояние боли, болезни, горя, печали, тоски, тревоги» [10]. В специальной литературе «психические страдания» определены как «претерпевание стыда, страха и т. п.» [6]. То есть если один из родственников поёт песню, которая у кого-то из членов семьи вызывает чувство тревоги или порождает печаль, то он совершает, согласно законопроекту, самое что ни на есть «семейно-бытовое насилие».

Характерен случай из жизни, когда дитя просит маму спеть лиричную песню, от которой, как она знает, ребёнок будет плакать. Тут, как ни крути, мама совершит «семейно-бытовое насилие»: откажется петь – ребёнок, не получив желаемого, будет страдать, споёт – итог такой же.

Согласно ст. 5.61 КоАП РФ, запрещено «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Что остаётся за пределами этого запрета? Видимо, критика, поскольку она весьма часто порождает у человека чувства печали или стыда, то есть «страдания», запрещённые законопроектом. Однако без критики не обходится ни одна семья. Например, апелляция родителей к совести ребёнка при совершении им плохого поступка, выраженная словами «как тебе не стыдно», – естественная составляющая воспитательного процесса, но она также вписывается в запрет законопроекта, поскольку приводит к отрицательным эмоциям несовершеннолетнего.

Итак, любые споры между супругами, любые воспитательные меры по отношению к детям могут стать основанием для включения карательных механизмов ПФЗ. Кроме того, законопроект запрещает не только причинение всех вышеописанных «страданий», но и «угрозы» их причинения.

Что есть действие, которое «содержит угрозу причинения психического страдания», но не подпадает под запреты УК РФ и КоАП РФ? Каждый поступок человека может быть квалифицирован как причина потенциально возможного страдания другого человека. Если один из членов семьи систематически не закрывает тюбик с зубной пастой, это может привести к страданиям другого её члена. Список «угроз страдания» в жизни настолько велик, что совместный быт сам по себе становится, вследствие формулировок законопроекта, «опасным местом». Не случайно подобные законы за рубежом используются в самых неадекватных ситуациях, например при спорах между членами семьи из-за телевизора [7, с. 37].

ПФЗ является противоестественным с точки зрения человеческой жизни; представляет собой насилие над семьёй – нарушает ч. 1 ст. 38 Конституции РФ: семья находится под защитой государства; в корне подрывает конституционные права на воспитание детей (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ) и свободу совести (ст. 28 Конституции РФ).

2. О выделении семейной сферы в законопроекте. Попытка выделения в ПФЗ семейной сферы как особо опасной в высшей степени спорна. Не приведено данных, которые доказывали бы особую криминогенность

семьи. Напротив, по статистике подавляющее число преступлений совершается вне семьи [14]. Как отмечает Д.А. Шестаков, «нормальная семья, по общему правилу, является антикриминогенным фактором» [19, с. 171], а у преступников отсутствие брачных отношений встречается в четыре раза чаще, чем среди остального населения [19, с. 139].

В СМИ, некоторых органах власти, международных структурах распространяется ложная статистика о преступлениях, совершаемых в семье. В решении Европейского суда по правам человека (далее по тексту – ЕСПЧ) от 9 июля 2019 г. по делу «Володина против России» (дело № 41261/17) сказано, что в нашей стране якобы «около 14 000 женщин ежегодно погибают от рук мужей или родственников» (п. 44).

Источник этой, мягко говоря, неверной статистической информации прямо назван в решении ЕСПЧ – «Теневой доклад» Комитету ООН по искоренению дискриминации женщин (данные за 2010–2015 гг.), подготовленный региональной общественной организацией помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации, «Информационно-методический центр „Анна“». Характерно, что эту некоммерческую организацию (далее по тексту – НКО) Минюст России 26 декабря 2016 г. внёс в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

В действительности же в нашей стране, по данным ГИАЦ МВД РФ, в 2015 г. в результате насилия в семье погибло 1060 человек: 304 женщины и 756 мужчин, среди них 36 детей [8]. Таким образом, НКО завысила цифры в 46 раз, иные лица их «легитимировали» через ЕСПЧ. Отметим, что в 2018 г. женщин-жертв стало ещё меньше – 253 убитые [9].

Накрутка статистики, осуществляемая заинтересованными в ней НКО, финансируемыми западными грантодателями, позволяет сформировать в общественном сознании ложное представление о повышенной криминализации института семьи и необходимости введения более жёстких санкций в отношении её членов. Между тем, как справедливо указывает Д.А. Шестаков, «едва ли можно оценить внутрисемейные преступления более отрицательно по сравнению с обычными преступлениями» [18], «введение составов внутрисемейных преступлений не оправдывает себя» [20, с. 31].

3. Понятие «лица, подвергшиеся семейно-бытовому насилию». К таковым законопроектом отнесены «супруги, бывшие супруги, лица, имеющие общего ребёнка (детей), близкие родственники, а также совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство иные лица, связанные свойством, которым вследствие семейно-бытового насилия причинены физические и (или) психические страдания и (или) имущественный вред или в отношении которых есть основания полагать, что им вследствие семейно-бытового насилия могут быть причинены физические и (или) психические страдания и (или) имущественный вред».

Приведённая редакция не охватывает случаи сожительства мужчин и женщин. То есть репрессивные меры должны ударить именно по зарегистрированным бракам. Такой закон, в случае его принятия, будет стимулировать уклонение граждан от заключения браков, спровоцирует сокращение числа семей не только через неадекватное определение понятия насилия, но и за счёт формирования в общественном сознании негативного отношения к институту брака в целом.

Непонятно: согласно какому принципу отношения бывших супругов, проживающих раздельно, подпадают под понятие «семейно-бытовые». У них уже нет ни семьи, ни совместного быта. Также неясно, почему близкие родственники указаны в законопроекте, а дальние нет. И кто является близким родственником.

Кроме того, включение в число пострадавших лиц, в отношении которых *«есть основания полагать, что им вследствие семейно-бытового насилия могут быть причинены... страдания»*, даёт возможность применять санкции в отношении любых лиц на основании *«бездоказательных предположений»*.

4. Профилактика семейно-бытового насилия: понятие, принципы. Согласно ПФЗ (ст. 2), профилактика семейно-бытового насилия (далее по тексту также – СБН) – это «осуществление комплекса правовых, экономических, социальных, медицинских, психологических, педагогических мер субъектами профилактики семейно-бытового насилия, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, оказание помощи лицам, подвергшимся семейно-бытовому

насилию, выявление и устранение причин и условий возникновения семейно-бытового насилия, пресечение семейно-бытового насилия, привлечение к ответственности нарушителей».

Среди принципов профилактики СБН (ст. 4 ПФЗ) значится «поддержка и сохранение семьи». Данный принцип абсолютно не сочетается с содержанием законопроекта, направленного, как мы видим, на разлучение членов семьи по надуманным основаниям.

Положения ст. 4 ПФЗ о «добровольности получения помощи» пострадавшими, во-первых, прямо исключают применение этого принципа к детям, во-вторых, охватывают оказание именно «помощи», к которой относятся далеко не все варианты «профилактики», предусмотренные законопроектом. В частности, специализированные психологические программы по работе с нарушителями не квалифицированы по ПФЗ как «помощь», а это говорит об их исключении из принципа добровольности.

Законопроект включает в себя многочисленные антисемейные технологии, в том числе вмешательство в семью. Если Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ № 442) не делает исключений из принципа добровольности социального обслуживания (ст. 4), то ПФЗ позволяет применять такое «обслуживание» ребёнка принудительно и незамедлительно (ст. 4, ч. 2, 3 ст. 14 ПФЗ). А к социальным услугам относятся и «содействие в получении временного жилого помещения» (один из видов срочных социальных услуг), и социально-педагогические услуги, «направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов...» (ст. 20, 21 ФЗ № 442). То есть ребёнку, в отношении которого применяется дома «насилие», окажут принудительную помощь на стороне, привьют ему определённые интересы и т. п.

5. Субъекты профилактики семейно-бытового насилия. К субъектам профилактики законопроект относит (ст. 5 ПФЗ): органы внутренних дел; Министерство труда и социальной защиты РФ; иные федеральные органы «в пределах компетенции»; органы прокуратуры; Уполномоченного по правам человека в

РФ; Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка; органы госвласти субъектов РФ; органы управления соцзащиты населения субъектов РФ; органы местного самоуправления; организации специализированного социального обслуживания; медицинские организации; некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия.

Помимо организаций социального обслуживания, получающих на основании законопроекта серьёзные рычаги давления на родителей, в разрушителей семей могут превратиться медицинские организации, которые, согласно ПФЗ, «извещают органы внутренних дел о фактах обращения лиц, в отношении которых *есть основания полагать*, что вред их здоровью причинён непосредственно семейно-бытовым насилием» (ч. 2 ст. 15 ПФЗ). Если сейчас после получения ребёнком травм нередко начинаются допросы родителей правоохранителями, то в случае принятия закона практически любой поход с детьми к врачу может обернуться третирующей семьёй, ведь причиной болезни всегда являются, «есть основания полагать», некие действия родителей.

Особое внимание в списке субъектов профилактики обращают на себя НКО. По законопроекту они имеют право участвовать в «выявлении причин и условий совершения семейно-бытового насилия и их устранении», «оказывать правовую, социальную, психологическую и иную помощь лицам, подвергшимся семейно-бытовому насилию; содействовать примирению лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, с нарушителем», проводить реабилитацию пострадавших, специализированные психологические программы. Исходя из ч. 1 ст. 24 ПФЗ, НКО имеют также право инициировать выдачу защитных предписаний правонарушителям. А по ст. 26 ПФЗ нарушители обязаны «участвовать в профилактических мероприятиях», к коим относятся психологические программы.

Законопроект создаёт для НКО, которые могут зарабатывать на психологических программах, интерес в выявлении как можно большего числа лиц, совершивших семейно-бытовое насилие.

Согласно ч. 4 ст. 23 ПФЗ, «организации специализированного социального обслуживания в субъектах Российской Федерации

при предоставлении услуг по психологическому сопровождению нарушителей могут привлекать общественные объединения и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в сфере профилактики семейно-бытового насилия, благотворительные и религиозные организации, а также индивидуальных предпринимателей». Такое регулирование будет подстёгивать НКО к сотрудничеству с организациями соцобслуживания в целях оказания им «помощи».

При этом в ПФЗ нет никаких ограничений по кругу НКО, участвующих в профилактике СБН. Ими могут оказаться финансируемые из-за рубежа организации, которые на деле ведут гибридную войну против России под видом оказания нам социальных услуг.

Также обращает на себя внимание наличие *индивидуальных предпринимателей* в списке лиц, имеющих право на ведение психологических программ. Очевидно, что цель предпринимателя – максимизация прибыли, в том числе через увеличение клиентской базы. Таким образом, данное нормативное положение приведёт к формированию бизнеса на вмешательстве в дела семьи.

6. Формы профилактики СБН. Согласно ч. 3 ст. 18 ПФЗ, «профилактическое воздействие осуществляется в следующих формах: 1) правовое просвещение и правовое информирование; 2) профилактическая беседа; 3) профилактический учёт; 4) профилактический контроль¹; 5) помощь в социальной адаптации лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; 6) социальная реабилитация лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; 7) специализированные психологические программы; 8) защитное предписание; 9) судебное защитное предписание».

Следует подчеркнуть, что данные формы воздействия, за исключением психологических программ и защитных предписаний, уже были введены в качестве мер профилактики другим законом – Федеральным законом РФ № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об осно-

¹ Что касается профилактического контроля, то, вероятно, в ПФЗ закралась ошибка. Речь, скорее всего, идёт о профилактическом надзоре за поведением нарушителя, предусмотренном Федеральным законом РФ № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

вах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»². То есть новыми являются только такие формы, как защитные предписания и специализированные психологические программы. Их нормативное закрепление и является истинной целью создания законопроекта.

6.1. Защитные предписания. В случае поступления в полицию сообщения от лица, подвергшегося семейно-бытовому насилию, от иных лиц, сведений от органов или организаций о факте совершения семейно-бытового насилия либо угрозе его совершения, незамедлительно устанавливается факт совершения семейно-бытового насилия либо его отсутствия. В случае установления факта незамедлительно выносится защитное предписание (ч. 1 ст. 24 ПФЗ). Законопроект не требует никаких доказательств, не устанавливает никакой процедуры выдачи предписания.

При этом «защитным предписанием нарушителю может быть запрещено: 1) совершать семейно-бытовое насилие; 2) вступать в контакты, общаться с лицом (лицами), подвергшимся (подвергшимися) семейно-бытовому насилию, в том числе по телефону, с использованием информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“; 3) предпринимать попытки выяснять место пребывания лица (лиц), подвергшегося (подвергшихся) семейно-бытовому насилию, если это лицо (лица) находится (находятся) в месте, неизвестном нарушителю» (ч. 3 ст. 18 ПФЗ). Пункт 2 предполагает выселение нарушителя из жилья, поскольку иного способа его практической реализации нет.

Итак, сообщение в полицию об «угрозе насилия» может привести к моментальному вынесению запрета на общение членам этой семьи, без суда и следствия. Это означает отмену презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). С учётом того, что «насилие», по законопроекту, включает в себя обычные житейские ситуации и воспитательные меры, «угрозы» такового имеются в каждой квартире.

Предписание может быть выдано на 30 суток и продлено до 60 суток (ч. 4 ст. 24 ПФЗ). Ничто не мешает недобросовестным гражданам подавать очередное заявление об «угрозе» насилия каждый раз по истечении срока

² Его содержание также вызывает вопросы, но это тема отдельного исследования.

предписания. В результате любые граждане абсолютно бездоказательно могут быть лишены на неопределённый срок следующих прав: неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), права на воспитание детей (ст. 38 Конституции РФ), неприкосновенности собственности (ст. 35 Конституции РФ), права на жилище (ст. 40 Конституции РФ), свободы передвижения (ст. 27 Конституции РФ), свободы совести и права действовать в соответствии со своими убеждениями (ст. 28 Конституции РФ). Кроме того, грубо подрываются: право на труд (ст. 37 Конституции РФ), поскольку неожиданный запрет на доступ к своему жилью приведёт к лишению граждан возможности нормально продолжать реализацию своих трудовых прав и обязанностей; право на здоровье (ст. 41 Конституции РФ): дома могут остаться необходимые лекарства и другие жизненно важные вещи, а доступ к ним оказывается внезапно закрыт.

Само защитное предписание полиции выносится с согласия пострадавших (ч. 1 ст. 24 ПФЗ). Однако, во-первых, нет процедуры отмены вынесенного полицией приказа, на который, например под воздействием минутных обстоятельств, согласился «пострадавший». Во-вторых, «в случае если есть основания полагать, что вынесенное защитное предписание не обеспечивает безопасность и защиту лица (лиц), подвергшегося (подвергшихся) семейно-бытовому насилию, должностное лицо органа внутренних дел вправе обратиться в суд за судебным защитным предписанием» (ч. 9 ст. 24 ПФЗ). В этой норме уже нет согласия пострадавшего, что может привести к вынесению судебных защитных предписаний о запрете общения и выселении даже против воли пострадавших.

В случае принятия закона его карательные суровые санкции могут быть применены абсолютно к любому человеку. Создаётся параллельная система «права», в которой не работают базовые принципы уголовного права и процесса.

Рассмотрение судом дел в рамках уголовного процесса по действующему Уголовно-процессуальному кодексу РФ (далее по тексту – УПК РФ) позволяет установить все обстоятельства дела, изучить доказательства, представляемые сторонами дела, гарантирует презумпцию невиновности (ст. 14 УПК РФ), состязательность процесса (ст. 15 УПК РФ),

право на защиту подозреваемому (ст. 16 УПК РФ) и др. Кодекс предусматривает принципы процесса, направленные на обеспечение прав обеих сторон дела.

А законопроект не даёт никаких гарантий, позволяя обвинить в одностороннем порядке любого гражданина, лишить его доступа к своему жилью и к другим членам семьи, в том числе детям, при наличии признаков неадекватно определённого «насилия». Причём если человек будет пытаться уклоняться от исполнения предписания, его отправят под арест.

В отличие от ПФЗ действующий УПК РФ прописывает процесс обеспечения принципа состязательности. Аналогичные гарантии даёт КоАП РФ (ст. 1.4, 1.5 и др.). В случае же с «семейно-бытовым насилием», по законопроекту, преимущества процессуального положения имеет только обвиняющая сторона.

ПФЗ, в противоположность УК РФ и КоАП РФ, не знает сроков давности привлечения к ответственности. Недобросовестные граждане могут ссылаться на факты «бытового насилия», имевшие место в далёком-далёком прошлом, для того чтобы создать проблемы человеку в настоящем. Однако правовое государство должно «подчинить применение государственными органами любых карательных (санкционирующих) мер, как бы они формально ни назывались (наказания, взыскания, меры профилактики), фундаментальным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным принципам...» [11].

6.2. Судебные защитные предписания. Помимо полицейского защитного предписания законопроект предусматривает также судебное защитное предписание (ст. 25). Их два вида: 1) предписания, которые выносятся по заявлению пострадавших и рассматриваются в рамках Гражданского процессуального кодекса РФ; 2) предписания, которые выносятся по заявлению полицейских (см. выше) и рассматриваются в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства РФ.

Судебным защитным предписанием в дополнение к мерам, аналогичным тем, что предусмотрены для полицейского предписания (ч. 3 ст. 25 ПФЗ), на нарушителя могут быть возложены следующие обязанности: «1) пройти специализированную психологическую программу; 2) покинуть место совместного жительства или место совместного

пребывания с лицами, подвергшимся семейно-бытовому насилию, на срок действия судебного защитного предписания при условии наличия у нарушителя возможности проживать в ином жилом помещении, в том числе по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; 3) передать лицам, подвергшимся семейно-бытовому насилию, их личное имущество, документы, если они удерживаются нарушителем» (ч. 4 ст. 25 ПФЗ). Срок действия такого предписания составляет от 30 суток до одного года (ч. 5 ст. 25 ПФЗ).

Понятно, что слова «при условии наличия у нарушителя возможности проживать в ином жилом помещении» могут толковаться крайне расширительно и, с учётом запрета на общение с членами семьи, представляются верхом цинизма, так как его иначе и не исполнить, кроме как путём выселения. А ведь уклонение от исполнения предписания грозит арестом.

Справедливо замечание Д.А. Шестакова, полагающего, что «для России выдача подобных охранных распоряжений, осуществляемая сегодня в Австралии, Австрии, Великобритании, Нидерландах и других странах, была бы нецелесообразна, помимо прочего, в связи с нерешённостью жилищной проблемы. Люди, склонные к агрессивному поведению, оказавшиеся без дома, создали бы для общества дополнительную угрозу насильственного посягательства» [17, с. 19]. Иными словами, *закон, формально направленный на профилактику насилия, будет являться криминогенным фактором.*

Как отмечает А.В. Чураков, практика выдачи ордеров за рубежом, позволяющая выселять из собственного жилья, «нарушает, например, ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, которая усматривает право человека в том числе на жилище. Можно также указать на игнорирование данной практикой презумпции невиновности, права на справедливое судебное разбирательство, запрета на произвольное лишение своего имущества и прочих основополагающих прав и свобод, что не позволяет рекомендовать применение охранных ордеров в современной России» [16, с. 49].

Согласно ст. 1 Семейного кодекса РФ, семейное законодательство исходит из необхо-

димости укрепления семьи, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Однако законопроект, напротив, способствует вмешательству третьих лиц в дела любой семьи, препятствует примирению её членов (путём навязывания запретов общения). Соответственно, ПФЗ идёт вразрез с принципами семейного права.

7. Действующее законодательство РФ содержит достаточное количество норм, направленных на защиту жизни и здоровья любых лиц. Как правило, сторонники законопроекта указывают на проблему уклонения правоохранительных органов от возбуждения уголовных дел, поскольку, например, побои по ст. 116.1 УК РФ отнесены к делам частного обвинения. Тем не менее по делам частного и частно-публичного обвинения (побои, причинение лёгкого вреда здоровью и др.) уголовное дело может быть возбуждено «и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы» (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Стоит указать на наличие в УПК РФ ст. 105.1 «Запрет определённых действий», предусматривающей в качестве меры пресечения в том числе запрет на приближение к определённым объектам. Такая мера применяется при наличии реальных признаков преступления (а не надуманных элементов «семейного насилия») и в рамках строгих уголовно-процессуальных процедур (а не с фактической презумпцией вины обидчика, закреплённой законопроектом).

Существует также Федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Он предусматривает спектр мер защиты, которые могут быть применены как до возбуждения уголовного дела, так и после его прекращения (переселение в другое место жительства, помещение в безопасное место и др.). Имеются и иные нормативные акты, защищающие граждан от насилия. Если существующие законы некачественно функционируют, то это повод для работы с правоприменением, а не для принятия антиконституционных правовых актов.

8. Зарубежная практика. Зарубежный опыт применения законов о противодействии семейному насилию подтверждает их использование в манипулятивных целях, разрушение ими основ института семьи, доказывает несостоятельность механизмов законопроекта.

В США судьи выдают защитные предписания при простом намёке на домашние сложности [1, с. 14], поскольку отказ в его выдаче при возникновении последующих проблем может привести к негативной оценке судейской работы. Как следствие, в 2008 г. в Соединённых Штатах 72 % защитных предписаний были выданы без реальных оснований [3].

В исследовании, проведённом по заказу Департамента юстиции США, отмечено, что запретительные ордера «не являются эффективными для предотвращения физического насилия» [13, с. IV-2]. В работе по изучению случаев преследования, подготовленной при содействии офиса окружного прокурора в Сан-Диего, обозначено: около половины потерпевших, добивавшихся выдачи запретительных ордеров, впоследствии считали, что их положение в результате получения ордера ухудшилось [13, с. IV-2].

Пару слов стоит сказать и о курсах «по управлению гневом», на которые отправляют лицо, обвинённое в домашнем насилии. Американские специалисты указывают на сомнительность их результативности. Исследование Э. Гондолфом 30 данных программ показало, что 50 % из них были пройдены до конца лишь половиной начавших обучение.

Согласно многочисленным оценкам программ психологического консультирования, даже при самых оптимальных обстоятельствах ответчики, прошедшие полный курс психотерапии, совершают повторные нарушения так же часто, как и те, кто такой курс не закончили [13, с. III-25]. Одной из концептуальных проблем психологических курсов, по мнению Д.А. Шестакова, является используемый в них феминистский подход – только мужчина презюмируется виновным в семейных конфликтах и нуждающимся в исправлении [20, с. 28], что не соответствует действительности.

В Германии закон, направленный на противодействие домашнему насилию путём вы-

дачи охранных ордеров, принят в 2001 г. [4]. Он подвергается основательной критике [2]. В частности, адвокат по семейному праву Д. Клостер-Харц пишет: этот закон – база серьёзнейших злоупотреблений на практике, правовой инструмент для шантажа мужчин женщинами. Адвокат метко именуется данный нормативный акт «молотком для ведьм», желающих оперативно получить квартиру мужчины в своё личное пользование⁴.

Многие юристы Болгарии уверены в том, что Закон Болгарии «О защите от насилия в семье» от 29 марта 2005 г. используется для злоупотреблений подателями жалоб. Некоторые судьи прямо заявляют: женщины очень часто обращаются к этому закону для того, чтобы выкинуть мужчину из собственного жилья [7, с. 36].

Родоначалник семейной криминологии Д.А. Шестаков верно подмечает, что охранные ордера, изобретённые в США воинствующими феминистками, вступают в столкновение с правом на неприкосновенность жилища и свободу передвижения [19, с. 272]. Законы о «семейном насилии» – это настоящая война против традиционного института семьи.

Преступному насилию, совершаемому в семье, конечно, следует противодействовать, но не путём создания условий её уничтожающих, а за счёт следующих мер: очистки СМИ, Интернета от информации, провоцирующей преступления; господдержки пропаганды традиционных семейных ценностей; восстановления классической системы образования; принятия мер, направленных на недопущение алкоголизации населения; создания условий для лечения от алкогольной (наркотической) зависимости; восстановления должной системы оказания психиатрической помощи.

С учётом вышеизложенного следует сделать вывод о том, что законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» является юридически несостоятельным, нарушает конституцион-

⁴ Kloster-Harz D. Stellungnahme zum Entwurf eines Gesetzes zur Verbesserung des zivilgerichtlichen Schutzes bei Gewalttaten und Nachstellungen sowie zur Erleichterung der Überlassung der Ehewohnung bei Trennung (Gewaltschutzgesetz). URL: <https://www.yumpu.com/de/document/read/32769160/gewaltschutz-gutachten-kloster-harz-2001pdf-vater-aktuell> (дата обращения: 15.02.2020).

³ Lasinski J.L., Williams L.M. Partner Violence. London, 1998. P. 226–227. Цит. по: [20, с. 29].

ные права граждан, игнорирует основные начала уголовного и административного права и процесса, противоречит принципам семейно-

го права, имеет криминогенный характер, создаёт предпосылки для разрушения института семьи и обострения социальных противоречий в обществе.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. If you got any hint whatsoever there's a problem, sign the restraining order // *Judicial Training*, 1995.
2. Das Gewaltschutzgesetz schützt Frauen vor gewalttätigen Partnern. URL: <https://manndat.de/feministische-mythen/haeusliche-gewalt/das-gewaltschutzgesetz-schuetzt-frauen-vor-gewalttaetigen-partnern.html> (дата обращения: 15.02.2020).
3. *Foster B.P.* Analyzing the cost and effectiveness of governmental policies // *Cost Management*. Vol. 22. No. 3. 2008.
4. Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gewschg/BJNR351310001.html> (дата обращения: 15.02.2020).
5. База данных договорных органов ООН. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 15.02.2020).
6. *Галюкова М.И.* Некоторые вопросы определения глубины психических страданий в уголовном праве // Сборник научных трудов SWORLD. 2013. Т. 32. № 3. С. 11–13.
7. Доклад НКО «Адвокаты за права человека» и НКО «Болгарский фонд гендерных исследований» об имплементации Закона Болгарии о защите от насилия в семье. URL: https://www.theadvocatesforhumanrights.org/uploads/final_report_2_3.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
8. Жёны гибнут реже мужей. URL: <https://rvs.su/statia/zhyony-gibnut-rezhe-muzhey-i-namnogo-rezhechem-hotyat-govorit-feministki> (дата обращения: 15.02.2020).
9. *Моисеева С.* Закон «О семейно-бытовом насилии» – психологическое насилие над Россией. URL: <https://regnum.ru/news/society/2777954.html> (дата обращения: 15.02.2020).
10. Новая философская энциклопедия. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1350/stradanie.htm> (дата обращения: 15.02.2020).
11. *Омиржанова Д.Б., Татарнинова Л.Ф.* Анализ законов, защищающих женщин, пострадавших от бытового насилия, в англо-саксонской и романо-германской правовых системах. URL: <https://articlekz.com/article/21766> (дата обращения: 15.02.2020).
12. Сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEfKLUiQ7JAARUS.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
13. Судебные ордера на охрану от жестокого обращения. Обзор законодательства и практики применения гражданско-правовых охранных ордеров, обеспечивающих правовую защиту от домашнего насилия в США. Второе издание. М., 1999.
14. *Тимошина Е.* О реальной статистике «семейного насилия» за 2018 год. URL: <https://ouzs.ru/news/kriminolog-k-yu-n-e-timoshina-o-realnoy-statistike-semeynogo-nasiliya-za-2018-god/> (дата обращения: 15.02.2020).
15. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/119046> (дата обращения: 15.02.2020).
16. *Чураков А.В.* Запрет на посещение места жительства как мера безопасности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. № 1 (32). С. 48–50.
17. *Шестаков Д.А.* Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. № 1 (32). С. 13–22.
18. *Шестаков Д.А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. 561 с.
19. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е издание, перераб. и доп. Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
20. *Шестаков Д.А.* Четверть века семейной криминологии (криминофамилистики) в России: итоги и перспективы // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2002. № 1 (2). С. 9–34.

REFERENCES

1. If you got any hint whatsoever there's a problem, sign the restraining order // *Judicial Training*, 1995.
2. Das Gewaltschutzgesetz schützt Frauen vorgewalttätigen Partnern. URL: <https://manndat.de/feministische-mythen/haeusliche-gewalt/das-gewaltschutzgesetz-schuetzt-frauen-vor-gewalttaetigen-partnern.html> (date of access: 15.02.2020).
3. *Foster B.P.* Analyzing the cost and effectiveness of governmental policies. *Cost Management*. Vol. 22, No. 3, 2008.

4. Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/geswchg/BJNR351310001.html> (date of access: 15.02.2020).

5. Baza dannykh dogovornykh organov OON [Database of UN treaty bodies]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=5&DocTypeID=11 (date of access: 15.02.2020).

6. Galyukova M.I. Nekotorye voprosy opredeleniya glubiny psikhicheskikh stradanii v ugolovnom prave [Some questions of determining the depth of mental suffering in criminal law]. *Sbornik nauchnykh trudov SWORLD – Collection of scientific works SWORLD*. 2013. Vol. 32, No. 3, pp. 11–13.

7. Doklad NKO “Advokaty za prava cheloveka” i NKO “Bolgarskiy fond gendernykh issledovaniy” ob implementatsii Zakona Bolgarii o zashchite ot nasiliya v semye [Report of the NGO “Advocates for Human Rights” and the NGO “Bulgarian Gender Research Foundation” on the implementation of the Bulgarian Law on Protection from Domestic Violence]. URL: https://www.theadvocatesforhumanrights.org/uploads/final_report_2_3.pdf. (date of access: 15.02.2020).

8. Zheny gibnut rezhe muzhey [Wives die less often than husbands]. URL: <https://rvs.su/statia/zhyony-gibnut-rezhe-muzhey-i-namnogo-rezhe-chem-hotyat-govorit-feministki> (date of access: 15.02.2020).

9. Moiseeva S. Zakon “O semeyno-bytovom nasilii” – psikhologicheskoe nasiliye nad Rossiey [Law “On family and domestic violence” – psychological violence against Russia]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2777954.html> (date of access: 15.02.2020).

10. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1350/stradanie.htm> (date of access: 15.02.2020).

11. Omirzhanova D.B., Tatarinova L.F. Analiz zakonov, zashchishchayushchikh zhenshchin, postradavshikh ot bytovogo nasiliya, v anglo-saksonskoy i romano-germanskoj pravovykh sistemakh [Analysis of the laws protecting women victims of domestic violence in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems]. URL: <https://articlekz.com/article/21766> (date of access: 15.02.2020).

12. Sayt Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya RF [Website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAXolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf> (date of access: 15.02.2020).

13. Sudebnye ordera na okhranu ot zhestokogo obrashcheniya. Obzor zakonodatelstva i praktiki primeneniya grazhdansko-pravovykh okhrannykh orderov, obespechivayushchikh pravovuyu zashchitu ot domashnego nasiliya v SSHA [Protection from abuse orders. An overview of the law and practice on the use of civil protective orders that provide legal protection from domestic violence in the United States]. 2-e izd. M., 1999.

14. Timoshina E. O realnoy statistike “semeynogo nasiliya” za 2018 god [On the real statistics of “domestic violence” in 2018]. URL: <https://ouzs.ru/news/kriminolog-k-yu-n-e-timoshina-o-realnoy-statistike-semeynogo-nasiliya-za-2018-god/> (date of access: 15.02.2020).

15. Tolkoviy slovar Ozhegova [Explanatory dictionary by Ozhegov]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/119046> (date of access: 15.02.2020).

16. Churakov A.V. Zapret na poseshchenie mesta zhitelstva kak mera bezopasnosti [Restraining order as a security measure]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, No. 1 (32), pp. 48–50.

17. Shestakov D.A. Eshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeystviya prestupnosti [More about the right to security in the context of the right to crime prevention]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, No. 1 (32), pp. 13–22.

18. Shestakov D.A. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennye zakony i kriminogennoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire: Uchebnik. [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminogenic legislation. Counteracting crime in a changing world. A Textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb., 2006, 561 p.

19. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika) [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 387 p.

20. Shestakov D.A. Chetvert veka semeynoy kriminologii (kriminofamilistiki) v Rossii: itogi i perspektivy [A quarter of a century of family criminology in Russia: results and prospects]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2002, No. 1 (2), pp. 9–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Викторовна Швабауэр – кандидат юридических наук, эксперт Общественного уполномоченного по защите семьи (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: anna_schwabauer@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna Viktorovna Schwabauer – PhD in Law, Expert of the Public Commissioner for Family Protection (Saint Petersburg, Russia); e-mail: anna_schwabauer@bk.ru

*Материалы беседы
«Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии»
от 14 февраля 2020 г.*

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

**КРИМИНОГЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В СВЕТЕ СЕМЕЙНОЙ КРИМИНОЛОГИИ
(О ПРОАМЕРИКАНСКОМ ЗАКОНОПРОЕКТЕ
«О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)**

Аннотация: В России конкурируют доктринальный диалектический и американско-феминистский законопроекты. Американский законопроект неприемлем, поскольку он не направлен на предупреждение правонарушений, содержит криминогенные нормы. На постфеминистском этапе развития семейной криминологии требуется подготовить не закон, а концепцию законодательства о противодействии внутрисемейным насильственным преступлениям. В ней следует закрепить следующие принципы: 1) учёта всех сторон конфликта; 2) неучастия России в международных соглашениях, базирующихся на концепциях, пренебрегающих интересами того или другого пола; 3) неприемлемости специальных «семейных» или «противоженских» составов преступлений. Необходимо исключить участие иностранных экспертов в российском законотворчестве.

Ключевые слова: американско-феминистский законопроект; жилищный запрет; запрет на общение; иностранные эксперты.

D.A. Shestakov

**CRIMINOGENIC LEGISLATION
IN THE LIGHT OF FAMILY CRIMINOLOGY
(ON THE PRO-AMERICAN LAW PROJECT
“ON THE PREVENTION OF FAMILY
AND DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION”)**

Summary: In Russia doctrinal dialectical and American feminist law projects are competing. The American bill is unacceptable because it is not aimed at preventing violations of the law and it contains criminogenic norms. At the post-feminist stage of development of family criminology, it is necessary to prepare not a law, but a concept of legislation on domestic violent crimes counteraction. The following principles should be enshrined in it: 1) taking into account all parties to the conflict; 2) non-participation of Russia in international agreements based on concepts that neglect the interests of one or the other sex; 3) unacceptability of special “family” or “anti-feminine” offenses. It is necessary to exclude the participation of foreign experts in Russian lawmaking.

Keywords: American feminist bill, occupation order, ban on communication, foreign experts.

Суть беды постсоветского российского законодательства – оно написано по американским (США) лекалам, продиктованным, в конечном счёте, глобальной олигархической властью

Предыстория и расстановка сил вокруг законопроекта. Законотворческая реакция на всемирную проблему внутрисемейных насильственных преступлений (далее по тексту также – ВНП) нужна и неизбежна. При этом крайне важно, чтобы она была построена на

концепции, разработанной в интересах обоих полов, укрепления семьи в целом. Сегодняшнее положение дел в семейной сфере осложнено наличием в международных нормативных актах неприемлемых положений и, конечно, внедрением в законодательство большого

числа стран специальных норм о преступлениях против женщин или домашнего окружения, разрушающих логику уголовного законодательства.

В России четверть века конкурируют два законопроекта: *доктринальный диалектический* (1996) (далее по тексту также – доктринальный проект), который основан на отечественных – более чем двадцатилетних – исследованиях проблемы насилия в семье, и *американо-феминистский* (далее по тексту также – американский проект), *привнесённый из США в законодательство* ряда стран и международные соглашения. Как говорится:

**ВНИМАНИЕ! ОСТОРОЖНО!
ИЗГОТОВЛЕНО В США!**

В основу доктринального проекта положена используемая в семейной криминологии диалектическая концепция, учитывающая интересы обеих сторон конфликта. Американский же подход подменяет проблему развивающихся в обществе взаимоотношений полов односторонним стремлением при любых обстоятельствах встать на сторону женщины.

На постфеминистском этапе семейной криминологии предполагается на основе доктринального проекта подготовить не закон, а концепцию законодательства о противодействии ВНП.

Криминогенные положения американского проекта, воплощённого в законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Теоретические основы учения о преступном, в том числе криминогенном, законодательстве разработаны в криминологии закона [9]. Сегодня заметный вклад в это учение вносят В.Н. Орлов, А.В. Петровский [3] и др. Заслуживает внимания выдвинутое Владиславом Николаевичем понятие «криминологическая норма». Под ней он понимает «модель должного поведения субъекта криминологических правоотношений... В криминологической норме устанавливаются правила, в соответствии с предписаниями которых регулируются общественные отношения, касающиеся причин, условий преступлений и преступности, лиц, совершивших преступления, и их жертв, предупреждения преступлений и преступности, а также применения иных мер по

борьбе с преступлениями и преступностью» [2, с. 57–62].

«Жилищный запрет». Американский проект нашёл свое воплощение в России, в частности, в законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [4] (далее по тексту также – ПФЗ или законопроект), который был подробно освещён А.В. Швабауэр в ходе её доклада в Клубе [8]. В него заложены криминогенные нормы, которые, в случае их узаконения, в нашей стране способствовали бы жилищному мошенничеству.

В ст. 25 ПФЗ предлагается ввести институт «судебного защитного предписания». Данным документом на нарушителя может быть возложена обязанность «покинуть место совместного жительства или место совместного пребывания с лицами, подвергшимися семейно-бытовому насилию, на срок действия судебного защитного предписания при условии наличия у нарушителя возможности проживать в ином жилом помещении, в том числе по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Это предписание может быть выдано на срок от 30 суток до одного года.

Такая законодательная норма, именуемая в зарубежной литературе «жилищным запретом», согласно замыслу американских авторов проекта российского закона, предполагает возможное выселение даже собственников из своего жилья! В случае его узаконения этот запрет породил бы разновидность жилищного мошенничества по нижеописанной схеме. Лицо, намеревающееся завладеть жильём, например некто приезжий, мечтающий о квартире в крупном городе, вступает в брак. Затем провоцирует или инсценирует насилие в отношении себя, вызывает полицию – и на ближайший год завладевает желанной жилой площадью. А по истечении года несложно будет повторить историю с «семейным насилием».

Запрет на общение. Статья 24 ПФЗ предполагает вменить в обязанность (не право, а именно обязанность) должностному лицу органа внутренних дел – на практике участковому инспектору – вынесение защитного предписания. В случае установления факта совершения семейно-бытового насилия он

должен будет незамедлительно вынести защитное предписание.

Поскольку предписанием полицейского, согласно законопроекту, может быть запрещено вступать в контакты, общаться с лицом (лицами), подвергшимся (подвергшимися) семейно-бытовому насилию, то это, по существу, опять же означает «жилищный запрет» постольку, поскольку исключить общение в условиях совместного нахождения в одном помещении просто невозможно. Запрет на контакты сторон конфликта как будто бы специально направлен на противодействие его разрешению мирным путём.

Таким образом, в американо-феминистском законопроекте нормы о предписаниях, как полицейском, так и судебном, представляются совершенно неприемлемыми для отечественного законодательства. Заметим, однако, что именно эти положения образуют ядро заокеанского проекта, так сказать, его соль!

Другие неприемлемые нормы ПФЗ.

В ст. 18 и 23 законопроекта речь идёт, на первый взгляд, о разумном – об *индивидуальной* профилактике в виде специализированных психологических программ, но разумность эта – кажущаяся. В отношении мер психологического предупреждения ПФЗ означает шаг назад по сравнению с внешне похожей мерой, предусмотренной доктринальным проектом.

Дело в том, что в законопроекте речь идёт о программах только для *нарушителей*, т. е. лишь для одной стороны конфликта. Эти программы, именуемые «*мужчина мужчине*», давно осуществляются в США. Как-то в Питтсбурге я наблюдал осуществление такой программы, стараясь сдерживать смех от увиденного. Несколько дюжих афроамериканцев – понятно, мужского пола – в арендуемом помещении, предварительно оплатив по решению семейного суда «программу», делились друг с другом опытом того, как они преодолевают гнев и возмущение своими жёнами или «подругами». Было похоже на то, что до входа в комнату русского гостя, сопровождаемого руководителем программы, они, похихатывая, рассказывали анекдоты. Однако при нашем появлении несколько посерьёзтели и принялись создавать видимость упорной работы над семейными ошибками.

Специальные исследования доктора психологии Э. Гондолфа (США), к его огорчению, показали крах, неэффективность этих

программ [1]. Требуется воздействие не по-американски – на отдельного члена семьи (мужчину), а «групповая психотерапия», которая охватывала бы обе стороны семейного конфликта. Именно это предлагается в доктринальном проекте. Надо попытаться развеять взрывной характер криминогенной семьи в целом.

Очень неудачно законопроект назван: в его заглавии употреблено словосочетание «семейно-бытовое насилие». Оно производно от американского термина «*domestic violence*» (домашнее насилие). Лоббисты ПФЗ, видимо не привыкшие хоть сколь-нибудь самостоятельно заниматься законотворчеством, не заметили, что в западническом словоупотреблении бросается в глаза проговорка о намерениях. Ведь по-русски «семейное насилие» означает насилие, исходящее *от семьи*. Похоже, что этот ярлык раскрывает подлинное предназначение ПФЗ, состоящее в том, чтобы способствовать разрушению семьи.

О вредности понятия семейно-бытового насилия, предложенного в ст. 2 законопроекта, многое справедливо написано. Отмечу лишь одно. В этом определении сказано, что данный закон не направлен на предупреждение административных правонарушений или преступлений. Н-да... Кому не понятно, что предупреждать надо прежде всего *преступления*, в том числе тяжкие и особо тяжкие?!

Итак, ключевое положение ПФЗ неприемлемо, да и сам предмет его регулирования оказался вне поля деятельности по предупреждению правонарушений. Такой закон России не нужен, недопустимо и её участие в международных соглашениях о противодействии ВВП, если соглашения содержат неприемлемые для нас нормы. Это мною неоднократно говорилось.

Здесь можно было бы поставить точку, но общественная-то проблема ВВП остаётся. Законодательная реакция на неё начата, некоторые законотворческие положения доктринального проекта внедрены, но далеко не все. Самое время подумать о том, что следует делать в данном направлении дальше.

Об общих отягчающих обстоятельствах, специальных составах ВВП и квалифицирующих обстоятельствах. Этот вопрос давно – уже в начале двухтысячных годов – изучен в семейной криминологии, обсуждён и решён отрицательно. Такие обстоятельства

и составы российскому законодательству не нужны [10, с. 361–368; 11, с. 280–281, 292].

Недавняя попытка юридически неосведомлённых лоббистов протащить в УК РФ *специальную* ответственность за внутрисемейные побои, в конечном счёте, не только не увенчалась успехом, но и привела к прямо противоположному результату: ответственность за «не хулиганские» побои была исключена из уголовного и перекочевала в административное законодательство.

Для нормализации положения следует отказаться от законодательного подразделения побоев на «хулиганские» (в жизни, как правило, это действия в общественном месте против посторонних) плюс политические, с одной стороны, и прочие (читай – бытовые) побои, с другой стороны. Для этого надо убрать из первого абзаца ст. 116 УК РФ (Побои) слова «совершённые из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Тогда ответственность за побои в отношении семейного окружения вернётся в уголовный закон.

Впрочем, на мой взгляд, допустимо перенести ответственность за любые побои в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, что стало бы вполне приемлемым проявлением гуманности. Главное – ответственность за побои как в кругу семьи, так и за его пределами должна быть единая, без подразделения побоев на политико-хулиганские и домашние.

О новых видах психического насилия и условиях установления уголовной ответственности за него. И этот широкий вопрос, помимо прочего включающий в себя оценку дистанционных действий по нагнетанию страха, в те же годы изучен в семейной криминологии. Не желая повторяться, направляю интересующихся к его освещению в печати [10, с. 365–365; 11, с. 278–279].

К сказанному ранее добавлю лишь то, что считаю необходимым уточнить ст. 69 Семейного кодекса РФ, исключив из неё одно из условий лишения родительских прав, а именно «осуществление родителями физического или психического насилия над детьми». Эта действующая чрезвычайно широкая формулировка открыла дорогу для того произвола,

который сегодня осуществляется государством – прежде всего в лице органов опеки и попечительства – в отношении детей, их родителей, да и института семьи в целом.

Постфеминистский этап: закон или концепция? Надо сказать, что доктринальный проект потому и назван мной доктринальным, что задуман он был именно как *концепция* противодействия преступлениям, совершаемым в семье. Сейчас, преодолевая американскую инициативу очередного вмешательства в российское законодательство, желательно доработать и законодательно утвердить названную выше концепцию. Она нужна ещё и потому, что в мире пошло отмеченное в начале настоящей статьи веяние вносить в уголовное законодательство специальные составы «семейного насилия». Предпринятая попытка установить и в России специальную уголовную ответственность за побои в семье была у нас, в конечном счёте, пресечена, но необходимо, чтобы концепция на будущее упредила ожидаемое навязывание этих абсолютно ненужных составов, о чём мною издавна и много говорилось.

Цитируя известного специалиста в области семейной криминологии В.С. Харламова, отметим важность заботы о криминологической безопасности семьи [5, с. 250]. Среди принципов противодействия ВВП мне видятся, пока в общих чертах, вот какие:

- 1) диалектическая основа предупреждения. Его меры должны охватывать семью в целом, обе (все) стороны конфликта;
- 2) избегание международных соглашений, базирующихся на односторонних концепциях, пренебрегающих интересами того или другого пола;
- 3) неприемлемость специальных «семейных» или «противоженских» составов преступлений.

К задачам законодательства о противодействии ВВП надо отнести способствование укреплению семейных отношений в России. Большинство предложенных четверть века назад в доктринальном проекте *норм* противодействия – они адресованы различным отраслям законодательства – не потеряли злободневности. Некоторые из них уже приняты законодателем, другие ждут своего часа. В концепции следует поддержать первые и предписать законодателю установление вторых.

Где можно найти доктринальный проект? Отвечаю на этот часто задаваемый вопрос: в приложении к тому или другому из изданий моей «Семейной криминологии» [11, с. 364–366].

Оздоровление круга разработчиков. В состав группы разработчиков концепции необходимо, разумеется, включить тех, кто владе-

ет основами семейной криминологии и вносит в неё свой вклад [6; 7].

Ну а более общее, далеко идущее пожелание состоит в том, чтобы законодательно, возможно на уровне Конституции РФ, запретить привлечение иностранных экспертов к российскому законотворчеству.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gondolf E.W.* Assessing women battering in mental health services. London: Thousand Oaks, 1996.
2. *Орлов В.Н.* Основы криминологического права: учебник. М.: Криминологическая библиотека, Ставрополь: Агрус, 2016. 668 с.
3. *Петровский А.В.* Российская институциональная система криминологических норм. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019.
4. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).
5. *Харламов В.С.* Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб.: Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу, 2014.
6. *Харламов В.С.* Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям милицейскими подразделениями. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007.
7. *Чураков А.В.* Законодательство о противодействии семейному насилию: предпосылки, теория, разработка в России, Грузии, Кыргызстане, Украине. СПб., 2014.
8. *Швабауэр А.В.* Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.
9. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию закона. 2-е изд., испр. и доп. / Предисл. Г.Н. Горшенкова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. 92 с.
10. *Шестаков Д.А.* Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 561 с.
11. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.

REFERENCES

1. *Gondolf E.W.* Assessing women battering in mental health services. London: Thousand Oaks, 1996.
2. *Orlov V.N.* Osnovy kriminologicheskogo prava: uchebnik [Fundamentals of criminological law: a textbook]. M.: Kriminologicheskaya biblioteka, Stavropol: Agrus, 2016. 668 p.
3. *Petrovskiy A.V.* Rossiyskaya institutsionalnaya sistema kriminologicheskikh norm [Russian institutional system of criminological norms]. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t, 2019.
4. Proekt Federalnogo zakona “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii” [Federal law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf> (date of access: 20.02.2020).
5. *Kharlamov V.S.* Otechestvenniy i zarubezhniy opyt protivodeystviya kriminalnomu nasiliyu v semye [Domestic and foreign experience of counteraction to criminal domestic violence]. SPb.: Filial FGKU “VNIИ MVD Rossii” po Severo-Zapadnomu federalnomu okrugu, 2014.
6. *Kharlamov V.S.* Protivodeystvie vnutrisemeynym nasilstvennym prestupleniyam militseyskimi podrazdeleniyami [Counteraction to domestic violent crimes by militia]. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2007.
7. *Churakov A.V.* Zakonodatelstvo o protivodeystvii semeynomu nasiliyu: predposylki, teoriya, razrabotka v Rossii, Gruzii, Kyrgyzstane, Ukraine [Legislation on counteraction to domestic violence: background, theory, development in Russia, Georgia, Kyrgyzstan, Ukraine]. SPb., 2014.
8. *Schwabauer A.V.* Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.

9. *Shestakov D.A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona [Introduction to criminology of law]. 2-e izd., ispr. i dop. / predisl. G.N. Gorshenkova. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2015. 92 p.

10. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennyye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire: uchebnyy [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminological legislation. Counteracting crime in a changing world: a textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii; Yuridicheskiy tsentr Press, 2006. 561 p.

11. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika) [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 387 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель и президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, Professor; Honoured Scientist of the Russian Federation, co-founder and president of Saint-Petersburg International Criminology Club, Head of the Laboratory of Criminological at the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Х.Д. Аликперов

ВОЗМОЖНО, ЗИГМУНД ФРЕЙД БЫЛ ПРАВ...

Аннотация: Многоуровневый механизм преступного поведения в семье принципиально отличается от подобных механизмов в иных социальных институтах. Львиная доля причин преступлений в сфере семейных отношений находится в плоскости дисгармонии интимных супружеских отношений.

Ключевые слова: семейная криминология; семья; дисгармония интимных отношений; преступления.

H.D. Alikperov

PERHAPS SIGMUND FREUD WAS RIGHT...

Summary: The multilevel mechanism of criminal behavior in the family is fundamentally different from similar mechanisms in other social institutions. Disharmony of intimate marital relations is one of the main causes of family crimes.

Keywords: family criminology; family; disharmony of intimate relationships; crimes.

Доклад А.В. Швабауэр «Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия» [2] увлекает читателя по крайней мере тремя составляющими: актуальностью выбранной темы, ясностью выражения мысли и мастерством изложения.

К сожалению, оригинальных криминологических исследований причин преступности в сфере семейных отношений с каждым годом становится всё меньше. Поэтому я благодарен руководству Клуба за организацию беседы на столь злободневную тему и Анне Викторовне за её содержательную работу.

Важность поднятых автором вопросов очевидна. Рассогласованность в действиях супругов, негативная социально-психологическая атмосфера в семье, отсутствие в ней мира и согласия часто приводят к распаду таковой или, что ещё хуже, к осуждению одного из супругов.

Если вспомнить, что в последние десятилетия во многих странах постсоветского пространства сложилась устойчивая тенденция, характеризующаяся ежегодным сокращением числа заключённых браков, с одной стороны, а с другой – ростом количества распавшихся семей, то становится очевидным, что вынесенная Анной Викторовной на суд преступнологов проблема давно стучится в двери криминологов, криминалистов, физиологов и психоаналитиков.

Следует согласиться с критическими замечаниями А.В. Швабауэр относительно проекта Федерального закона «О профилак-

тике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее по тексту также – законопроект) и выдвинутыми ею инициативами по обузданию безумства законодателя и его «недоношенного» пожирателя семейного очага – обсуждаемого документа. В частности, на мой взгляд, Анна Викторовна не грешит против истины, утверждая, что законопроект в случае его принятия в опубликованной редакции:

– окажется не чем иным, как источником провокаций преступлений, так как, в конечном счёте, приведёт к тому, что люди, оказавшиеся внезапно на улице, без жилья и имущества, будут спровоцированы на преступные действия;

– станет узаконенным механизмом противоправного завладения чужой собственностью, отбирания детей из семей, разлучения супругов, коррупции, провокации правового беспредела, разрушения института семьи;

– повлечёт возникновение *параллельно-ненормативного уголовного права* без каких-либо цивилизованных гарантий и принципов в процессе своей реализации [3].

Вместе с тем полагаю, что эти, как и многие другие причины преступлений, совершённых на почве семейных неурядиц, – лишь «видимая часть айсберга». Многие аспекты данной глобальной проблемы, в том числе и гносеологического порядка, остаются неизученными несмотря на то, что очень многое было сделано для исследования этого направления Д.А. Шестаковым [4; 5; 6; 7; 8] в рамках

семейной криминологии, основоположником которой он является.

В связи с этим хочу выдвинуть гипотезу, которая, вполне возможно, является блажью. Тем не менее рискну вкратце раскрыть её суть, понимая, что тем самым подставляю себя под шквал острых стрел критики со стороны сердитых оппонентов. Анализируя современную экономическую систему, А.П. Данилов делает закономерный вывод о том, что «таковая является криминогенной, в том числе потому, что сильный пол делает слабым. Редкость, когда муж самостоятельно, без трудового участия жены, способен обеспечить семью. Отсюда и многие семейные конфликты (разной степени тяжести). Экономика разрушила традиционные, вековые основы нашего общества» [1, с. 25–26].

Мне, однако, представляется, что *не являются основными причинами семейных конфликтов*, в том числе и криминального характера, деградация нравственных устоев общества, тлетворное влияние СМИ, инверсия социальных институтов, несовершенство законов, издержки в деятельности органов правоохраны. С высоты прожитых лет и почти полувекового опыта семейной жизни могу со всей ответственностью заявить, что искомые причины скрыты куда глубже, чем это кажется новой генерации преступноведов.

Представители старой школы криминологии с «человеческим измерением» (В.Е. Квашис и др.) считают, что в социуме существует широкий пласт неизученных аспектов феномена семейных неурядиц криминального характера, без познания которого трудно объяснить, например, почему влюблённые пары после непродолжительного периода совместной жизни (1–3 года) без видимых на то серьёзных причин (алкоголизм, наркомания, супружеская измена) превращаются в непримиримых врагов.

Отсутствие вразумительных объяснений (*sine ira et studio* – без гнева и пристрастия) причин таких трансформаций порождает следующую мысль: скорее всего, корень рассматриваемого явления находится не в том пласте, что активно изучают преступноведы. Отсюда, вероятно, и малый эффект от реализации идей, заложенных исследователями в бесчисленное количество научных трудов, а законодателем – в нормативные акты, регулирующие семейную сферу.

Многоуровневый механизм преступного поведения в семье принципиально отличается от подобных механизмов в иных социальных институтах, он не поддаётся системе общей и специальной превенции. Как показывает анализ судебной практики, подавляющее большинство таких деяний совершаются спонтанно, как правило в состоянии, граничащем с фрустрацией, аффектом, белой горячкой.

Именно в этой связи актуально и кстати известное высказывание В.И. Ленина о том, что даже при коммунизме, где по определению нет места преступлению, будут отдельные эксцессы. Под ними вождь мирового пролетариата, скорее всего, подразумевал самопроизвольно возникающие межличностные конфликты, стремительно трансформирующиеся в конкретные преступления.

С учётом сказанного, давайте сойдём с протоптанной криминологической дороги и, вспомнив идеи З. Фрейда, выдвинем гипотезу, которая кому-то покажется вульгарной: *львиная доля причин преступлений в сфере семейных отношений находится в другой плоскости – в дисгармонии интимных супружеских отношений*.

Эта проблема ещё не была предметом специального криминологического исследования. В то же время она может стать основой для развития нового направления в семейной криминологии. Неизученность данного вопроса связана с тем, что на постсоветском пространстве существует негласное табу на исследование проблем семейных конфликтов с позиции физиологии, сексологии и психологии. По этой причине анализируемый детерминант достаточно редко подвергался системному анализу в криминологии. Молодому поколению преступноведов он вообще неизвестен.

Между тем психоаналитиками давно установлено, что сексуальные отношения между супругами – это гораздо больше, чем заурядный половой акт. И это понятно. Семья является не только ячейкой общества, но и миром интимной жизни мужчины и женщины, характеризующимся своей субкультурой. В нём природные инстинкты и гормоны во многом регулируют межличностные отношения.

Если заглянуть в глубь истории, станет очевидным, что интимные отношения супругов всегда были универсальным средством гашения очагов конфликтности, нивелирова-

ния несовпадающих черт характеров и издержек семейной жизни – недостатка денежных средств, плохих жилищных условий и т. п. Как говорили на Руси: «Мужа с женой коли день поссорит, ночь помирят».

Таким образом, одним из главных столпов благополучной семейной жизни была, есть и останется гармония интимных супружеских отношений. Все остальные процессы в повседневной домашней жизни вторичны (за исключением алкоголизма, наркомании и супружеской измены), так как производны от этого не исследованного до конца феномена.

Секрет столь благотворного влияния описанного феномена на благополучие семьи заключается в природной данности: для жены, как хранительницы домашнего очага, путь к сердцу мужа лежит через его желудок и сексуальные потребности, а для мужа – через слова, ласкающие слух, чарующие душу жены, и также утоление её телесных желаний.

Любые серьёзные сбои в этой сфере супружеской жизни, как никакая обида, ссора, кардинально меняют психологическую атмосферу в семье, могут стать причинами отчуждённости, вспыльчивости, постоянных раздоров, финалом которых порой становится преступление насильственного характера.

Так, исследования психоаналитиков показывают, что неудовлетворённость супругов в рассматриваемой сфере со временем порождает сложную психологическую проблему, проявляющуюся в перманентной нервозности, раздражительности, вспыльчивости. Достигнув своего апогея, конфликт трансформируется в активные действия супругов, отличающиеся, как правило, крайней импульсивностью, ярко выраженной агрессией. Здесь уместно вспомнить причину разрыва семейных уз Адама и его первой жены Лилит, заключённых самим Всевышним.

Причём в подобных случаях последней каплей, переполнившей чашу терпения индивида, часто становится незначительный источник раздражения (жена не подала пульт от телевизора, муж не купил молоко), который при других обстоятельствах не был бы им замечен или реакция была бы достаточно сдержанной. Иными словами, невыраженные или подавленные эмоции не умирают. Их просто заставили замолчать, однако они продолжа-

ют жить и влиять на человека и со временем обязательно проявятся, но в более уродливой форме, так как «анатомия – это судьба, в силу чего природу человека обмануть невозможно» (З. Фрейд).

Таким образом, становится очевидным (по крайней мере, для меня), что без решения проблем дисгармонии интимных супружеских отношений не может быть и речи об обуздании преступлений в сфере семейных отношений до социально терпимых границ. Нам также требуется ответить на следующие важные вопросы:

1) подразумевает ли брак обязанность супругов удовлетворять интимные потребности друг друга, если при этом учесть, что секс даёт психологическую и физическую разрядку всему организму? Если нет, то тогда в чём смысл содержания ст. 31 Семейного кодекса РФ, согласно которой «вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно»? Напомним, что, по утверждению специалистов, систематическое воздержание мужчин от половой жизни ведёт к аденоме предстательной железы, серьёзным проблемам с эрекцией, повышению вероятности онкологических заболеваний, а женщин – к ухудшению состояния иммунной системы, они чаще и дольше болеют, становятся уязвимыми в стрессовых ситуациях, у них возникают гинекологические проблемы;

2) является ли психологическое принуждение одним супругом другого к выполнению интимных супружеских обязанностей уголовно наказуемым деянием? Если да, то как тогда быть с заповедью «И благословил их [Адама и Еву] Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (Бытие, глава 1, стих 28)?

3) если супруги не обязаны удовлетворять интимные потребности друг друга, то как быть с продолжением рода как важнейшей репродуктивной функцией семьи, без реализации которой немислимо биологическое воспроизводство населения нашей планеты?

4) является ли неисполнение супружеских обязанностей интимного характера основанием для предъявления иска о возмещении ответчиком морального ущерба за неисполнение таковых?

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Криминология: Россия и Мир. СПб.: Полиграфическое предприятие № 3, 2018. 332 с.
2. Швабауэр А.В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.
3. Швабауэр А.В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // 14 февраля 2020 года беседа «Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии». URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/384-2020-02-16-13-26-01.html> (дата обращения: 16.02.2020).
4. Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980.
5. Шестаков Д.А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
6. Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1986.
7. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е изд., перераб. и доп. Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
8. Шестаков Д.А. Убийства на почве семейных конфликтов. Л., Издательство Ленинградского государственного университета, 1981.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Kriminologiya: Rossiya i Mir [Criminology: Russia and the World]. SPb.: Poligraficheskoe predpriyatie № 3, 2018. 332 p.
2. Schwabauer A.V. Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* – *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.
3. Schwabauer A.V. Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. February 14, 2020 seminar “Criminogenic legislation in the light of family criminology.” URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/384-2020-02-16-13-26-01.html> (date of access: 16.02.2020).
4. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu semeynykh otnosheniy [Introduction to criminology of family relations]. L., 1980.
5. Shestakov D.A. Konfliktnaya semeynaya situatsiya kak kriminogenniy faktor: dis. ... kand. yurid. nauk [Conflict family situation as a criminogenic factor]. M., 1977.
6. Shestakov D.A. Kriminologicheskie problemy semeynykh otnosheniy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminological problems of family relations]. L., 1986.
7. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika) [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 387 p.
8. Shestakov D.A. Ubiystva na pochve semeynykh konfliktov [Murders based on family conflicts]. L., Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханлар Джафарович Аликерев – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Khanlar Dzhafarovich Alikperov – Doctor of Laws, Professor, director of the Centre of legal researches (Baku, Republic of Azerbaijan); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

Л.Б. Смирнов

К ВОПРОСУ О КРИМИНОГЕННОСТИ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РФ

Аннотация: Законопроект о профилактике семейно-бытового насилия является криминогенным актом. Его нормы провоцируют насилие в семье, разрушают классический принцип воспитания детей, заключающийся в дозволениях и запретах, убеждении и принуждении.

Ключевые слова: криминология закона; семейная криминология; криминогенный закон; насилие в семье; феминизм; глобальная олигархическая власть.

L.B. Smirnov

ON THE ISSUE OF CRIMINALITY OF THE LAW PROJECT ON THE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Summary: The law project on the prevention of family and domestic violence is criminogenic. Its norms provoke violence in a family, destroy the classic principle of parenting, which consists of permissions and prohibitions, persuasion and coercion.

Keywords: criminology of law; family criminology; criminogenic law; violence in family; feminism; globally oligarchic power.

Не первый год в российском обществе идут активные дискуссии, посвящённые проблемам законопроектов о профилактике семейно-бытового насилия. Как отмечает Д.А. Шестаков, в России четверть века конкурируют два законопроекта: *доктринальный диалектический* (1996), основанный на отечественных – более чем двадцатилетних – исследованиях проблемы насилия в семье, и *американо-феминистский, привнесённый из США в законодательство* ряда стран и международных соглашений [6, с. 24].

А.В. Швабауэр в своём докладе [5] указала на криминогенные положения очередной версии законопроекта – проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [3] (далее по тексту – ПФЗ или законопроект). Таковой содержит нормы, угрожающие культурным, правовым основам российской цивилизации. В случае его принятия и, соответственно, применения он будет способствовать разрушению семьи, расколет наше общество. ПФЗ выгоден прежде всего западной цивилизации, пытающейся устранить своего геополитического конкурента – Россию.

В уничтожении традиционных общественных основ, в том числе крепкой, здоровой,

большой семьи, заинтересованы глобалисты, представители глобальной олигархической власти (ГОВ) [8]. Они управляют «пятой» и «шестой» колоннами любого государства. Главными препятствиями на пути к достижению своей преступной цели ГОВ видит государство, экономическую систему, общественные институты, в которых центральное место принадлежит семье.

По мнению Ф. Энгельса, возникновение семьи, наряду с частной собственностью, привело к появлению государства. Следовательно, чтобы разрушить государство, необходимо разрушить семью и частную собственность.

Первая попытка сделать это в нашей стране произведена в 1917 г. В результате революции были уничтожены традиционное российское государство и частная собственность, нанесён сильнейший удар по семье. Однако впоследствии большевики осознали весь вред от происходящего и частично восстановили частную собственность, укрепили на новой идеологической основе семью, экономику, сохранили необходимые обычаи. Здесь сказались религиозное православное образование национального лидера – И.В. Сталина – и его глубокое понимание русских ценностей.

Советская цивилизация, основанная на справедливых подходах к духовно-нравственной, социальной и экономической организации общества, свидетельствовала своё преимущество перед западной. Как следствие, последняя объявила «крестовый поход» против России под предводительством приведённого ГОВ к управлению Германией А. Гитлера.

В рамках Второй мировой войны мы одержали верх над глобализмом, однако понесли тяжелейшие потери: погибло большинство мобилизованных на фронт бойцов, родившихся в первой половине 1920-х гг. Это были люди советской цивилизации в её классическом представлении, получившие должное образование и воспитание. Они являлись настоящими патриотами своей Родины и не допустили бы развала СССР в 1991 г. От этой социальной катастрофы Россия постепенно оправляется, начинает набирать силу, что не даёт покоя Западу, стремящемуся удержать своё мировое господство.

Полагаем, у глобалистов есть планы разрушения традиционной семьи как основы российской цивилизации. Одним из способов такового выступает насыщение нашего законодательства через подконтрольные ГОВ структуры и учреждения, включая ООН, либеральными нормами. Международное право пишется под диктовку мировых олигархов прогнившей западной цивилизацией и отражает её современные особенности.

Организацией глобального наступления на нас занимаются и различные фонды, в частности Форда, Сороса, а также ведущие американские политические деятели, например Х. Клинтон, М. Олбрайт. За продвижением законов, подобных ПФЗ, стоят НКО, иностранные агенты, получающие деньги из-за рубежа.

Фактическое навязывание «общечеловеческих ценностей», чуждых нам моделей поведения осуществляется под флагом гендерных и сексуальных революций. Международное законодательство оправдывает и всячески поощряет феминизм, гомосексуализм, однополые браки. За этими тлетворными, инородными для нас явлениями стоит всё та же ГОВ.

Ухудшает ситуацию то, что представители российской элиты фактически подконтрольны через свои кошельки глобальным олигархам, так как хранят свои деньги за границей, где получают образование их дети, там же

оставаясь жить и работать после прохождения обучения.

Каков преступный механизм ГОВ? Сначала разрабатываются так называемые международные стандарты. Затем они под видом общепринятых гуманитарных норм внедряются в правовые системы государств. В зависимых от ГОВ странах активно насаждается ювенальная юстиция, разрушающая семьи. Под прикрытием якобы обеспечения прав ребёнка осуществляется массовый террор родителей. У них насильно отбирают детей, лишают их родительских прав, привлекают к уголовной ответственности. Отобранные чада передаются под опеку другим лицам, очень часто гомосексуальным парам. Проводится политика по натравливанию детей на родителей, выдаваемая за защиту прав несовершеннолетних.

Предлагаемый ПФЗ необходимо отправить на комплексную экспертизу, проверить на наличие в нём угроз национальной безопасности, развитию российской цивилизации в целом. К анализу законопроекта должны быть привлечены и юристы, и специалисты по другим отраслям знаний. Нужно определиться: требуется ли нам такой закон? как он соотносится с российскими нравственностью и мировоззрением?

Законодательство России содержит достаточные средства и механизмы для противодействия семейно-бытовому насилию. Следует также отметить, что количество преступлений, совершаемых в семье, год от года уменьшается. Трубадуры евролиберализма постоянно говорят о кризисе уголовного наказания и о том, что оно не решает поставленные перед ним цели. Однако во всём мире, и у нас в частности, общее число преступлений сокращается. При этом приводится масса факторов, повлиявших на это снижение, но не учитывается действие самого наказания.

Россия – крупнейшее в мире государство. Она имеет развитую систему законодательства и юридическую науку, таким образом, в опеке и контроле со стороны мирового сообщества не нуждается. Наша нормативно-правовая база содержит достаточно положений, противодействующих семейно-бытовому насилию.

В рамках криминологии закона сформулировано определение «криминогенный закон» – закон, положения которого способствуют совершению преступлений [7, с. 22].

По нашему мнению, ПФЗ является именно таким актом. Он содержит значительное число криминогенных норм: провоцирующих семейно-бытовое насилие, усиливающих его интенсивность. Законопроектом нарушается принцип презумпции невиновности.

Вмешательство государства в семейные отношения разрушает их. Многие люди просто не захотят создавать семьи, зная, что в любой момент они могут лишиться и дома, и даже свободы. Мы с большим трудом защищаемся от ювенальной юстиции. Однако она, так или иначе, проникает в наше законодательство – частями.

В абз. 3 ст. 2 ПФЗ закреплено понятие «лица, подвергшиеся семейно-бытовому насилию» – это супруги, бывшие супруги, лица, имеющие общего ребёнка (детей), близкие родственники, а также совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство иные лица, связанные свойством, которым вследствие семейно-бытового насилия причинены физические и (или) психические страдания и (или) имущественный вред или в отношении которых есть основания полагать, что им вследствие семейно-бытового насилия могут быть причинены физические и (или) психические страдания и (или) имущественный вред.

Таким образом, насилия и (или) вреда может не быть (формулировка – *есть основания полагать*), но ответственность для «нарушителя» наступает. Это полный произвол, грубое нарушение прав человека, принципов права.

Отметим, что неопределённость формулировок имеет место и в современных научных работах. Так, Н.В. Машинская под насилием понимает активный сознательный акт поведения одного человека в отношении другого, направленный против его свободного волеизъявления, причиняющий или *способный причинить вред* охраняемым уголовным законом интересам [1, с. 10].

Понятие «психологическое и физическое насилие» в ПФЗ не раскрыто, даже не даны его признаки. Оно будет оцениваться субъективно, порой так, как это выгодно правоприменителю. Однако нормативный акт должен отличаться конкретностью и формальной определённостью.

ПФЗ, в случае его принятия, откроет дорогу таким репрессиям, что печально известные политические преступления 1930-х гг. покажутся незначительными нарушениями

прав человека, обусловленными обстановкой времени.

Под психологическое насилие, в интерпретации ПФЗ, подпадает всё, что угодно: не то сказал, не так посмотрел. Законопроект будет способствовать натравливанию мужа на жену, жены на мужа, детей на родителей.

Спроектируем возможное действие ПФЗ. Сегодня «потерпевший» заявляет, что страдает от психического насилия какого-либо члена семьи, а завтра будет утверждать, что на него так же негативно воздействует государство. Учитывая реалии, можно ожидать, что законодательство в угоду ГОВ захотят изменить для удовлетворения и такой потребности «пострадавшего» – государственный суверенитет-то олигархам только мешает. «Ордер» выпишут стране от лица глобальной олигархии.

В законопроекте в качестве субъектов профилактики называются некоммерческие организации (далее по тексту – НКО). Мировая и российская практика показывает, что большинство НКО подконтрольны ГОВ. Однако олигархи много денег им не дадут, поэтому «профилактические» субъекты будут их фактически вымогать у граждан, несчастных семей, ведь нарушитель закона обязан пройти платную психологическую программу. Появятся различные фонды помощи жертвам преступлений. Все захотят подзаработать на выдуманных проблемах семьи. На оказании подобных услуг вырастет огромная бизнес-индустрия.

Все эти и другие организации потребуют от России ратифицировать Конвенцию Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (заклучена в Стамбуле 11 мая 2011 г.).

По нашему мнению, семья – это сложные отношения, запрограммированные природой (Богом), постоянно находящиеся под воздействием большого числа факторов, которые члены семьи не всегда в состоянии объективно оценить. Конфликтность может носить регулярный характер, но семья будет существовать, если её искусственно не разрушать. ПФЗ же не защищает, а разрушает основную ячейку общества.

Необоснованное, некорректное вмешательство государства и других субъектов в семейные отношения губит их. Пример из Германии. Знакомая моей жены без мужа воспитывает двоих детей. При этом её затерро-

ризировал собственный сын, угрожая пожаловаться на неё в соответствующие органы за ограничение его в карманных деньгах. В случае получения должностными лицами данной жалобы у матери ребёнка заберут, она также может быть лишена возможности контактировать с ним. Законодательство, подобным образом регулирующее семейные отношения, защищает потребительство, рушит родственные связи, уничтожает семью.

К сожалению, в российском обществе, копирующем многое с Запада, воспроизводятся и его негативные явления. Как замечает С.Ф. Милуков, большая часть взрослых не склонна препятствовать паразитическому существованию своих детей и внуков, попустительствует их противоправному поведению в семье и вне её, в том числе и в школе. В свою очередь, лишь немногие учителя и воспитатели способны проявить высокую требовательность к детям и подросткам, не без основания опасаясь остракизма со стороны родителей и своих коллег (не говоря уже о руководстве школ, лицеев, вузов, даже в советское время предпочитавших «не выносить сор из избы»), а в нынешних условиях превративших данные учреждения в сущую кормушку для себя, своих близких и вышестоящего чиновничества) [2, с. 18–19].

В ПФЗ нет чётких определений. Он разрушает классический принцип воспитания детей, заключающийся в дозволениях и запретах, убеждении и принуждении. Если закон заработает, семьи охватит массовый психоз. Обращения в правоохранительные органы будут исчисляться миллионами. Для обеспечения действия закона потребуется более чем в 20 раз увеличить число сотрудников правоохранительных органов.

У западной цивилизации есть адекватное ей право. Оно является органичной частью культуры того общества. Нам же нужно своё русско-российское право. Человеческие цивилизации зарождаются, развиваются, достигают своего пика, деградируют и погибают. Западная цивилизация вошла в стадию деградации. Русская цивилизация не должна идти по чужому гибельному пути.

Мы можем повести за собой и других, показать им верный путь развития, но для этого обязаны возродить и руководствоваться своими традиционными ценностями и принципами, такими как справедливость, коллективизм, разумность потребностей, общая высокая цель, патриотизм. Они в концептуальном виде были сформированы в СССР. Следует поставить вопрос и о закреплении в Конституции РФ государственной идеологии, опирающейся на родолюбивые начала [4].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Машинская Н.В.* Насилие в семье (криминологические и уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
2. *Милуков С.Ф.* Глубинные истоки кризиса российской семьи: его криминологические и уголовно-правовые последствия // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2016. № 1 (40). С. 17–20.
3. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 03.02.2020).
4. *Сухенко А.Д., Данилов А.П.* Новая идеология как основа противодействия терроризму // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2012. № 4 (27). С. 35–41.
5. *Швабауэр А.В.* Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2020. № 1 (56). С. 13–22.
6. *Шестаков Д.А.* Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2020. № 1 (56). С. 23–28.
7. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Лань, 2001. 264 с.
8. *Шестаков Д.А.* Планетарная олигархическая преступная деятельность // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2012. № 2 (25). С. 12–23.

REFERENCES

1. *Mashinskaya N.V.* Nasilie v semye (kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Violence in family (criminological and criminal law aspects)]. M., 2001.

2. *Milyukov S.F.* Glubinnye istoki krizisa rossiyskoy semi: ego kriminologicheskie i ugolovno-pravovye posledstviya [The deep roots of the crisis of Russian family: its criminological and criminal law consequences]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, No. 1 (40), pp. 17–20.

3. Proekt zakona o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 03.02.2020).

4. *Sukhenko A.D., Danilov A.P.* Novaya ideologiya kak osnova protivodeystviya terrorizmu [New ideology as a basis of the fight against terrorism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, No. 4 (27), pp. 35–41.

5. *Schwabauer A.V.* Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.

6. *Shestakov D.A.* Kriminogennoe zakonodatelstvo v svete semeynoy kriminologii (o proamerikanskom zakonoproekte “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii”) [Criminogenic legislation in the light of family criminology (on the pro-American law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 23–28.

7. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs [Criminology: crime as a social trait]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet: Lan, 2001, 264 p.

8. *Shestakov D.A.* Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatelnost [Global oligarchic criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, No. 2 (25), pp. 12–23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Борисович Смирнов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: lbs1958@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Leonid Borisovich Smirnov – Doctor of Laws, Professor, Professor of the Department of Criminal Law at the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: lbs1958@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

С.Ф. Милуков

ПРАВОМЕРНОЕ НАСИЛИЕ В РАКУРСЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА СЕМЬИ

Аннотация: Межличностные отношения, в том числе в семейно-бытовой сфере, невозможно урегулировать без правомерного принуждения (насилия). Оно должно быть предусмотрено в законодательстве, в частности уголовном.

Ключевые слова: семейная криминология; правомерное насилие; кризис семьи; реформа уголовного законодательства; «шар терпимости».

S.F. Milyukov

LAWFUL VIOLENCE IN THE GLOBAL FAMILY CRISIS PERSPECTIVE

Summary: Interpersonal relationships, including those in the family and everyday life, cannot be resolved without lawful coercion (violence). It should be provided for in legislation, particularly, in criminal legislation.

Keywords: family criminology; lawful violence; family crisis; reform of criminal legislation; «ball of tolerance».

Нам в целом импонирует обоснованная критика проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее по тексту – ПФЗ или законопроект), изложенная в докладе А.В. Швабауэр. Она справедливо полагает, что таковой «является юридически несостоятельным, нарушает конституционные права граждан, игнорирует основные начала уголовного и административного права и процесса, противоречит принципам семейного права, имеет криминогенный характер, создаёт предпосылки для разрушения института семьи и обострения социальных противоречий в обществе» [8, с. 20–21].

Заметим лишь, что действующий УПК РФ, вопреки сказанному Анной Викторовной, не содержит принципа равенства участников уголовного процесса перед *законом* (см. ч. 4 ст. 15 УПК РФ), что даёт, на наш взгляд, изрядные преимущества состоятельным и влиятельным преступникам, их адвокатам и целому сонму ангажированных «правозащитников» в плане воспрепятствования поиску истины в ходе уголовного преследования.

Убедительные возражения разработчикам ПФЗ даны большим числом специалистов [2; 5; 9], а также широкой общественностью [6]. Методологически ущербной выглядит сама концепция данного и иных подобных законо-

проектов, заключающаяся в том, что физическое и психическое насилие над волей человека якобы изначально и сугубо общественно опасно и потому противоправно. Между тем насилие (принуждение) способно быть общественно *полезным*, следовательно, правомерным [4], в том числе в семейной сфере.

В связи с этим уместно вспомнить историю феминистского вопроса в нашей стране. Как указывает Д.А. Шестаков, «в России четверть века конкурируют два законопроекта: *доктринальный диалектический* (1996), основанный на отечественных – более чем двадцатилетних – исследованиях проблемы насилия в семье, и *американо-феминистский, привнесённый из США в законодательство* ряда стран и международные соглашения. В основу доктринального проекта положена используемая в семейной криминологии диалектическая концепция, учитывающая интересы обеих сторон конфликта. Американский же подход подменяет проблему развивающихся в обществе взаимоотношений полов односторонним стремлением при любых обстоятельствах встать на сторону женщины» [9, с. 24].

Известная допустимость насилия в семье обусловлена её назначением как производственно-бытовой ячейки общества, возникшей на определённом этапе эволюции человечества. Нам уже приходилось обращать

внимание криминологов на две главные функции семьи:

1) производство материальных благ в областях сельского хозяйства (земледелия, животноводства, отчасти охоты, рыболовства и собирательства) и промышленности (ремесленничества, добычи полезных ископаемых, лесозаготовок);

2) воспроизводство детей (потомства), которые были нужны, опять же, прежде всего для трудовой деятельности (в первую очередь физической) [3].

Третья функция, соединяющая две первые, – обеспечение жизнедеятельности объединившихся в семьи людей (постройка и содержание жилища, приготовление пищи, производство ткани и кож для пошива одежды и обуви, лечение недугов народными средствами, наконец взаимная охрана от агрессивных чужаков, да и притязаний государственной власти).

Как видно, для плотской, а тем более романтической, любви в этой борьбе за выживание оставалось не так уж много места. Не случайно семьи создавались зачастую не любящими друг друга юношами и девушками, а их родителями, придирчиво оценивавшими их физические кондиции (мышечную силу и выносливость, отсутствие телесных дефектов, покорность старшим, бережливость, религиозность, а также способность к деторождению) и наличие достаточного приданого у невесты. С сочным этническим юмором это наглядно отражено в повести Майю Лассила «За спичками» (см. также талантливую её экранизацию – одноимённый советско-финский кинофильм 1979 г.), а в форме драмы – в романе-эпопее Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Ясно, что соединение в семье на долгие годы разновозрастных и разнохарактерных людей, иногда ранее совершенно незнакомых, вызывало необходимость жёсткого управления ими со стороны отца (деда), дядей и тёток, старших сестёр и братьев. Для обеспечения порядка повсеместно применялись физические наказания. Лодыри и непокорные подвергались насмешкам и угрозам. Насилие процветало и в подростковой среде, служа своего рода закалкой мальчиков для последующей воинской службы.

С течением веков названные выше функции семьи деградировали, угасали. В особенности это касается производственной функ-

ции. Сейчас даже на селе многие семьи не разводят скот и птицу, не обрабатывают поля и большие огороды, тем более не занимаются какими-либо промыслами. Рождение и воспитание детей для изрядного числа брачных пар и неофициальных сожителей также не является обязательным. Гедонизм возводится в абсолют.

Теряет своё основополагающее значение и третья функция. Большинство населения живёт ныне не в отдельных домах (избах) с надворными постройками, а в квартирах городского типа: с центральным отоплением, водо-, электро- и газоснабжением, организованным вывозом мусора. Люди всё меньше нуждаются во взаимной поддержке, предпочитают жить вдвоём, а то и поодиночке, с приходящим половым партнёром (не обязательно противоположного пола, способного к зачатию ребёнка).

На этой почве всё чаще возникают противоестественные однополые союзы, чреватые педофилией. Геи, лесбиянки, трансвеститы стремятся усыновлять (удочерять) малолетних детей и воспитывать их в своих сексуальных вкусах. Не за горами официальное признание «браков» с животными и даже неодушевлёнными устройствами (роботами-киборгами). Ясно, что насилие в таких группах отнюдь не исключение, а иногда и правило (садомазохистские пары).

Доказательством истинности сказанного служит, например, информация о противоправной деятельности художницы Ю. Цветковой. В социальной сети «Facebook» она разместила рисунок с подписью «Семья там, где любовь. Поддержите ЛГБТ+семьи». В отношении неё заведено несколько административных дел, в том числе за картинку в Сети, на которой изображена мужская пара с ребёнком. Одновременно она привлекается к уголовной ответственности за распространение порнографии в виде рисунков в паблике «Монологи вагины».

Порнохудожницу активно поддерживают писательница Л. Горалик, скандально известная Н. Толоконникова, иные «общественные деятели» подобного толка. Против преследования ЛГБТ-активистки выступают в Петербурге и Москве: устраивают различные акции, стоят с плакатами и читают стихи.

Крайне важно понимать, что в межличностных отношениях невозможно вовсе отказаться от принуждения (сиречь насилия). Оно

может быть нужным для общества (та же необходимая оборона, крайняя необходимость, силовое задержание правонарушителей и, конечно, оборона Родины от чужеземной агрессии). В определённой толике принуждение следует применять в семье, школе. Криминологи и правоведы должны определить ту грань, что разделяет разумное, допустимое насилие и общественно опасное, правонарушающее.

В этом им будет полезной модель «шар терпимости» [1]. Если законопроект примут, в обществе начнёт накапливаться неумеренная терпимость (к неподобающему поведению ребёнка по отношению к родителям, безосновательному выселению из квартиры супруга «пострадавшей» стороной и др.), разрушающая семью и сам социум. Умеренная нетерпимость к ПФЗ – работа нашего Клуба, направленная на принятие данного проекта.

Также следует устранить кричащее несоответствие между заголовком ст. 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего») и её содержанием, которое, что называется, «в упор» не замечается большинством специалистов.

Дело в том, что у нас до сих пор фактически нет уголовной ответственности за неис-

полнение таких обязанностей, даже если подобное попустительство повлекло совершение подростками преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. Мало того, запуганные пресловутой ювенальной юстицией родители, а также учителя и прочие воспитатели предпочитают не связываться с несовершеннолетними правонарушителями и тогда, когда они ведут себя совершенно разнузданно по отношению не только к сверстникам, но и ко взрослым (родителям, бабушкам и дедушкам, тем же учителям). И это понятно, поскольку диспозиция названной статьи запрещает отнюдь не потворство ставшим на противоправный путь подросткам, а жестокое обращение с ними даже ради их должного воспитания.

Этот порок уголовного закона перекочевал и в опубликованный проект нового Уголовного кодекса Российской Федерации [7, с. 129], что актуализирует более активное участие криминологов в его разработке, ведь и квалифицированные представители уголовно-правовой науки не замечают (или делают вид, что не замечают?) реального состояния общественно опасной активности в современной России, её научно обоснованного изменения в будущем.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
2. Ефимова М.П. К вопросу о противодействии семейному насилию // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XI Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). М., 2020. С. 365–368.
3. Миллюков С.Ф. Глубинные истоки кризиса российской семьи: его уголовно-правовые и криминологические последствия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 17–20.
4. Миллюков С.Ф. Насилие как средство осуществления уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 107–116.
5. Понкин И.В. Заключение от 24.12.2019 на проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: <https://sorokorokov.ru/posts/news/ponkin-i-v-zaklyuchenie-ot-24-12-2019-na-proekt-federalnogo-zakona-sbn/> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019. 320 с.
8. Швабауэр А.В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.
9. Шестаков Д.А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 23–28.

REFERENCES

1. *Danilov A.P.* Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, No. 4 (39), pp. 27–30.
2. *Efimova M.P.* K voprosu o protivodeystvii semeynomu nasiliyu [On the issue of domestic violence counteraction]. *Effektivnost ugovovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugovovno-ispolnitelnogo protivodeystviya prestupnosti: materialy XI Rossiyskogo kongressa ugovovnogo prava, sostoyavshegosya 28–29 maya 2020 g. (zaочно)*. М., 2020, pp. 365–368.
3. *Milyukov S.F.* Glubinnye istoki krizisa rossiyskoy semi: ego kriminologicheskie i ugovovno-pravovye posledstviya [The deep roots of the crisis of Russian family: its criminological and criminal law consequences]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, No. 1 (40), pp. 17–20.
4. *Milyukov S.F.* Nasiliye kak sredstvo osushchestvleniya ugovovnoy politiki [Violence as a means of criminal policy implementation]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological View*. 2007, No. 4, pp. 107–116.
5. *Ponkin I.V.* Zaklyuchenie ot 24.12.2019 na proekt Federalnogo zakona “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii” [Legal opinion of December 24, 2019 on the Federal law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”]. URL: <https://sorokorokov.ru/posts/news/ponkin-i-v-zaklyuchenie-ot-24-12-2019-na-proekt-federalnogo-zakona-sbn/> (date of access: 16.02.2020).
6. Proekt zakona o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 16.02.2020).
7. Ugolovniy kodeks Rossiyskoy Federatsii (nauchniy proekt) [The Criminal Code of the Russian Federation (scientific project)]. Pod red. N.A. Lopashenko. М., 2019. 320 p.
8. *Schwabauer A.V.* Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.
9. *Shestakov D.A.* Kriminogennoe zakonodatelstvo v svete semeynoy kriminologii (o proamerikanskom zakonoproekte “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii”) [Criminogenic legislation in the light of family criminology (on the pro-American law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 23–28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Фёдорович Милюков – доктор юридических наук, профессор, соучредитель, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: dikoe polesf@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Fyodorovich Milyukov – Doctor of Laws, Professor, Co-founder, Honorary Professor of the St.-Petersburg International Criminology Club, Professor of the Department of Criminal Law at the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia); e-mail: dikoe polesf@gmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

В.С. Харламов

КРИМИНОФАМИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ИДЕИ

Аннотация: В проекте Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» содержатся нормы, провоцирующие нарушения законности, разрушающие традиционные семейные отношения. Требуется совершенствовать криминофамилистическое законодательство на основе отечественных нормативных и теоретических предложений.

Ключевые слова: семья; семейная криминология; криминология закона; насилие в семье; презумпция невиновности.

V.S. Kharlamov

CRIMINOFAMILISTIC LEGISLATION: UNREALIZED IDEAS

Summary: The Federal law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation” contains norms that provoke violations of the law and destroy traditional family relations. On the basis of domestic legal and theoretical proposals, it is required to improve criminofamilistic legislation.

Keywords: family; family criminology; criminology of law; violence in family; presumption of innocence.

В ноябре 2019 г. для общественного обсуждения был представлен проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [6] (далее по тексту также – ПФЗ или законопроект). Следует признать злободневность проблематики государственного реагирования на преступления в семье. Убийства, истязания, побои, другие насильственные деяния, совершаемые в семейной сфере, вызывают особый общественный резонанс. Из многочисленных внутрисемейных конфликтов можно вспомнить достаточное количество трагичных, в том числе шокирующий случай, когда в 2017 г. в подмосковном Серпухове муж в порыве ревности отрубил кисти обеих рук своей жене.

Отметим, что в России давно назрела необходимость нормативно-правового закрепления защиты домочадцев от насилия в семье. Соответствующие законы приняты в 126 странах мира, включая восемь государств ближнего зарубежья: Украину, Грузию, Азербайджан, Литву, Кыргызстан, Казахстан, Молдову, Таджикистан. В нашей стране такой закон отсутствует. Как пишет Д.А. Шестаков, «российские учёные и практики долгое время пытались законодательно урегулировать предупреждение криминального насилия в семье» [14, с. 39]. Однако по воле Госдумы РФ указанные попытки оказались безуспешными.

Законопроект, ставший поводом для встречи в Клубе 14 февраля 2020 г., имеет существенные изъяны. Об этом, в частности, свидетельствует шквал замечаний, размещённых гражданами на сайте Совета Федерации Федерального Собрания РФ [6]. Мы солидарны с авторами, утверждающими, что ПФЗ криминогенен, губителен для российской семьи. Об этом убедительно говорят А.В. Швабауэр [12], И.В. Понкин [5] и другие специалисты [3].

Серьёзной юридической ошибкой является предлагаемое в ПФЗ понятие «семейно-бытовое насилие» (ст. 2). За деяние, не являющееся правонарушением, виновное лицо, по мысли авторов законопроекта, может быть подвергнуто репрессиям в виде запретов на общение с иными сторонами конфликта и совместное проживание с ними. Сомнительно также положение о том, что нарушителем признаётся только «совершеннолетнее лицо, совершившее или совершающее семейно-бытовое насилие» (ст. 2 ПФЗ).

Отдельные криминогенные нормы ПФЗ почерпнуты из Модельного законодательства о насилии в семье. Так, в ч. 5 п. 4. Модельного законодательства закреплено, что «свидетельств жертвы достаточно для обвинения. Жалоба не может быть отклонена только на том основании, что свидетельские показания ничем другим не подкреплены» [4]. Анало-

гичное положение находим в ПФЗ: защитное предписание, жёстко ограничивающее конституционные права нарушителя, выносится незамедлительно должностным лицом органа внутренних дел по жалобе жертвы семейно-бытового насилия либо иных лиц (п. 1 ст. 24). Практике известны многочисленные случаи лжесвидетельств одного супруга против другого. При минимуме доказательств увеличивается вероятность ошибки со стороны правоохранительного органа, принимающего решение.

В связи с этим справедливы, на наш взгляд, замечания А.В. Швабауэр о том, что «сообщение в полицию об „угрозе насилия“ может привести к моментальному вынесению запрета на общение членам этой семьи, без суда и следствия. Это означает отмену презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ)» [12, с. 17].

Зарубежные правовые нормы, предназначенные для защиты от домашнего насилия и влекущие внепроцессуальные ограничения конституционных прав граждан, неприемлемы для отечественного законодательства и правоприменения.

В рамках ретроспективного рассмотрения проблемы целесообразно обратиться к давним и современным идеям о совершенствовании криминофамилистического законодательства.

Родоначальником семейной криминологии Д.А. Шестаковым в конце XX в. был разработан первый в России законопроект о предотвращении насилия в семье [20, с. 395–397]. В его основе лежит концептуальная модель, исходящая из недопущения противопоставления интересов мужчин и женщин. Проект определяет государственную систему предупреждения насилия в семье; закрепляет права и обязанности социальных работников; регламентирует административную ответственность за насилие в семье как альтернативу уголовному наказанию; регулирует особенности принудительного жилищного обмена, условного осуждения, осуществления семейной психотерапии. В законопроекте содержатся положения об информационном обеспечении противодействия насильственным преступлениям в семье, а также о семейных судах; предусматриваются статистический учёт потерпевших по признаку родственной связи с виновным и профилактический учёт криминогенных семей. Важно также, что понятие

«внутрисемейное насильственное преступление», имеющееся в данном проекте, предполагает потерпевших любого пола [19].

Многие из идей Д.А. Шестакова уже реализованы в отечественном и зарубежном законодательстве, подзаконных нормативных актах. Например, предложение о статистическом учёте потерпевших по признаку родственной связи с виновным нашло отражение в статистической карточке о потерпевшем (форма № 5) [7], а также аналогичных документах Грузии, Кыргызстана, Украины. Начиная с 2009 г. ГИАЦ МВД России включает ежегодные статистические показатели массивов отдельных жертв внутрисемейных преступлений в сборник «Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие» (Ф. 455 КН. 11 и КН. 13).

Предложение Д.А. Шестакова о введении административной ответственности за внутрисемейное насилие реализовано в 2016 г. – соответствующие изменения внесены в ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои» [8]. В том же году УК РФ обогатился [9] за счёт включения в его структуру норм, основанных на идее Дмитрия Анатольевича о распространении действия ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» на ряд внутрисемейных преступлений средней тяжести, предусмотренных ст. 112–117, 119 УК РФ [16, с. 282]. Целесообразно, на наш взгляд, также:

1) регламентировать в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве применение медиации, проведение криминологической экспертизы личности и криминогенной ситуации [18];

2) ввести превентивный административный арест и психологическую помощь для разрешения конфликтов (как альтернативы уголовного преследования за насилие в семье) [15, с. 196; 19];

3) закрепить в УК РФ наказание в виде лишения родительских прав за совершение отдельных видов физического насилия в семье [20, с. 396–397];

4) сформировать на базе семейных судов одноимённую юстицию [17, с. 175, 249–250];

5) ввести специальность «юрист-криминолог» [18];

6) организовать в рамках правоохранительных органов службы противодействия семейному насилию [15, с. 197];

7) регламентировать принудительный жилищный обмен, создание резервного фонда жилых помещений [20, с. 396], осуществление специализированной профилактики в отношении семей, члены которых недавно отбыли уголовное наказание [15, с. 198];

8) дополнить УК РФ статьями 99.1 «Принудительные меры коммуникативной превенции», 127.3 «Незаконное коммерческое суррогатное материнство», 150.1 «Вовлечение престарелого лица в совершение преступления» [10];

9) внести изменения в ряд статей УК РФ:

- ч. 1 ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» изложить в редакции: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, семьи...» далее по тексту статьи;

- ч. 4 ст. 49 «Обязательные работы» дополнить категорией «престарелые лица, достигшие семидесятипятилетнего возраста», изложив статью в следующей редакции: «Обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет, престарелым лицам, достигшим семидесятипятилетнего возраста...» далее по тексту статьи;

- ч. 5 ст. 50 «Исправительные работы» дополнить категорией «престарелые лица, достигшие семидесятипятилетнего возраста», изложив статью в следующей редакции: «Исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет, престарелым лицам, достигшим семидесятипятилетнего возраста...» далее по тексту статьи;

- ч. 1 ст. 61 «Обстоятельства, смягчающие наказание» дополнить пунктами л) «достижение семидесятипятилетнего возраста» и м) «совершение преступления при защите близких лиц» [10];

10) внести изменения в ряд статей УИК РФ:

- дополнить ст. 16 «Учреждения и органы, исполняющие наказания» частью 15: «Уголовно-исполнительные инспекции осуществляют контроль за применением принудительных мер коммуникативной превенции»;

- ч. 4 ст. 110 «Основные формы и методы воспитательной работы с осуждёнными к ли-

шению свободы» дополнить формулировкой: «члены семьи осуждённого вправе принимать участие в согласованных мероприятиях пенициарной превенции по исправлению виновного» [10].

Значительным для предупреждения преступлений в семейной сфере представляется следующий алгоритм. После принятия дознавателем (следователем, прокурором, судом) решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в нём следует зафиксировать требование об обеспечении криминологического сопровождения семьи (в случае наличия у виновного лица прежней судимости за насильственное преступление). Оно должно осуществляться в форме регулярных посещений семьи участковым уполномоченным либо иным компетентным сотрудником полиции совместно с представителем общественности. Частота данных визитов определяется лицом, принявшим решение по делу [2, с. 64].

Крайне важны в деле противодействия семейной преступности теоретические положения о криминологической коррекции семейных отношений [13, с. 62–78], криминологической безопасности семьи [10], стратегиях её декриминализации [11].

В качестве вывода отметим: проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» содержит нормы, провоцирующие нарушения законности, разрушающие традиционные семейные отношения. Требуется совершенствовать криминофамилистическое законодательство на основе отечественных и зарубежных предложений.

Понимая, что за ПФЗ стоят представители глобальной олигархической власти, хотелось бы увидеть от российских богачей, позиционирующих себя государственниками, поддержку предложенной Д.А. Шестаковым концепции законодательства о противодействии внутрисемейным насильственным преступлениям. Лучшее слово – дело. После широкого освещения на нашей беседе потенциального вреда от законопроекта желательно провести общественное обсуждение вышеуказанной концепции в целях её утверждения Президентом России [1, с. 50].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Данилов А.П.* Глобально организованная власть как источник преступного законодательства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 48–51.
2. *Кочин А.А., Харламов В.С.* Противодействие криминальному насилию в семье: проблемы интерпретации и правоприменения: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019.
3. *Кузнецов М.Н., Якушев П.А.* Законопроект будет провоцировать лишнюю напряжённость. URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/11/11/zakonoproekt_budet_provocirovat_lishnyuyu_napryazhennost (дата обращения: 16.02.2020).
4. Модельное законодательство о насилии в семье. Рекомендации ООН // Вестник Проекта «Новые возможности для женщин» / ИЦ НЖФ. 1997. № 10. С. 22–31.
5. *Понкин И.В.* Заключение от 24.12.2019 на проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: <https://sorokosorokov.ru/posts/news/ponkin-i-v-zaklyuchenie-ot-24-12-2019-na-proekt-federalnogo-zakona-sbn/> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Совместный приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений» // Российская газета. 2006. 25 января.
8. Федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности“» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ч. II. Ст. 4259.
9. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
10. *Харламов В.С.* Новации по совершенствованию российского законодательства об искоренении домашнего насилия // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Международной науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого гос. ун-та, Новополоцк, 12–13 октября 2018 г. / Полоц. гос. ун-т; редкол.: И.В. Вегера [и др.]. Новополоцк, 2018. С. 67–76.
11. *Харламов В.С.* Синергетический подход превентивного воздействия на семейную преступность. Стратегии декриминализации семьи // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 82–87.
12. *Швабауэр А.В.* Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.
13. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию семейных отношений. Л.: ЛГУ, 1980. 81 с.
14. *Шестаков Д.А.* Концепции законопроекта о предупреждении насилия в семье // Девиантное поведение и социальный контроль в посттоталитарном обществе. Международная конференция. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 39–40.
15. *Шестаков Д.А.* Криминология: Преступность как свойство общества: Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. 264 с.
16. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003. 389 с.
17. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология: семья – конфликт – преступление. СПб., СПбГУ, 1996.
18. *Шестаков Д.А.* Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. Юридический журнал. 2004. № 1 (7). С. 28–30.
19. *Шестаков Д.А.* Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия. Материалы международной научно-практической конференции. Баку: Академия полиции Азербайджана, 2016. С. 17–24.
20. *Шестаков Д.А.* Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб.: Юридический центр, 2015. 432 с.

REFERENCES

1. *Danilov A.P.* Globalno organizovannaya vlast kak istochnik prestupnogo zakonodatelstva [Globally organized government as a source of crimogenic legislation]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020, No. 1 (56), pp. 48–51.

2. Kochin A.A., Kharlamov V.S. Protivodeystvie kriminalnomu nasiliyu v seme: problemy interpretatsii i pravoprimereniya: monografiya [Countering criminal domestic violence: problems of interpretation and law enforcement: a monograph]. Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii. SPb., 2019.

3. Kuznetsov M.N., Yakushev P.A. Zakonoproekt budet provotsirovat lishnyuyu napryazhennost [Law project will provoke unnecessary tension]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2019/11/11/zakonoproekt_budet_provocirovat_lishnyuyu_napryazhennost (date of access: 16.02.2020).

4. Modelnoe zakonodatelstvo o nasilii v seme. Rekomendatsii OON [Model legislation on domestic violence. UN Recommendations]. *Vestnik "Novye vozmozhnosti dlya zhenshchin" – Bulletin "New Opportunities for Women."* ITS NZHF. M., 1997, No. 10, pp. 22–31.

5. Ponkin I.V. Zaklyuchenie ot 24.12.2019 na proekt Federalnogo zakona "O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii" [Legal opinion of December 24, 2019 on the Federal law project "On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation"]. URL: <https://soroksorokov.ru/posts/news/ponkin-i-v-zaklyuchenie-ot-24-12-2019-na-proekt-federalnogo-zakona-sbn/> (date of access: 16.02.2020).

6. Proekt zakona o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 16.02.2020).

7. Sovmestnyi prikaz Genprokuratury Rossii No. 39, MVD Rossii No. 1070, MCHS Rossii No. 1021, Minyusta Rossii No.253, FSB Rossii No. 780, Minekonomrazvitiya Rossii No. 353, FSKN Rossii No. 399 ot 29.12.2005 "O edinom uchete prestupleniy" [Joint Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 39, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, EMERCOM of Russia No. 1021, Ministry of Justice of Russia No. 253, Federal Security Service of Russia No. 780, Ministry of Economic Development of Russia No. 353, Federal Drug Control Service of Russia No. 399 of December 29, 2005 "On a unified form of crime registration"]. Rossiyskaya gazeta. 2006, January 25.

8. Federalniy zakon ot 03.07.2016 No. 326-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Federalnogo zakona 'O vnesenii izmeneniy v Ugolovniy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualniy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti'" [Federal Law No. 326-FZ of 03.07.2016 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law 'On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability'"]. SZ RF. 2016, No. 27, Ch. II, St. 4259.

9. Federalniy zakon ot 08.12.2003 No. 162-FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovniy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 162-FZ of 08.12.2003 "On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation"]. SZ RF. 2003, No. 50, St. 4848.

10. Kharlamov V.S. Novatsii po sovershenstvovaniyu rossiyskogo zakonodatelstva ob iskorenii domashnego nasiliya [Innovations for improving Russian legislation on the elimination of domestic violence]. *Kriminologiya v usloviyakh transformatsionnykh protsessov: natsionalniy i mezhdunarodniy aspekty: materialy Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu Polotskogo gos. un-ta, Novopolotsk, 12–13 oktyabrya 2018 g. / Polotsk. gos. un-t; redkol.: I.V. Vegeera [i dr.]. Novopolotsk, 2018. Pp. 67–76.*

11. Kharlamov V.S. Sinergeticheskiy podkhod preventivnogo vozdeystviya na semeynuyu prestupnost. Strategii dekriminalizatsii semi [Synergistic approach of preventive effect on family crime. Family decriminalization strategies]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2015, No. 2 (37), pp. 82–87.

12. Schwabauer A.V. Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.

13. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu semeynykh otnosheniy [Introduction to criminology of family relations]. L., 1980. 81 p.

14. Shestakov D.A. Kontseptsii zakonoproekta o preduprezhdenii nasiliya v seme [Concept of the law project on the prevention of family violence]. *Deviantnoe povedenie i sotsialniy kontrol v posttotalitarnom obshchestve. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy dokladov.* SPb., 1996. Pp. 39–40.

15. Shestakov D.A. Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs [Criminology: crime as a social trait]. SPb.: Lan, 2001. 264 p.

16. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika) [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izd. SPb., 2003. 389 p.

17. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya: semya – konflikt – prestuplenie [Family Criminology. Family – conflict – crime]. SPb.: SPbGU, 1996.

18. Shestakov D.A. Semeynye sudy – perspektiva pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh [Family courts – the prospect of juvenile justice]. *Preduprezhdenie prestupnosti. Kazakhstanskaya kriminologicheskaya*

assotsiatsiya. Yuridicheskiy zhurnal – Prevention of Crime. Kazakhstan Criminological Association. Juridical Journal. 2004, No. 1 (7), pp. 28–30.

19. *Shestakov D.A.* Teoreticheskie osnovy semeynoy kriminologii v primenenii k protivodeystviyu vnutrisemeynym nasilstvennym prestupleniyam [Theoretical basics of family criminology in application to counteracting domestic violent crimes]. *Sotsialno-psikhologicheskie, ugovovno-pravovye i kriminologicheskie problemy semeyno-bytovogo nasiliya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Baku: Akademiya politsii Azerbaydzhana, 2016. Pp. 17–24.

20. *Shestakov D.A.* Teoriya prestupnosti i osnovy otraslevoy kriminologii. Izbrannoe [Theory of crime and fundamentals of branch criminology. Selected works]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2015. 432 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Станиславович Харламов – кандидат юридических наук, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: valentinx55@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valentin Stanislavovich Kharlamov – PhD in Law, Honorary Professor of the Saint-Petersburg International Criminology Club, Professor of the Department of Criminology at Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia); e-mail: valentinx55@mail.ru

УДК 343.9

ББК 67.51

А.П. Данилов

ГЛОБАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННАЯ ВЛАСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПРЕСТУПНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)

Аннотация: В развитие идеи о необходимости криминализации разложения нравственности, культуры, нагнетания страхов в обществе, де-факто являющихся преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, УК РФ следовало бы дополнить ст. 237.1 «Разложение нравственности и (или) культуры». Её диспозиция видится такой: «Действия, направленные на разложение нравственности, культуры, совершённые публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года».

Ключевые слова: семья; семейная криминология; преступный закон; криминология закона; нравственность; криминализация.

A.P. Danilov

GLOBALLY ORGANIZED GOVERNMENT AS A SOURCE OF CRIMINOGENIC LEGISLATION (ON THE EXAMPLE OF THE LAW PROJECT “ON THE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION”)

Summary: The Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with Article 237.1 “Degradation of morality and (or) culture.” This is consistent with the development of the idea of the need to criminalize the degradation of morality and culture, and intensification of fears in society, which are de facto crimes against public health and public morals. Its disposition is seen as follows: “Actions aimed at the degradation of morality, culture, committed in public, including using the media or information and telecommunication networks, including the Internet, by a person after being brought to administrative liability for a similar act during one year.”

Keywords: family; family criminology; criminogenic law; criminology of law; moral; criminalization.

О преступных и криминогенных нормах законопроекта. Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (далее по тексту также – ПФЗ или законопроект) [4], детально рассмотренный в содержательной работе А.В. Швабауэр [6], не выдерживает криминологической критики. Это, в частности, хорошо видно из развернувшейся на сайте Клуба дискуссии [1]. Соглашусь с мнением Анны Викторовны, давшей ПФЗ следующую оценку: «юридически несостоятельный, нарушающий конституционные права граждан, игнорирующий основные начала уголовного и административного права и процесса, противоречащий принципам семейного права, имеющий криминогенный характер, создающий предпосылки для разрушения института семьи и обострения социальных противоречий в обществе» [6, с. 20–21].

Обсуждая ПФЗ, формируя заключение по нему, мы должны обратиться ко многим правовым и научным отраслям, в том числе к семейной криминологии, а также преступноведению¹ закона. Именно благодаря зарождению первой из указанных отраслей мы имеем возможность аргументированно говорить о криминогенности и преступности законопроекта. Почему?

Семейная криминология – старшая по возрасту, первая из преступноведческих отраслей. Её основоположник Д.А. Шестаков, опираясь на созданную теорию, определил горизонтальное строение преступности, предложив рассматривать таковую в качестве свойства, присущего всем социальным институтам: семье, экономике, политике и др. На

¹ Термины «преступноведение» и «криминология» являются синонимами.

основании данной концепции, получившей название «сематическая концепция преступности», стали формироваться экономическая, политическая, экологическая криминология. Таким образом, Дмитрий Анатольевич, последовательно вводя в научный оборот криминологические отрасли, смог предложить и структурно финальную – криминологию закона.

Понятийный аппарат последней был им обогащён определениями «криминогенный закон» – это закон, положения которого способствуют совершению преступлений [9, с. 22], и «преступный закон» – закон, содержащий положение (положения), попирающее уголовное право, а именно нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет, или представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом [9, с. 22].

Представляется, что ПФЗ, в случае его принятия, стал бы и преступным, и криминогенным законом.

В чём его преступность? Согласно ст. 24 «Защитное предписание» и ст. 25 «Судебное защитное предписание» законопроекта, человек, не будучи признанным судом виновным в совершении преступления, фактически может быть лишён своего имущества, связей с семьёй, в целом – будущего. Такое безосновательно репрессивное действие ПФЗ говорит о его преступной сущности, дух законопроекта тлетворен.

В чём криминогенность положений ПФЗ? Для ответа на данный вопрос обратимся к позиции А.В. Швабауэр: «В случае принятия закона любые граждане абсолютно бездоказательно могут быть лишены на неопределённый срок следующих конституционных прав (при применении вышеуказанных ст. 24, 25. – А.Д.): на неприкосновенность частной жизни, воспитание детей, неприкосновенность собственности, жилище, свободу передвижения, свободу совести, права действовать в соответствии со своими убеждениями. Оказавшись внезапно на улице, без жилья и имущества, люди будут спровоцированы на преступные действия. Вопреки названию, ПФЗ – провокатор преступлений» [11].

О юридически безграмотных понятиях. В ст. 2 законопроекта дано определение семей-

но-бытового насилия – «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления».

Данное понятие не может быть принято в силу своей юридической несостоятельности, а также противопоставления содержащихся в нём норм, относящихся к «праву безопасности», положениям административного и уголовного права.

Ещё в 1970-х гг. Д.А. Шестаковым был предложен термин «внутрисемейное преступление» – «преступление, совершённое одним членом семьи против другого члена семьи» [7]. Содержание определения, описывающего феномен насилия в семье, не должно выходить за рамки уголовно и административно наказуемого, так как при заступании за эти границы оно будет устанавливать положение, способствующее «разрушению классического принципа воспитания детей, заключающегося в дозволениях и запретах, убеждении и принуждении» [5, с. 36].

В качестве альтернативы имеющемуся в ст. 2 ПФЗ определению можно предложить следующее: насилие в семье – это деяние, совершённое одним членом семьи против другого, являющееся административным правонарушением или преступлением. Несовершенно и другие понятия законопроекта: «лица, подвергшиеся семейно-бытовому насилию», «нарушитель».

Об ущербности общей профилактики насилия в семье, предусмотренной ПФЗ. Согласно ч. 1 ст. 18 ПФЗ, общая профилактика семейно-бытового насилия в целях устранения причин и условий совершения семейно-бытового насилия включает в себя мероприятия, направленные на повышение уровня правовой грамотности граждан.

Эта криминологически неверная направленность общей профилактики, как представляется, задана заказчиками законопроекта. За их желанием повысить уровень правовой грамотности стоит ряд целеполаганий: 1) формирование у детей установки на непослушание родителям, неподчинение им; 2) привитие несовершеннолетним неуважительного отношения к родителям, выстраивание между ними коммерческих отношений; 3) фактическое разрушение семьи.

Как отмечает Д.А. Шестаков, на общесоциальном уровне противодействия преступности развёртывается криминологическая политика, т. е. политика в области противодействия преступности. Государство, партии, иные политические силы, гражданское общество в целом вырабатывают стратегию реакции на преступность, облачают меры против преступлений в определённые формы [8, с. 252].

На современном этапе развития общества для противодействия семейной преступности, да и преступности в целом, необходимо:

1) пропагандировать традиционные семейные ценности. Например, следует снимать и показывать фильмы о больших дружных семьях, в которых дети помогают родителям, слушаются их, в своей жизни опираются на положительный, нравственный опыт своих предков! Картинам же, скрытно и, тем более, открыто рекламирующим насилие, разврат, извращения, Минкультуры России не должно выдавать прокатные удостоверения – этот запрет надлежит нормативно закрепить;

2) ввести цензуру разлагающей общество и, соответственно, семью информации, распространяемой радиовещанием, телевидением, в Интернете, кинотеатрах, театрах, печатных СМИ и книгах.

Как говорится, «Чисто не там, где метут, а там, где не соряют». Нет потребности набирать в правоохранительные органы тысячи новых сотрудников, которые бы обеспечивали реализацию норм законопроекта. Гораздо действеннее – уволить несколько сотен человек, составляющих штат канала ГНТ, с последующим его закрытием. Этот канал является средством для криминализации, морального разложения общества, в том числе его сексуального помешательства. А именно в дисгармонии интимных супружеских отношений, по мнению Х.Д. Аликперова, скрыт один из главных факторов совершения семейных

преступлений [2, с. 30]. В этом видении он находит поддержку и у меня, и у других криминологов [3].

В развитии идеи о необходимости криминализации разложения нравственности, культуры, нагнетания страхов в обществе, де-факто являющихся преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, в УК РФ следует включить ст. 237.1 «Разложение нравственности и (или) культуры». Её диспозиция видится такой: «Действия, направленные на разложение нравственности, культуры, совершённые публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года».

Путь пророссийских олигархических сил. Понимая, что за ПФЗ стоят представители глобальной олигархической власти (ГОВ), желающие уничтожить семью как таковую, хотелось бы увидеть от российских богачей, позиционирующих себя государственниками, например от Константина Малофеева², поддержки предложенной Д.А. Шестаковым концепции законодательства о противодействии внутрисемейным насильственным преступлениям [10, с. 364–366]. Лучшее слово – дело. Участниками нашей беседы дана однозначная криминологическая оценка законопроекта. Теперь же необходимо провести общественное обсуждение вышеуказанной концепции в целях последующего её утверждения Президентом России.

² Константин Валерьевич Малофеев – председатель совета директоров группы компаний «Царьград», заместитель главы международной общественной организации «Всемирный Русский Народный Собор», основатель телеканала «Царьград ТВ».

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 14 февраля 2020 года беседа «Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии». URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/384-2020-02-16-13-26-01.html> (дата обращения: 20.02.2020).

2. Аликперов Х.Д. Возможно, Зигмунд Фрейд был прав... // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 29–32.

3. Крайнова Н.А. Уголовная политика в сфере противодействия семейно-бытовому насилию, или Нужен ли России закон о профилактике семейного насилия? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 52–55.

4. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 20.02.2020).
5. *Смирнов Л.Б.* К вопросу о криминогенности законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия в РФ // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2020. № 1 (56). С. 33–37.
6. *Швабауэр А.В.* Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2020. № 1 (56). С. 13–22.
7. *Шестаков Д.А.* Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
8. *Шестаков Д.А.* Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминогенное законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб., 2006. 561 с.
9. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; Лань, 2001. 264 с.
10. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 387 с.
11. Юридическое заключение Анны Швабауэр на законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL: <https://narodsobor.ru/2019/12/02/yuridicheskoe-zaklyuchenie-anny-shvabauer-na-zakonoproekt-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasilija-v-rossijskoj-federaczii/> (дата обращения: 20.02.2020).

REFERENCES

1. 14 fevralya 2020 goda beseda “Kriminogennoe zakonodatelstvo v svete semeynoy kriminologii” [February 14, 2020 seminar “Criminogenic legislation in the light of family criminology”]. URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/384-2020-02-16-13-26-01.html> (date of access: 20.02.2020).
2. *Aliperov H.D.* Vozmozhno, Zigmund Freyd byl prav... [Perhaps Sigmund Freud was right...]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2020, No. 1 (56), pp. 29–32.
3. *Kraynova N.A.* Uголовnaya politika v sfere protivodeystviya semejno-bytovomu nasiliyu ili nuzhen li Rossii zakon o profilaktike semejnogo nasiliya? [Criminal policy in the field of domestic violence counteraction, or does Russia need a law on the prevention of family and domestic violence?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2020, No. 1 (56), pp. 52–55.
4. Proekt zakona o profilaktike semejno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 20.02.2020).
5. *Smirnov L.B.* K voprosu o kriminogennosti zakonoproekta o profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v RF [On the issue of criminality of the law project on the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2020, No. 1 (56), pp. 33–37.
6. *Schwabauer A.V.* Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semejno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow.* 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.
7. *Shestakov D.A.* Konfliktnaya semejnaya situatsiya kak kriminogennyy faktor: dis. ... kand. yurid. nauk [Conflict family situation as a criminogenic factor]. М., 1977.
8. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennye zakony i kriminogennoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminogenic legislation. Counteracting crime in a changing world]. СПб., 2006. 561 p.
9. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs [Criminology: crime as a social trait]. СПб.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet; Lan, 2001. 264 p.
10. *Shestakov D.A.* Semejnaya kriminologiya (kriminofamilistika) [Family criminology (criminofamilistics)]. 2-e izd., pererab. i dop. СПб.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 387 p.
11. Yuridicheskoe zaklyuchenie Anny Shvabauer na zakonoproekt “O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoj Federatsii” [Legal opinion of Anna Schwabauer on the law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”]. URL: <https://narodsobor.ru/2019/12/02/yuridicheskoe-zaklyuchenie-anny-shvabauer-na-zakonoproekt-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasilija-v-rossijskoj-federaczii/> (date of access: 20.02.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Петрович Данилов – кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: danilov-a1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey Petrovich Danilov – PhD in Laws, Deputy President of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint Petersburg, Russia); e-mail: danilov-a1@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.А. Крайнова

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ, ИЛИ НУЖЕН ЛИ РОССИИ ЗАКОН О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ?

Аннотация: Для эффективного регулирования семейных отношений крайне важна родолюбивая государственная идеология. Следует соблюдать традиционные русские семейные правила и обычаи, сохранять и защищать наши ценности, внутрисемейный уклад. Прежде всего это необходимо для выстраивания криминологически обоснованной уголовной политики в сфере противодействия насилию в семье. Вмешательство государственных органов в семейные отношения должно быть минимальным.

Ключевые слова: уголовная политика; насилие в семье; противодействие преступности; идеология; родолюбие; семья.

N.A. Krainova

CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF DOMESTIC VIOLENCE COUNTERACTION, OR DOES RUSSIA NEED A LAW ON THE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE?

Summary: For the effective regulation of family relations, a family-loving state ideology is extremely important. We should observe traditional Russian family rules and customs, preserve and protect our values and intra-family way of life. First of all, this is necessary for building a criminologically justified criminal policy in the field of family violence counteraction. Government interference in family relations should be minimal.

Keywords: criminal policy; family violence; crime counteraction; ideology; rodolyubie; family.

Предложенная вниманию просвещённой криминологической общественности тема о необходимости (или отсутствии таковой) принятия в Российской Федерации отдельного закона о противодействии семейно-бытовому насилию, вышедшая в последнее время на передний план различных дискуссий, является несомненно актуальной, так как касается области личностных и внутрисемейных отношений, формирующих человека, а такие влияют на него с момента рождения до последних дней жизни.

Вопросы насилия в семье, противодействия такому – предмет тонкий, требующий внимания и чуткости ввиду определённой его «интимности». Как следствие, нет возможности (а может быть, и потребности) обозначить чёткие, однозначные способы решения данной проблемы.

Анализируемый А.В. Швабауэр [6] проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [3] (далее по тексту – ПФЗ), безусловно,

не выдерживает никакой критики, является криминогенным, не подлежит принятию.

Следует согласиться с метким замечанием Д.А. Шестакова: «Суть беды постсоветского российского законодательства в том, что оно написано по американским (США) лекалам, продиктованным, в конечном счёте, глобальной олигархической властью (ГОВ). В России конкурируют доктринальный диалектический и американо-феминистский законопроекты, регулирующие противодействие преступлениям в семье. Американский законопроект неприемлем, поскольку: 1) не направлен на предупреждение правонарушений; 2) содержит криминогенные нормы» [7, с. 23].

Предложенная Анной Викторовой тема побуждает к расширению границ размышлений и постановке глобальных вопросов: а нужен ли вообще России закон, регламентирующий вопросы противодействия насилию в семье? Возможно, семейные отношения достаточно урегулированы нормами цивилистических отраслей права, а существующих на данный

момент уголовно-правовых и административно-правовых инструментов вполне достаточно? Какова должна быть уголовная политика в сфере противодействия этому виду насилия?

Конфликты, возникающие в семье, не являются чем-то исключительным, уникальным. Как отмечают специалисты, даже самая большая любовь между людьми рано или поздно переходит в разряд бытовых отношений, сопровождаемых разногласиями, возникающими на почве отсутствия единого мнения. Каждый человек по своей природе индивидуален. Сохранение семейного равновесия, благоденствия, на наш взгляд, достигается только лишь за счёт желания и умения сторон наладить свои отношения. И вот тут-то можно ставить вопрос о том, должны ли общество и государство направлять свои усилия на формирование у граждан подобных стремлений, их нравственное воспитание, создание семейной личности.

Я ещё помню те времена (советские), когда государство большое внимание уделяло воспитанию человека, его моральному облику – это была целенаправленная деятельность в рамках существующей государственной идеологии. Семья являлась социальной ячейкой, и её распад подвергался общественному (в том числе на государственно-партийном уровне) осуждению.

В период существования СССР внутрисемейные отношения регулировались посредством соответствующей государственной политики, что, возможно, являлось чрезмерным. Однако следует отметить и тот факт, что абсолютное отсутствие регулирования нравственно-духовной сферы, последовавшее за распадом Союза и переходом к новому, «рыночному» механизму координации общественных отношений, также не принесло нам благ.

Мы утратили национальную идею, некий стержень, вокруг которого консолидируются все положительные общественные силы и идут эволюционные процессы созидания и формирования. Ключевой драйвер развития общества и государства, их плодотворного сосуществования – это идеология. Советский союз, как государство социалистического типа, ориентированное на построение коммунистического общества, опирался на идеологию высоконравственных отношений между людьми, основанных на принципах общечеловеческой морали. Таким образом, формировалась личность, обладающая важными человеческими качествами.

Если рассматривать выстроенную в советском обществе систему ценностей, надо признать: не так уж она была плоха. Однако возврата к прошлому уже не будет. Современное общество находится в поиске новых идей и ценностных ориентиров, которые могли бы спасти нас от угроз полной утраты национальной идентичности и скатывания России до уровня страны, мало уважаемой на мировой политической арене.

В связи с этим крайне актуально предложение А.П. Данилова о формировании государственной идеологии, основанной на родолюбии. Под ним понимается «осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нём глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины. Понятие „родолюбие“ может и должно стать заменой терминам, не имеющим отношения к исконной русской культуре, таким как „национализм“ (уже достаточно дискредитированный) и «патриотизм». Родолюбие по своей духовной, моральной, нравственной, социальной сущности является антикриминальным фактором» [2, с. 28].

В наш век открытого, возможно даже чрезмерно, информационного пространства, в котором царят хаос и анархия, в Интернете можно прочесть всё что угодно; однозначные факты, в том числе исторические, имеют многочисленные и порой противоречивые толкования; специалисты рассуждают на самые разные темы, высказывают точки зрения, принимаемые обывателями за чистую монету, как прямое руководство к действию; распространяя информацию через социальные сети, заинтересованные лица организуют массовые беспорядки, призывают к участию в митингах, неповиновению органам государственной власти.

Поэтому сегодняшний день нужно рассматривать как момент, когда государство просто обязано подумать об объединяющей общество идее и предложить нам таковую. В противном случае последствия для страны будут весьма печальными.

15 января 2020 г. в своём послании к Федеральному Собранию России Президент РФ обратил внимание на необходимость пересмотра отдельных статей Конституции РФ. Затем, в ответ на давний запрос общества, властью была предложена поправка к Основному закону, согласно которой «государственным языком Российской Федерации на всей её

территории является русский язык как язык государствообразующего народа...» [9]. Это положение, безусловно, является важным шагом на пути закрепления на конституционном уровне идеологии родолюбия.

Интересы государствообразующего народа, родолюбивая идеология должны быть стержнем как внутренней, так и внешней политики государства, являться краеугольным камнем выстраивания правового пространства Российской Федерации.

Крайне важна данная идеология и для формирования повестки в сфере регулирования семейных отношений. Следует соблюдать традиционные русские семейные правила, сохранять и защищать наши ценности, внутрисемейный уклад. Прежде всего это необходимо для выстраивания криминологически обоснованной уголовной политики в сфере противодействия насилию в семье.

Построение отношений в семье, как и их прекращение – дело сугубо личное, не допускающее постороннего вмешательства. По мнению специалистов-психологов, «сегодня супругов, столкнувшихся с трудноразрешимой проблемой, практически ничего не сдерживает от разрушения семьи. Они прекращают свой союз, бросаются на поиски другого партнёра, не задумываясь о том, что печальная история может повториться. В XXI веке мы имеем неутешительную статистику: половина браков распадается из-за неумения людей выразить свои мысли и ответить на накопившиеся друг к другу претензии» [5].

Причины семейных конфликтов многочисленны. Не последнее место по степени важности среди данных причин занимает дисгармония интимных супружеских отношений, выделяемая Х.Д. Аликперовым [1]. Однако означает ли это, что государству следует и дальше продолжать политику невмешательства в семейную сферу и законодательно не регламентировать отношения, связанные с противодействием насилию в семье, либо необходимо придавать силу закона откровенно криминогенным положениям, закреплённым в ПФЗ, способствующим разрушению традиционного института семьи?

Думается, истина где-то посередине. Уголовная политика в данной сфере должна включать и разработку отдельного нормативно-правового акта, и осуществление на федеральном и региональном уровнях иных мер профилактического характера.

Так, результаты опроса жителей г. Хабаровска, проведённого К.С. Пуховой, показали, что половина респондентов полагают необходимым принятие отдельного нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере противодействия семейно-бытовому насилию [4, с. 264–265]. Однако на вопрос «Должен ли этим актом быть закон?», по нашему мнению, следует ответить отрицательно.

Согласимся с Д.А. Шестаковым в том, что нам требуется «подготовить не закон, а концепцию законодательства о противодействии внутрисемейным насильственным преступлениям. В ней следует закрепить следующие принципы: 1) учёта всех сторон конфликта; 2) неучастия России в международных соглашениях, базирующихся на концепциях, пренебрегающих интересами того или другого пола; 3) неприемлемости специальных „семейных“ или „противоженских“ составов преступлений» [8]. В дальнейшем на основе данной концепции следует развивать и совершенствовать уголовные и административные нормы, предусматривающие ответственность за насилие в семье.

Кроме того, в концепции необходимо закрепить положение о государственной пропаганде недопустимости насилия в основной ячейке общества. Таковая может осуществляться путём различной просветительской деятельности, в том числе через СМИ. Следует разрабатывать и реализовывать программы реабилитации жертв домашнего насилия, проводить психологическую работу с инициаторами семейно-насильственных конфликтов. Государство должно взять под контроль вопросы семейно-бытовых отношений, соблюдая при этом принципы автономии семьи и недопустимости вредоносного вмешательства государственных органов во взаимоотношения между супругами, в область родительства и воспитания детей.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Возможно, Зигмунд Фрейд был прав... // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 29–32.

2. Данилов А.П. Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. На украинском и русском языках. С. 28–33.

3. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 22.02.2020).

4. Пухова К.С. Домашнее насилие: уголовно-правовой и криминологический аспект // Молодой учёный. 2018. № 18 (204). С. 263–266.

5. Семейные конфликты: причины, последствия, пути их разрешения. URL: http://tv-gubernia.ru/articles/semeynye_konflikty_prichiny_posledstviya_puti_ih_razresheniya/ (дата обращения: 02.02.2020).

6. Швабауэр А.В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.

7. Шестаков Д.А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 23–28.

8. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

9. Эксперты рассказали, к чему приведёт появление понятия «русские» в Конституции РФ. URL: <https://riafan.ru/1254956-eksperty-rasskazali-k-chemu-privedet-poyavlenie-ponyatiya-russkie-v-konstitucii-rf/> (дата обращения: 29.02.2020).

REFERENCES

1. Alikperov H.D. Vozmozhno, Zigmund Freyd byl prav... [Perhaps Sigmund Freud was right...]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 29–32.

2. Danilov A.P. Rodolyubie i my [Rodolyubie and we]. *Krymskie yuridicheskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 11 maya 2012 g. Natsionalniy universitet “Odesskaya yuridicheskaya akademiya.” Ekonomiko-pravovoy fakultet v g. Simferopol. Simferopol: Krymuchpedgiz, 2012. Na ukrainskom i rusском yazykah. Pp. 28–33.*

3. Proekt zakona o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 22.02.2020).

4. Pukhova K.S. Domashnee nasilie: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskiiy aspekt [Domestic violence: criminal law and criminological aspect]. *Molodoy ucheniy – Young Scientist*. 2018, No. 18 (204), pp. 263–266.

5. Semeynye konflikty: prichiny, posledstviya, puti ikh razresheniya [Family conflicts: causes, consequences, ways to resolve them]. URL: http://tv-gubernia.ru/articles/semeynye_konflikty_prichiny_posledstviya_puti_ih_razresheniya/ (date of access: 02.02.2020).

6. Schwabauer A.V. Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.

7. Shestakov D.A. Kriminogennoe zakonodatelstvo v svete semeynoy kriminologii (o proamerikanskom zakonoproekte “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii”) [Criminogenic legislation in the light of family criminology (on the pro-American law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation”)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 23–28.

8. Shestakov D.A. Semeynaya kriminologiya: semya – konflikt – prestuplenie [Family Criminology. Family – conflict – crime]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

9. Eksperty rasskazali, k chemu privedet poyavlenie ponyatiya “russkie” v Konstitutsii RF. [The experts told what the introduction of the concept “Russians” in the Constitution of the Russian Federation will lead to]. URL: <https://riafan.ru/1254956-eksperty-rasskazali-k-chemu-privedet-poyavlenie-ponyatiya-russkie-v-konstitucii-rf/> (date of access: 29.02.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Александровна Крайнова – кандидат юридических наук, доцент, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: kna1976@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda Aleksandrovna Krainova – PhD in Laws, Associate Professor, member of the St. Petersburg International Criminology Club, dean of the faculty of law of Saint-Petersburg State Economic University (Saint Petersburg, Russia); e-mail: kna1976@rambler.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.И. Пишикина

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ЗАКОНУ О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ?

Аннотация: В современном мире применение насилия наблюдается во всех социальных сферах, в том числе и семейной. Разработчики законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» ничего нового для противодействия насилию в семье не предлагают. Вместе с тем очевидна потребность в повышении эффективности деятельности субъектов, уполномоченных осуществлять противодействие насилию в семейно-бытовой сфере. Необходимо увеличить количество специализированных социальных учреждений, дооснастить их, расширить систему органов и учреждений досуговой сферы и перечень предлагаемых ими мероприятий.

Ключевые слова: насилие; насилие в семье; семья; субъекты профилактики; защитное предписание; алкоголизм.

N.I. Pishikina

LAW ON THE PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE: TO BE OR NOT TO BE?

Summary: In the modern world, the use of violence is observed in all social spheres, including family. The lawmakers of the law project “On the prevention of family and domestic violence in the Russian Federation” do not offer anything new to counter domestic violence. At the moment, there is an obvious need to increase the efficiency of the activities of the subjects authorized to counter family and domestic violence. It is necessary to increase the number of specialized social institutions and to equip them. Expansion of the system of bodies and institutions of the leisure sector and the activities they offer is also needed.

Keywords: violence; family violence; family; subjects of prevention; protective order; alcoholism.

Применение насилия – проблема международная, им не брезгают ни люди, ни государства. Оно встречается почти во всех сферах, начиная с политической и заканчивая социальной. «За последние 3400 лет можно насчитать всего 234 года без войн» [2, с. 43]. Что касается насилия в семье, то оно было, есть и будет. Меняются только его интенсивность и формы. Задача криминологии – предложить меры, способствующие разрешению многочисленных семейных противоречий.

Давайте вспомним наиболее резонансные случаи данного вида насилия. Мгновенно на ум приходят следующие уголовные дела: жителя Нижнего Новгорода Олега Белова, который 25 июля 2015 г., находясь в своей квартире, где проживал с беременной женой и шестью детьми, зарезал их, трупы расчленил и сложил в пакеты, а затем уехал в город Гороховец Владимирской области, где расправился со своей матерью; Дмитрия Грачёва, который в декабре 2017 г., поссорившись с женой

на почве ревности, отвёз её в лес и отрубил ей кисти обеих рук, после этого доставил женщину в больницу, а сам явился в полицию и написал явку с повинной; сестёр Кристины, Ангелины и Марии Хачатурян, которые 27 июля 2018 г., находясь в квартире, где проживали со своим отцом, убили его, нанеся ему множественные удары ножом; Олега Соколова, доцента исторического факультета СПбГУ, который 9 ноября 2019 г. убил свою аспирантку и сожительницу Анастасию Ещенко и расчленил её труп.

Внесению в Совет Федерации обсуждаемого на беседе в Клубе проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [7] (далее по тексту также – ПФЗ или законопроект) предшествовала деятельность рабочих групп. В них входили представители от Совета Федерации РФ, Государственной Думы РФ, президентского Совета по правам человека Конституционного Суда РФ, Следственного комитета

РФ, а также общественные деятели. В числе последних: адвокат Мари Давтян, создатель сети взаимопомощи для женщин «#ТыНеОдна» («Проект W») Алёна Попова. Как видим, состав разработчиков довольно серьёзный, и для этого должны быть веские основания.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в июле 2019 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) объединил жалобы Натальи Туниковой, Маргариты Грачёвой, Елены Гершман и Ирины Петраковой в дело «Туникова против России». Эти женщины серьёзно пострадали от своих мужей. В рамках рассмотрения дела эксперты ЕСПЧ направили Правительству РФ обращение по поводу проблемы насилия в семье в нашей стране [4].

В октябре 2019 г. Минюстом России был дан ответ. В частности, сообщалось, что Российское государство полностью выполнило обязательства по созданию законодательной базы, эффективно решающей проблему домашнего насилия; нет необходимости в принятии конкретных нормативных актов, касающихся явления насилия в семье, до тех пор, пока существующие средства правовой защиты такого же характера остаются эффективными. Законодательство РФ полностью соответствует семейно-охранительному подходу, согласно которому чрезмерное вмешательство государства в частную и семейную жизнь нарушает право личности на неприкосновенность частной жизни, препятствует мирному урегулированию конфликтных ситуаций с обидчиком, способствующему сохранению отношений в семье, не оставляя этот вопрос на усмотрение органов государственной власти [6].

В рамках обсуждения ПФЗ необходимо напомнить о том, что 7 февраля 2017 г. Президентом России был подписан Федеральный закон «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» [8], в результате чего нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, в отношении близких лиц было исключено из диспозиции ст. 116 УК РФ. Ранее включение в данную статью формулировки «в отношении близких лиц» справедливо критиковалось криминологами [3].

Учитывая позицию представителей власти, можно сделать вывод о том, что наси-

лие в семье в России не является серьёзной проблемой. Тем не менее Совет Федерации опубликовал для общественного обсуждения законопроект. Выделим две его важные составляющие: нормативно-правовую и психологическую. Подробно остановимся на первой из них.

28 сентября 2016 г. в Государственную Думу РФ уже вносился подобный законопроект – № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». Его инициаторами выступили депутат Госдумы С.Ш. Мурзабаева и член Совета Федерации А.В. Беляков [5]. Данный проект был отклонён по причине его «нестыковки» с действующим законодательством: отдельные положения документа противоречили Семейному кодексу РФ и Конституции РФ, а другие, по сути, дублировали существующие нормы.

29 ноября 2019 г. ПФЗ был размещён на сайте Совета Федерации для обсуждения, которое длилось две недели. В итоге поступило 11 186 комментариев, отражающих различные точки зрения. Их изучение позволило прийти к выводу, что подавляющее большинство людей, высказавших свою позицию, отрицают необходимость принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия. При этом основная масса таковых – это женщины. Отрадно, что на сайте размещено достаточно много объёмных, содержательных и весьма юридически грамотных комментариев¹. Значительно меньше высказываний в поддержку законопроекта, но в них всегда присутствуют указания на недостатки ПФЗ, требующие устранения².

Нет смысла вновь перечислять те права участников семейно-бытовых конфликтов, которые могут быть нарушены в случае принятия законопроекта, поскольку об этом подробно говорится в очень глубокой работе А.В. Швабауэр [9] и комментариях на сайте Совета Федерации [7].

Однако сделать несколько замечаний всё же необходимо. Во-первых, разработчики ПФЗ, просто обязанные являться профессионалами своего дела, с удивительной точно-

¹ См., например, комментарии И.В. Волинец, Е.Г. Харюковой-Добролюбовой, М. Вирцевой, Н.А. Кузнецова [7].

² См., например, комментарии Е.С. Трофимовой, Т.В. Тунь, Л.Е. Щербак, Е.А. Юсуповой [7].

стью повторили ошибки составителей предыдущего законопроекта 2016 г., внимательное знакомство с которым позволяет сделать вывод о том, что он составлен юридически грамотнее ПФЗ!

Во-вторых, исключая деяния, относящиеся к преступлениям и административным правонарушениям, в качестве оснований для принятия законопроекта его разработчики приводят данные именно уголовно-правовой статистики. При этом не представлено статистических сведений медицинских организаций, учреждений специализированного социального обслуживания: кризисных центров, социальных гостиниц, приютов, центров социальной помощи семье и детям, психолого-педагогической помощи населению, экстренной психологической помощи. Иначе говоря, отсутствует информация о деятельности тех субъектов, через которые, по смыслу законопроекта, как раз и проходят жертвы семейно-бытового насилия. Материалы же этих организаций имеют важнейшее значение, поскольку в них речь идёт о количестве пострадавших лиц, причинах их обращения, нахождения в соответствующих учреждениях, а также об оценке сложившейся ситуации в семейно-бытовой сфере.

В-третьих, разработчики ПФЗ, обосновывая необходимость принятия нового закона, ссылаются не на отсутствие специальных норм, полномочий у каких-либо специализированных субъектов для разрешения семейно-бытовых конфликтов, а на равнодушие, непрофессионализм, халатность должностных лиц и работников, уполномоченных совершать необходимые правовые действия.

Вряд ли дополнительный закон что-то изменит в лучшую сторону. Это понятно и неспециалистам. Например, Юлия Викторовна Осинина – одна из участниц обсуждения ПФЗ – написала следующее: «...Я полагаю нужным составление дополнительной инструкции или разъяснений для органов полиции, опеки и т. д., где будут классифицированы возможные ситуации и перечислены применимые в таких случаях нормы. Также необходимо усилить борьбу с основными причинами

семейных конфликтов: алкоголизмом, наркоманией, стеснёнными условиями проживания, бедностью, низким уровнем культуры и образования, отсутствием здорового и культурного досуга в провинции» [7].

В-четвёртых, по сути, разработчики законопроекта ничего нового не предлагают для профилактики насилия в семье. Во многих статьях прямо ссылаются на уже имеющиеся правовые акты. Условной новацией можно считать лишь положения о *защитном предписании* (ст. 24), оформляемом должностным лицом органа внутренних дел, и *судебном защитном предписании* (ст. 25), выносимом судьёй. Однако для применения данных мер не обязательно принимать отдельный закон, можно дополнить действующие акты, регламентирующие деятельность соответствующих субъектов.

Таким образом, нормативно-правовая составляющая ПФЗ вызывает множество вопросов и замечаний. Следовательно, говорить о принятии закона рано. Вместе с тем очевидна потребность в повышении эффективности деятельности субъектов, уполномоченных осуществлять противодействие насилию в семейно-бытовой сфере. Необходимо увеличить количество специализированных социальных учреждений, дооснастить их, расширить систему органов и учреждений досуговой сферы и перечень предлагаемых ими мероприятий.

Особое внимание нужно уделить противодействию алкоголизации населения. Несмотря на существенное снижение потребления алкоголя в России (почти вдвое за период с 2011 по 2018 г.: с 18 до 9,3 литра на человека в год), его уровень всё ещё очень высок (рекомендованная Всемирной организацией здравоохранения норма составляет 8 литров) [1].

При определении мер, направленных на разрешение криминогенных противоречий в семейной сфере, целесообразно сосредоточить внимание не только на криминалистических новациях, но и обратиться к дельным преступноведческим предложениям последних десятилетий, озвученным, в частности, представителями невско-волжской криминалистической школы.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Министра Вероники Скворцовой на заседании итоговой коллегии Минздрава России. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (дата обращения: 20.02.2020).

2. Денисов В.В. Философия насилия // Философия и общество. 2008. № 1 (49). С. 39–56.
3. Дмитрий Шестаков: «Статью о ненадлежащем воспитании нужно исключить из Уголовного кодекса, тогда не будет и вопросов о её толковании». URL: <http://katyusha.org/view?id=2978> (дата обращения: 20.02.2020).
4. ЕСПЧ коммуницировал жалобы по делам о домашнем насилии: что дальше? URL: <http://wcons.net/novosti/espch-kommunicirov1-zhaloby-po-delam-o-domashnem-nasilii-chto-dalsh> (дата обращения: 20.02.2020).
5. Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 20.02.2020).
6. Правительство защищает мужчин от женщин. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163633> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 22.02.2020).
8. Федеральный закон № ФЗ-8 «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 7 февраля 2017 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702070049?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 20.02.2020).
9. Швабауэр А.В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 13–22.

REFERENCES

1. Vystuplenie Ministra Veroniki Skvortsovoy na zasedanii itogovoy kollegii Minzdrava Rossii [Speech by Minister Veronika Skvortsova at the meeting of the final board of the Ministry of Health of Russia]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii> (date of access: 20.02.2020).
2. Denisov V.V. Filosofiya nasiliya [Philosophy of violence]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 2008, No. 1 (49), pp. 39–56.
3. Dmitry Shestakov: “Statyu o nenadlezhashchem vospitanii nuzhno isklyuchit iz Ugolovno kodeksa, togda ne budet i voprosov o ee tolkovanii” [Dmitry Shestakov: “The article on improper upbringing must be excluded from the Criminal Code, and then there will be no questions on its interpretation”]. URL: <http://katyusha.org/view?id=2978> (date of access: 20.02.2020).
4. ESPCH kommunitiroval zhaloby po delam o domashnem nasilii: chto dalshe? [The ECHR communicated complaints about domestic violence cases: what next?]. URL: <http://wcons.net/novosti/espch-kommunicirov1-zhaloby-po-delam-o-domashnem-nasilii-chto-dalsh> (date of access: 20.02.2020).
5. Zakonoproekt No. 1183390-6 “O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya” [Law project No. 1183390-6 “On the prevention of family and domestic violence”]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (date of access: 20.02.2020).
6. Pravitelstvo zashchishchaet muzhchin ot zhenshchin [The government protects men from women]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163633> (date of access: 20.02.2020).
7. Proekt zakona o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Law project on the prevention of family and domestic violence]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (date of access: 22.02.2020).
8. Federalniy zakon No. FZ-8 “O vnesenii izmeneniy v statyu 116 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii” ot 7 fevralya 2017 goda [Federal Law No. FZ-8 “On amendments to Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation” of February 7, 2017]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702070049?index=0&rangeSize=1> (date of access: 20.02.2020).
18. Schwabauer A.V. Ugrozy i istoki zakonoproekta o profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya [Threats and origins of the law project on the prevention of family and domestic violence]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2020, No. 1 (56), pp. 13–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Ивановна Пишикина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: pishinina@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nina Ivanovna Pishikina – PhD in Laws, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia); e-mail: pishinina@mail.ru

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

А. Лепс

О НАСИЛИИ В ЭСТОНСКИХ СЕМЬЯХ

Аннотация: Проблема насилия в семье для Эстонии является одной из самых важных. В целях профилактики данного вида насилия следует заниматься, помимо прочего, вопросами, связанными с агрессором: его взглядами, поведением.

Ключевые слова: семья; дети; насилие; помощь; пострадавший; женские опорные пункты.

А. Leps

ABOUT VIOLENCE IN ESTONIAN FAMILIES

Summary: The problem of domestic violence is one of the most important for Estonia. In order to prevent this type of violence it is necessary among other things to deal with issues related to the aggressor: his views, behavior.

Keywords: family; children; violence; help; victim; women's shelter.

Введение. В любой стране, в том числе и Эстонии, во время праздников увеличивается число случаев насилия в семье. Зачастую его свидетелями становятся дети. Эстонские Министерство социальных дел, Министерство внутренних дел, Департамент полиции и погранохраны, Департамент социального страхования, а также Прокуратура призывают граждан фиксировать данные случаи, сообщать о них в соответствующие органы.

Необходимую поддержку можно получить, позвонив в Службу экстренной помощи по номеру 112, а также в женских опорных центрах, работающих круглосуточно. Их контакты и иная важная информация на эстонском и русском языках представлены на сайте «Пожалуйста, помощи» (www.palunabi.ee).

Около 80 % жертв насилия в эстонских семьях составляют женщины. Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (заключена в Стамбуле 11 мая 2011 г.) была ратифицирована Рийгикогу (Государственным собранием Эстонии) 20 сентября 2014 г. Мужчины, ставшие жертвами насилия, также вправе получить требующуюся им помощь [3].

По мнению министра здравоохранения и труда Эстонии Рийны Сиккут, «самое главное – чтобы пострадавший знал, где искать помощь и мог найти в себе силы её искать. Жертва никогда не виновата в случившемся. Поэтому важно, чтобы другие люди не давали

произошедшему оценок, а помогли ей получить необходимую поддержку. Большую роль в помощи жертве играют её близкие и соседи, таковые могут заметить происходящее и сообщить о насилии. Особенно это важно, если пострадавшие – дети и пожилые люди. Они не всегда просят о помощи, так как порой не понимают, что произошло с ними – это плохо» [3].

Также, по её словам, «для предотвращения случаев насилия в семье и оказания своевременной помощи жертвам различные учреждения ведут совместную работу. В 2019 г. из государственного бюджета на помощь потерпевшим были выделены дополнительные средства. Люди должны получать то, что им необходимо: круглосуточную кризисную помощь, услуги опорных центров, консультации психологов или юристов. Государство предлагает разностороннюю поддержку, цель которой – остановить насилие и дать пострадавшим возможность начать новую жизнь».

Мнения и цифры. С 1 января 2019 г. жертвы насилия могут звонить на кризисный номер помощи 116 006, доступный круглосуточно. В ходе телефонного разговора обеспечивается эмоциональная поддержка, разъясняются те или иные вопросы. Дальнейшую помощь оказывают женские опорные центры, органы местного самоуправления, семейные врачи. Как отмечает эстонский криминолог, руководитель отдела помощи жертвам насилия Департамента социального страхования Яко

Салла, «многие исследования показывают, что ключевую роль в помощи жертве играет время. Если необходимая помощь поступает своевременно, то с большей долей вероятности жертва её примет» [2].

Согласно заявлениям бывшего министра внутренних дел Эстонии Катри Райк, «совместный Пярнуский проект доказал необходимость незамедлительного вмешательства всех ведомств, в рамках которого с места происшествия удаляется агрессор, а также предлагается поддержка и консультация жертве. Самое важное – вовремя оказать помощь пострадавшему, проконсультировать и поддержать его, безотносительно того, было ли возбуждено уголовное дело, а также поддерживать человека до тех пор, пока ситуация не разрешится. Также следует быстро оказать помощь детям, ставшим жертвами насилия, ведь насилие порождает насилие» [2].

По утверждению заместителя генерального директора Департамента полиции и погранохраны Криста Аас, «критический анализ серьёзных случаев насилия в семье показывает, что у специалистов, как правило, есть информация о рисках. Единая система оценки факторов риска помогает эффективно вмешиваться в ситуацию и организовывать совместную работу так, что социальная система оказывает помощь каждой нуждающейся семье» [2].

Кроме быстрого реагирования и своевременной помощи жертве, в целях профилактики дальнейшего насилия также следует заниматься агрессором, его взглядами и поведением. Первая социальная программа по исправлению поведения агрессора была запущена в Таллине в 2019 г. (когда на это впервые были выделены денежные средства). С 2020 г., благодаря дополнительному финансированию, действие данной программы распространяется на всю Эстонию.

С 2019 г. финансирование женских опорных центров увеличилось до одного миллиона евро в год, что позволило открыть дополнительные центры в Хартюмаа и Ида-Вирумаа. Контактная информация этих организаций размещена на сайте Департамента социального страхования Эстонии.

Следует отметить, что:

1) расходы, связанные с насилием в эстонских семьях, превышают 116 миллионов евро в год. Следовательно, больше внимания необходимо уделять противодействию ему;

2) по состоянию на конец 2018 г. в Департамент полиции и погранохраны поступило 14 277 жалоб о насилии в семье. В 3708 случаях были возбуждены уголовные дела [2]. За 11 месяцев 2019 г. жалоб зарегистрировано больше, чем за весь 2018 г., – это связано с лучшей осведомлённостью людей о своих возможностях и более качественной работой ведомств.

Что делать, если вы стали жертвой или свидетелем насилия?

Если вы стали жертвой насилия или слышите ругань, крики о помощи, видите, что кто-то применил по отношению к другому насилие, то звоните на номер экстренной помощи 112;

не пытайтесь разрешить ситуацию самостоятельно, потому что агрессор может напасть и на вас;

если есть возможность, поговорите с жертвой, помогите ей найти в себе силы обратиться за помощью в полицию, женский опорный центр или к врачу для того, чтобы зафиксировать побои;

если видите нуждающегося в помощи ребёнка, звоните на номер помощи детям 116 111.

Что может сделать жертва насилия?

Если вам грозит непосредственная опасность, вызовите полицию. Зачастую эти смелые действия требуют активности, решимости, но так вы можете спасти себя и своих детей от повторения насилия в будущем;

если вы стали жертвой и при этом первоочередная задача – обеспечение безопасности детей, продумайте план бегства: как и куда;

доверьтесь своему инстинкту: если у вас возникло чувство, что вы в опасности, то вполне вероятно, что так оно и есть. Постарайтесь как можно скорее попасть в безопасное место. Разумно было бы собрать необходимые вещи заранее; их можно оставить у друзей или у себя на работе;

если вам нанесены побои, позаботьтесь о том, чтобы получить медицинскую помощь. Повреждения могут быть серьёзнее, чем вам могло показаться на первый взгляд;

проследите, чтобы повреждения были задокументированы (в травмпункте, полиции), поскольку впоследствии эти данные могут стать важным доказательством в судебном процессе. Если вы считаете, что справки не потребуются, поскольку не желаете судебного

расследования, всё же задумайтесь: в будущем ваше мнение может измениться;

заведите дневник, в котором вы будете фиксировать даты всех проявлений насилия и угрозы;

сохраните весь доказательный материал: письма по электронной почте, медицинские справки, СМС и т. п.

Лицо, нуждающееся в защите, среди прочего вправе:

запретить приближаться к себе тому, кто нанёс ему ущерб;

урегулировать вопросы использования жилья, порядок общения.

Дети при насилии в семье. Очевидно, что дети, живущие вместе с насильником, наблюдают насилие и знают об этом явлении больше, чем предполагают родители. Картина избиения одним родителем другого наносит детям глубокую душевную травму независимо от того, угрожает им физическое насилие или нет, происходит ли это у них на глазах, слышат ли они ругань из соседнего помещения или видят следы побоев. Помимо этого

существует угроза, что ребёнок станет непосредственной жертвой физического, психологического или сексуального насилия [1].

Как помочь жертве насилия в семье? В такой ситуации человек чувствует себя одиноким, он напуган. Необходимо обращать внимание на знаки, свидетельствующие о насилии, и постараться оказать поддержку жертве. Зачастую для этих людей большим облегчением является уже то, что их выслушали. Учтите, что вы можете быть первым человеком, которому пострадавший рассказывает о своих проблемах.

Краткий итог. Результаты исследований (2014 и 2017 гг.), проведённых Эстонским институтом открытого общества совместно с юридическим факультетом Тартуского университета, показали: основная причина того, что случаи насилия в семье не становятся предметом разбирательства в суде, – отказ жертв от своих первоначальных показаний в связи с переосмыслением случившегося [3]. Пока существует брак, будет и насилие в семье?

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Perevägivald Eestis – ohvroid iga päev, neist kolmandik on lapsed. URL: <https://emmedeklubi.ee/emadele/perevagivald-eestis-ohvroid-iga-paev-neist-kolmandik-on-lapsed-8616/> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Riina Sikkut: Perevägivalda tõkestamine on meie kõigi ühine vastutus. URL: <https://www.ohtuleht.ee/912503/riina-sikkut-perevagivalda-tokestamine-on-meie-koigi-uhine-vastutus> (дата обращения: 10.02.2020).
3. Silvia Kaugia: vägivallal on õige mitu nägu. URL: <https://leht.postimees.ee/6878305/silvia-kaugia-vagivallal-on-õige-mitu-nagu> (дата обращения: 10.02.2020).

REFERENCES

1. Perevägivald Eestis – ohvroid iga päev, neist kolmandik on lapsed. URL: <https://emmedeklubi.ee/emadele/perevagivald-eestis-ohvroid-iga-paev-neist-kolmandik-on-lapsed-8616/> (date of access: 10.02.2020).
2. Riina Sikkut: Perevägivalda tõkestamine on meie kõigi ühine vastutus. URL: <https://www.ohtuleht.ee/912503/riina-sikkut-perevagivalda-tokestamine-on-meie-koigi-uhine-vastutus> (дата обращения: 10.02.2020).
3. Silvia Kaugia: vägivallal on õige mitu nägu. URL: <https://leht.postimees.ee/6878305/silvia-kaugia-vagivallal-on-õige-mitu-nagu> (date of access: 10.02.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андо Лепс – доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстония); e-mail: andoleps@hotmail.ee

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ando Leps – Doctor of Laws, Professor (Tallinn, Estonia); e-mail: andoleps@hotmail.ee

2. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА. ГОД 2019

Аннотация: В 2019 г. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб провёл четыре научные беседы: «Современное учение о противодействии преступности в местном преломлении», «Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)», «Преступление и проблемы адекватного наказания», «Теоретическая криминология в сравнении» (последние две – международные).

Ключевые слова: Санкт-Петербургский международный криминологический клуб; общая криминологическая теория; противодействие преступности; киберкриминология; наказание.

D.A. Shestakov, S.U. Dikaev, A.P. Danilov

THE CHRONICLE OF THE ST. PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGY CLUB. THE YEAR 2019

Summary: In 2019, the St. Petersburg International Criminology Club organized four scientific seminars: “Modern doctrine on crime counteraction in local refraction,” “Law, digitalization and security in the criminological sphere (returning to the topic),” including two international – “Crime and problems of adequate punishment,” and “Theoretical criminology in comparison.”

Keywords: St. Petersburg International Criminology Club; general criminological theory; crime counteraction; cybercriminology; punishment.

15 февраля 2019 года международная беседа «Преступление и проблемы адекватного наказания». С докладом «Электронные весы правосудия» [1] выступил Х.Д. Аликперов – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика).

Беседу вёл соучредитель Клуба С.Ф. Миллюков. На неё собрались криминологи из Ельца (Россия), Москвы (Россия), Нижнего Новгорода (Россия), Санкт-Петербурга (Россия), Баку (Азербайджанская Республика).

Состав участников беседы:

- 2 *гостя* (писатель Н.В. Кофырин; специалист Комитета по общественной безопасности и информации Администрации Сосновоборского городского округа ЛО С.В. Янкин);

- 12 *студентов вузов* (РГПУ им. А.И. Герцена: Е.А. Александрова, А.А. Деткова, А.Ю. Зайцева, А.С. Вислогузова, Э.Р. Зиганшина, Д.А. Мухин – все 2-й курс; Р.С. Власов,

Д.Д. Искадарова – все 4-й курс; СПбГЭУ: М.И. Савичев, Д.Д. Селицкая, В.О. Мартынова, Ю.В. Ширшинова – все 4-й курс);

- 1 *аспирант* (РГПУ им. А.И. Герцена: М.А. Пахомова);

- 8 *адъюнктов* (СПБУ МВД России: Б.Б. Бахромзода, Е.В. Буряковская, О.Н. Гончаренко, Н.Г. Григорян, М.А. Дворжицкая, Е.А. Маркова, С.З. Музафаров, А.Д. Рубан);

- 3 *преподавателя* (СПБУ МВД России: А.А. Кирьянов; СПбГЭУ: И.В. Мезенцев, В.П. Топоров);

- 1 *кандидат исторических наук* (директор издательства «Юридический Центр» И.Х. Дамения);

- 12 *кандидатов юридических наук* (РГПУ им. А.И. Герцена: А.Л. Гуринская, А.П. Данилов, М.С. Дикаева; ЕГУ им. И.А. Бунина: Ю.И. Дук; СПбГЭУ: Н.А. Крайнова, Н.В. Радошнова, О.А. Чабукиани; СПБУ МВД России: Н.И. Кузнецова, А.В. Никуленко,

В.С. Харламов; СПВИ войск национальной гвардии: Н.А. Петухов; Филиал ВНИИ МВД России по Северо-Западному федеральному округу: К.А. Красикова);

• 9 докторов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: Я.И. Гишинский, С.У. Дикаев, С.Ф. Милуков; Центр правовых исследований: Х.Д. Аликперов; ЕГУ им. И.А. Бунина: Ю.В. Голик; ННГУ им. Н.И. Лобачевского: Г.Н. Горшенков; РААН: В.С. Джатиев; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации: Р.Д. Шарапов), в том числе 1 заслуженный деятель науки Российской Федерации (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: Я.И. Гишинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, А.Л. Гурина, А.П. Данилов, В.С. Джатиев, Н.А. Крайнова, С.Ф. Милуков, Р.Д. Шарапов, Д.А. Шестаков.

Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика). «Электронные весы правосудия».

Анализ судебной практики стран СНГ показывает, что во многих государствах постсоветского пространства правосудие по уголовным делам отличается чрезмерным обвинительным уклоном и расточительным применением уголовной репрессии. Так, судебная статистика стран Содружества свидетельствует, что суды при выборе меры наказания всё чаще прибегают к лишению свободы.

Как результат, сегодня в некоторых странах СНГ до 57 % лиц, признанных виновными в совершении преступлений, в том числе и небольшой тяжести, приговариваются судами к реальному лишению свободы. Например, в 2016 г. удельный вес лиц, осуждённых к лишению свободы, составил в Азербайджане 57 %, Кыргызстане – 39,6 %, Таджикистане – 34 %, России – 29 %. В то же время во многих государствах Западной Европы этот показатель не превышает 8–15 %.

Другая хроническая болезнь современного правосудия в постсоветских республиках – это, с одной стороны, неоправданно широкий правовой простор для усмотрения суда при постановлении приговора, а с другой – несовершенство материального и процессуального законодательства, отягощённое к тому же систематическим извращением со стороны

правоприменительных органов духа и буквы закона.

Всё это, естественно, отрицательно влияет на качество судопроизводства, приводит к росту числа правовых ошибок при разрешении конкретных дел, нарушению принципа справедливости при постановлении обвинительного приговора и т. д.

Одним из механизмов, способных предметно решить многие из существующих ныне проблем отправления правосудия по уголовным делам, может стать электронная система определения оптимальной меры наказания (сокращённо «Электронные весы правосудия»). Она предназначена для оказания помощи судье (суду) в выборе наиболее оптимальной меры наказания из числа предусмотренных УК РФ за совершённое преступление, которая была бы не только законной и обоснованной, но и соразмерной как общественной опасности преступления, так и личности виновного.

Тестовая апробация «Электронных весов правосудия» на более чем 100 различных обвинительных приговорах, вступивших в законную силу, показала, что предложенная электронная система в состоянии успешно справиться с выбором справедливого наказания, причём с вероятностью как минимум 97–99 %.

Наряду с этим она способна существенно экономить уголовную репрессию, свести к минимуму неоправданно суровые и необоснованно мягкие обвинительные приговоры, значительно сократить количество апелляционных жалоб (протестов) на вердикты судов, упорядочить объём и предел судебского усмотрения, повысить уровень формализации процесса назначения наказания и т. д.

Другое несомненное достоинство электронной системы определения оптимальной меры наказания выражается в том, что ей чужды такие присущие людям пороки, как корысть и месть, злоупотребление служебным положением и предвзятость. Учитывая это, «Электронные весы правосудия» в случае их внедрения в деятельность судов способны параллельно выполнять и функции социально-психологического фактора, направленного на подсознательное формирование у виновного мотивации к конструктивному сотрудничеству с органами уголовного преследования, добровольному возмещению причинённого ущерба, поскольку он будет уверен, что элек-

тронная система обязательно учтёт его позитивные посткриминальные поступки при определении ему меры наказания.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). «Электронные весы правосудия» в свете общей преступноведческой теории.

Своевременность информационной модели определения меры наказания. Прежде всего, хотелось бы поприветствовать очередной доклад в Клубе профессора Ханлара Джафаровича Аликперова, на сей раз о компьютерной модели назначения уголовного наказания. Вопрос этот злободневен. В России ведутся разработки по внедрению элементов искусственного интеллекта в деятельность нотариата, а также в вынесение типовых судебных решений, в том числе для оценки целесообразности условно-досрочного освобождения или избрания меры пресечения [15]. Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕJ) Совета Европы 4 декабря 2018 г. приняла «Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях». Это первый европейский акт, в котором излагаются этические принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах.

Ханлар Джафарович не только чётко определил задачу построения электронной системы определения оптимальной меры наказания (далее – ЭСООМН), но и предложил до мелочей продуманное её решение, включающее в себя матрицу назначения наказания и алгоритмы индивидуализации уголовной ответственности, в которых используются соответствующие закону позитивные и негативные баллы, относящиеся к совершённой деянию и личности виновного.

ЭСООМН в предмете преступноведения (криминологии). Теоретико-практическая проблема ЭСООМН междисциплинарна. К какому разделу науки о преступности относится осмысление ЭСООМН? Складывается впечатление, что предложенная Аликперовым модель тяготеет более прочего к криминологии закона, к её правоприменительному сегменту. Она представляет интерес также для политического преступноведения и, конечно, для общей криминологической теории.

Соответственно правилам науки о преступности, в первую очередь подлежат рассмотрению два основных вопроса: какие дополни-

тельные возможности создаёт ЭСООМН для противодействия преступности? что за преступные (криминогенные) угрозы она в себе включает?

Да, полагаю, что девятислойная модель («воронка») преступности пригодится нам в качестве одного из инструментов многосторонней криминологической оценки ЭСООМН. Едва ли допустимо обойти вниманием глубокий девятый уровень воронки – преступность глобальной олигархической власти (ГОВ), стремящейся держать человечество в подчинении. Использует ГОВ, как известно, и глобальные информационные возможности. «Весы» можно запрограммировать как угодно. Ведь техника позволяет их «подталкивать» (в том числе извне), сдвигая равновесие в ту или иную сторону, и, таким образом, с их помощью управлять приговорами судей, часть рассудка которых постепенно будет перемещаться из их голов во внешний искусственный разум.

Предварительный вывод. Программа (модель) информационной помощи суду в подготовке приговора полезна. Развитие техники правосудия, с одной стороны, и информационных технологий, с другой стороны, ведут к её появлению. По существу, она берёт на себя часть умственной работы судьи. Добросовестный судья должен применительно к конкретному случаю совершения преступления освежить в памяти положения закона, регламентирующие назначение наказания, а также судебную практику по подобным делам. А тут за него потрудится компьютер, который благодаря программе освободит судью от части умственной нагрузки и от необходимости поддерживать в рабочем состоянии судебскую память. Доля памяти перемещается в искусственный разум...

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). О «весах Аликперова».

Закономерным следствием научной «кипучести» Ханлара Джафаровича являются «Электронные весы правосудия». Можно сказать, что весы, как древний символ меры и справедливости, сегодня символизируют развитие современной криминологической идеи предупреждения преступлений, концепцию которой Ханлар Джафарович представил на суд криминологической общественности.

В рассматриваемой концепции реализован *биосоциальный подход*. Суть его, как извест-

но, заключается в том, что человек рассматривается как биосоциальная система: с одной стороны, в нём находим биологический организм, а с другой – в нём функционирует рациональное начало, благодаря которому человек выстраивает отношения в обществе [4]. Биологический фактор в концепции профессора Аликперова, таким образом, выступает, *во-первых*, как средство, стимулирующее профилактическую функцию суда; *во-вторых* (в развитие первого положения), как средство обеспечения высокого, оптимального уровня наказания (т. е. определение меры и процедуры её назначения).

Я.И. Гилинский (Санкт-Петербург, Россия). «Электронные весы правосудия» – вымысел или реальность?

Действительность вносит существенные коррективы в объективность процесса правосудия. Огромное количество дел у судьи, семейное неблагополучие судьи, зуб разболелся, «рекомендации» председателя суда или вышестоящего суда, политическая обстановка в стране, личное мнение судьи (судей) по определённой категории дел... Я уже не говорю о коррумпированности, прямых директивах «сверху» и прочих незаконных видах вмешательства в осуществление правосудия (так и хочется это слово взять в кавычки – «правосудие»).

Но даже обоснованные по существу приговоры нередко в России и некоторых других странах бывшего СССР (а также в ряде стран Африки, Юго-Восточной Азии и особенно в США) грешат чрезмерно суровыми мерами наказания. Как пример – возможность вынесения в США приговора в отношении одного лица к двум пожизненным срокам и ещё 120 годам лишения свободы...

Что же делать, чтобы добиться максимальной обоснованности и справедливости выносимых приговоров по уголовным делам? Да, конечно, обеспечить *реальную* независимость судей. Да, беспощадно преследовать их возможную коррумпированность. Да, формировать у судей (да и у всего населения) гуманистическое отношение к людям, даже совершившим преступления. Да, улучшить работу следственных органов, представляющих уголовные дела к судебному разбирательству. Да, реформировать уголовное законодательство, декриминализировать многочисленные деяния, не представляющие реальной общественной опасности, снизить максимальные

сроки лишения свободы, предусмотреть реальные виды наказания, не связанные с лишением свободы (в т. ч. ограничение свободы). И ещё много известных «прописных истин», далеко не всегда достигаемых. Но, может быть, в современном «цифровом» мире возможны более технологичные, объективные, ни от кого и ни от чего не зависящие способы оптимизации и объективизации вынесения приговоров?

Несомненный теоретический и практический интерес представляют попытки «математизировать», «компьютеризировать» в помощь суду процесс назначения наказания. Одной из таких разработанных систем является представленная Х.Д. Аликперовым электронная система определения оптимальной меры наказания (ЭСООМН), или «Электронные весы правосудия».

Не вдаваясь в подробное изложение ЭСООМН, отметим, что, основываясь на материалах конкретного дела, она позволяет «подсказать» суду оптимальное наказание в отношении подсудимого (подсудимых). Значимые для определения наказания характеристики личности обвиняемых представляются в виде *таблицы индексации* отягчающих и смягчающих вину обстоятельств. Выработан *алгоритм* определения оптимальной меры наказания. Разработана *матрица* назначения наказания. При этом за судом (судьёй) сохраняется право окончательного решения о выносимой мере наказания, что не умаляет роль суда. Другое дело, что, выходя за рамки предложенного «Электронными весами правосудия» наказания, суд должен будет обосновать своё решение.

Разумеется, внедрение ЭСООМН требует законодательного решения. Конечно же, суды будут активно сопротивляться внедрению этой системы (особенно с учётом коррумпированности многих судей и привычки «давать по максимуму»). Но, думается, «цифровое» решение многочисленных проблем во всех сферах человеческой жизнедеятельности, включая судебную, раньше или позже, в виде ЭСООМН и/или других систем войдёт в нашу жизнь и станет привычным делом.

И.М. Рагимов (Баку, Азербайджанская Республика). О компьютерной программе для определения меры наказания.

Ещё Ч. Беккариа в книге «О преступлениях и наказаниях», опубликованной в Италии в

1764 г., писал: «Если бы существовала точная и всеобщая лестница преступлений и наказаний, мы имели бы довольно верное общее мерило степени тирании и свободы, человеколюбия и жестокости различных наций». Любовь автора к математике, понимание её значения видятся на страницах этой книги: «математический» язык, образы из области физики и астрономии.

Поиски путей формализации правил назначения наказания ведутся давно, не только юристами, но и представителями других наук. В 1916 г. Н.Д. Оранжев, инженер по специальности, в книге «Преступление и наказание в математической зависимости» отметил, что по методам выработки приговора в части назначения наказания суд стоит на тех же основаниях, что и 1000 лет назад. В данном отношении почти нет прогресса. Для преодоления этого автор предложил перейти к математическому сопоставлению обстоятельств, существенных для определения виновности.

Суть предложения Н.Д. Оранжева заключалась в методе шкалирования. В советский период в русле этой идеи В.И. Курляндский предложил оценивать в баллах, с одной стороны, определённую единицу меры наказания, а с другой – значимость критериев его назначения, относящихся к деянию и личности.

Различные варианты использования математических методов определения зависимости между преступлением и наказанием были предложены В.Л. Чубаревым, Д.О. Хан-Магомедовым, В.П. Нажимовым, а также зарубежными исследователями. Например, известный норвежский учёный Н. Кристи указывает на возможность использования компьютерной техники для формализации правил назначения наказания.

Сегодня даже представители нейробиологии предлагают использовать их программы в системе правосудия в целях определения справедливого наказания преступнику, вынесения объективного судебного решения. Всё это свидетельствует о том, что общих законодательных начал недостаточно для максимально целесообразного выбора вида и размера наказания, так как отсутствие единого способа учёта элементов и факторов приводит к тому, что процесс назначения наказания сильно схож с гаданием на кофейной гуще.

На этом фоне разработанная Х.Д. Аликеповым компьютерная программа определения оптимальной меры наказания представляет большой интерес. Её главные отличия от известных на сегодняшний день программ подобного рода – это системность, точность, стройность, объёмность информации, надёжность и простота практического применения. При этом, разумеется, её автор осознаёт, что некоторыми представителями судебной системы она будет воспринята с недоверием. Поэтому он и не претендует на абсолютную истинность и бесспорность своей доктрины. Его задача скромна – представить юридической общественности свой вариант применения кибернетических методов при определении меры наказания.

С.Ф. Милоков (Санкт-Петербург, Россия). Будут ли беспристрастны «Электронные весы правосудия»?

Если обозреть более или менее известную нам часть истории человечества, то легко заметить многократные попытки мудрецов и просто увлечённых (одержимых) людей раз и навсегда решить вековые проблемы одним-двумя чудодейственными способами: созданием философского камня, изобретением «вечного» двигателя и т. п.

В настоящее время роль упомянутого философского камня выполняют информатика, всеобщая и полная компьютеризация. Нам постоянно твердят о «цифровой» экономике, как будто «цифра» способна сама по себе добывать нефть, валить лес, варить сталь, выращивать зерно, строить дома, учить детей, лечить больных, охранять государственные рубежи.

Сохранение и обострение классово-борьбы даже в высокоразвитых странах (та же Франция), наличие колоссальных масс бедных, голодных и неграмотных убеждают нас в бесплодности этих попыток. Пресловутая «цифровизация» нужна невиданно разросшейся бюрократии: контролёрам, цензорам и банковским спекулянтам, постоянно ищущим дополнительные источники обогащения и подавления недовольных.

Кризис правосудия в России коренится не в недостатке электронно-вычислительной техники, а почти в неприкрытом его классовом (сословном) характере. Совсем свежий пример – недавнее обновление и так уже вопиюще ангажированной ст. 76.1 УК РФ Федеральным законом от 27 декабря 2018 г.

№ 533-ФЗ. Плюс органические пороки действующего УПК РФ, который отказался от поиска объективной истины и возвёл признание вины обвиняемым в ранг «царицы доказательств».

Наш ответ на вынесенный в заголовок отклика вопрос будет отрицательным, поскольку электронный ключ к этим весам будет находиться в руках тщательно отобранных и проверенных людей, а главный ключник (или ключница) расположится на верхних этажах власти (в сегменте той же глобальной олигархической власти (ГОВ), существование которой отнюдь не случайно яростно отрицается прозападной частью политиков и юристов).

Означает ли это, что мы против широкого обсуждения проблемы, поднятой Х.Д. Аликперовым? Отнюдь нет. Его заслуга состоит как раз в том, что он инициировал широкую дискуссию по возможной замене живых юристов с их земными страстями якобы беспристрастными и неподкупными роботами. Она позволит высказать различные мнения в ходе разгорающегося спора.

Ю.В. Голик (Москва, Россия). Поиски меры.

Со времён появления писаного уголовного права возникла проблема определения меры наказания (её справедливости, адекватности, законности и т. д.). Многие отечественные учёные работали в этом направлении, но особых успехов не достигли [3; 14]. Отчасти это объясняется тем, что они исходили только из внутреннего законодательства, внутренних идеологических установок и почти не принимали во внимание общемировые тенденции и подходы в этом направлении.

Насколько я понимаю, автор проекта проанализировал все доступные ему зарубежные наработки по данной проблематике. Автор не просто описывает проблему, но и предлагает свой вариант выверенного решения, который он в предварительном порядке уже опробовал на определённом круге уголовных дел. Подобный подход заслуживает высокой положительной оценки.

Данная проблема напрямую выходит на более широкую проблематику всей нашей сегодняшней жизни. Речь идёт о том процессе, который получил название «цифровизация». Переход на «цифру», по сути дела, меняет всю нашу жизнь, мировосприятие, порядок получения информации и её оценки, а главное – меняет характер и способ использования

полученной информации. При этом мы должны чётко понимать, что к старому возврата не будет. Нравится кому-то это или нет, но это так. Когда человек пересел с лошади на автомобиль, это тоже далеко не все восприняли с восторгом, но такова жизнь.

Следует полностью отдавать себе отчёт в том, что перейти на «Электронные весы правосудия» в ближайшем времени не удастся. Много, очень много необходимо изменить, в частности процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство – надо же будет фиксировать и учитывать поведение виновного после назначения наказания, например при задействовании института условно-досрочного освобождения.

В случае внедрения этой системы в судебную практику будет значительно облегчена работа судей при определении меры наказания виновному. Окончательное решение, разумеется, останется за судом, который может внести свои коррективы в предложенное компьютером решение, подробно мотивировав его.

Изменится в этом случае и работа вышестоящих судебных инстанций, которые должны будут проверять, при необходимости, правильность использования судом, назначившим меру наказания, всех необходимых критериев.

Введение нового порядка определения меры наказания позволит избежать произвола, вкусовщины, политизированности при назначении наказания. Практически полностью устраняется коррупционная составляющая при назначении наказания (избежать её полностью, видимо, нельзя, так как она перейдёт на новый уровень, связанный, например, с фальсификацией доказательств). Оптимизация наказания по предлагаемой схеме позволит сделать сам процесс назначения наказания прозрачным и понятным для окружающих, что в современных условиях весьма важно. Общество будет с большим доверием относиться к суду и к принимаемым им решениям. Проверка принятых решений вышестоящей судебной инстанцией обретает новый характер, упрощается и ускоряется. Всё это будет способствовать укреплению законности и правопорядка в стране.

В.С. Джатиев (Москва, Россия). Преступление и наказание: что и на чём взвешивать?

Х.Д. Аликперов, безусловно, прав, указывая на «чрезмерный обвинительный уклон»

и «расточительное применение уголовной репрессии» в сочетании с «неоправданно широким правовым простором для усмотрения суда» как на характерные признаки правосудия по уголовным делам в «государствах постсоветского пространства».

В качестве средства объективизации назначения наказания за преступление предложена «электронная система определения оптимальной меры наказания», которую, как я понимаю, автор и сам не склонен идеализировать. Для утверждения в собственных представлениях или их корректировки ему полезен непредвзятый сторонний критический взгляд.

Целевые ожидания, связанные с предложенной системой определения оптимальной меры наказания, вполне рациональны и вряд ли встретят неприятие в среде специалистов. Имеются в виду: «экономия уголовной репрессии», «сведение к минимуму неоправданно суровых и необоснованно мягких обвинительных приговоров», «значительное сокращение количества апелляционных жалоб (протестов) на вердикты судов», «упорядочение объёма и пределов судейского усмотрения», «повышение уровня формализации процесса назначения наказания». Несомненными достоинствами системы также являются её независимость от пороков человеческого характера, многочисленными проявлениями которых пересыщена правоприменительная практика, и производное от этого возможное доверительное отношение к ней как заинтересованных участников уголовного судопроизводства, так и широкой общественности.

Вопросы возникают относительно матрицы назначения наказания и алгоритмов индивидуализации наказания. Первая определяется как «система правил, в которых обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, в зависимости от их положительных и отрицательных свойств индексированы позитивными и негативными баллами». Означает ли это, что обстоятельства, в совокупности образующие состав преступления, не охватываются системой определения оптимальной меры наказания и не подвергаются индексированию позитивными и негативными баллами? Кроме того, «разумность и здравый смысл», безусловно, должны присутствовать в механизме назначения наказания, но вместе с тем хотелось бы иметь в распоряжении более чёткие

критерии балльной оценки «обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание».

На мой взгляд, и характер, и степень общественной опасности преступления определяются всей совокупностью объективных и субъективных обстоятельств преступления [6, с. 6–22, 77–112], воспринимаемых, соответственно, как качественное и количественное явления. Поэтому положения УК РФ о том, что обстоятельство, предусмотренное законом в качестве признака преступления, не может «повторно» учитываться при назначении наказания в качестве смягчающего или отягчающего (ч. 3 ст. 61 и ч. 2 ст. 63), считаю ошибочными. По этой логике, все обстоятельства, образующие состав преступления, выводятся за рамки индивидуализации уголовной ответственности, с чем согласиться невозможно.

Под алгоритмами же индивидуализации наказания «подразумеваются рамочные правила, в которых с учётом объективных и субъективных свойств совершённого преступления, количества позитивных и негативных баллов, установленных по делу, и т. д. определены верхняя и нижняя границы наказания, в пределах которых судья (суд) с учётом других положений УК РФ осуществляет индивидуализацию наказания». Как видим, речь уже идёт об объективных и субъективных свойствах (позволю себе отождествить их с объективными и субъективными обстоятельствами) преступления, а не только об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание. Если предположить, что в зависимости от балльной оценки всех без исключения обстоятельств преступления Х.Д. Аликперов видит в них свойство влиять на индивидуализируемое наказание в сторону смягчения или отягчения, то с ним, конечно же, можно согласиться.

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия). Применение электронных систем с искусственным интеллектом в криминофамилистике.

Нельзя не отметить, что презентованные Х.Д. Аликперовым «Электронные весы правосудия» являются мощным толчком для развития криминологии, в частности в результате их внедрения в современную антикриминальную практику. Через призму идей Ханлар Джахфаровича я попытаюсь оценить возможности их использования в семейной криминологии.

Технологии электронного правосудия могут быть достаточно эффективно применены в

деятельности семейных судов (суды по делам семьи). Таковые функционируют в ряде стран мира: Японии, Германии, Польше, Канаде, Англии. Там разрешаются дела по спорам и конфликтам в семейной сфере. В России подобные суды пока не созданы. Единая модель электронного правосудия позволит ускорить появление семейных судов в нашей стране.

Надлежащая организация правоприменительной деятельности с использованием таких систем позволит минимизировать возможную деформацию семейных отношений и не допустить разрушение семьи. При этом «Электронные весы правосудия» трансформируются в систему электронного правоприменения. Она же предоставит правоприменителю следующие рекомендации:

- заключить брак или отказаться от него;
- оценить последствия расторжения брака;
- провести диагностику состояния семейных отношений в разные периоды жизни семьи (кризисные циклы семьи, социальные катаклизмы и др.);

- оказать определённую поддержку со стороны государства, общественности, отдельных граждан. Например, рекомендации по применению психокоррекционных программ, медиации, системы контроля со стороны органов внутренних дел за неблагополучными и криминальными семьями, семьями с инвалидами.

*А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия).
Компьютер против человека – выживем?*

Модели, подобные «весам правосудия», состоят на службе в гражданском процессе. Например, сервис «Правобот» позволяет, согласно заявлениям разработчиков, в 10 раз быстрее сформировать правовую позицию. Вы загружаете в данную программу текст иска (претензии или жалобы) и уже через несколько секунд получаете судебные акты по похожим спорам, позиции судов, правовые нормы, на которые ссылались суды, а также прогноз исхода дела.

Новые технологии разгоняют скорости всех процессов, в том числе и правовых. Но задаются ли компьютерные знатоки, стремящиеся повсеместно использовать искусственный интеллект, вопросом, как отразится уже в самом ближайшем будущем тотальная роботизация на простом населении?

Профессии, не требующие высокой квалификации работников, крайне активно вытесняются роботами: кассиры во многих магази-

нах, операционисты в банках. Завтра обещают избавить мир от бухгалтеров и юристов. А что послезавтра – оставят только тех, кто обслуживает сферу высоких технологий? Чем тогда займется примерно 95 % остального населения – выйдут на большую дорогу? Есть ощущение, что людям создали условия для вымирания в ближайшие 35–50 лет.

Поэтому хотелось бы услышать от тех лиц, кто стоит за реализацией цифровизации и роботизации в России, ответы на следующие вопросы: существует ли граница, за которую научно-технический прогресс не должен заступать? Какова умеренная терпимость населения к прогрессу? Не пора ли сказать ему «Стой!»?

Человечеству, глядя на фактическую войну, развязанную представителями глобальной олигархической власти, использующими робототехнику против людей, пора обратиться к умеренной нетерпимости. Напомним, что под ней понимается *нетерпимость, ограниченная криминологической мерой, выражающаяся в совершении деяний, могущих выходить за рамки закона, но не должных признаваться правонарушениями в силу своей защитной сущности* [5, с. 29]. Проявим умеренную нетерпимость к научно-техническому прогрессу?

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия). «Электронные весы правосудия»: цифровизация процессов или оцифровка задач?

Проблему определения оптимальной меры наказания, пожалуй, можно отнести к категории вопросов риторических, сопровождающих доктринальные уголовно-правовые и криминологические учения независимо от их времени, места и субъекта формирования. Над решением данного вопроса ломали головы в Древнем Риме и Древней Греции. И по сей день проблематика не потеряла своей актуальности.

В Российской Федерации уже ведутся разработки неких цифровых моделей, которые были бы способны оказать помощь юристам в решении практических задач. Такие разработки активно применяются на практике. Например, разработанная компанией «Гарант» аналитическая система «Сутяжник» осуществляет подбор судебных решений, нормативно-правовых документов по запросам заинтересованных лиц, сформированным на основе полных текстов или фрагментов документов [2].

Понимая и принимая неизбежность цифровизации, происходящей в современном обществе и государстве, хочется всё же высказать некоторые опасения. Прежде всего они связаны с использованием основополагающих концептуальных подходов в решении вопросов цифровизации.

Задача цифровизации поставлена для реализации в масштабах всего государства. В этих целях постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439 утверждена Концепция развития информатизации судов до 2020 года.

Назначая наказание, судья в том числе (а может быть, и в первую очередь) должен иметь в виду ресоциализирующее значение вида и размера наказания. Немаловажное значение для реализации функций наказания имеет также отношение к назначенному наказанию самого осуждённого, восприятие его как справедливого и соразмерного. Хочется обратить внимание и на существование таких характеристик, как человечность, гуманность, которые вряд ли когда-либо будут применимы к разного рода информационным системам.

Вероятно, не удастся избежать постоянной корректировки алгоритмов назначения наказания в связи с изменениями законодательства, а в некоторых случаях они носят принципиальный характер.

Ю.И. Дук (Елец, Россия). «Электронные весы правосудия» – веяние времени.

Система «Электронных весов правосудия» является прогрессивной и отвечает веяниям времени. Её внедрение в практику судопроизводства привнесёт определённые позитивные изменения, решит достаточно большое количество проблем, в том числе связанных с коррупцией. Тем не менее необходимо очень аккуратно и последовательно подходить к использованию данной системы.

Существенно влияет на региональные особенности назначения наказания несовершенство уголовного законодательства. В связи с этим возникают трудности при вынесении приговоров и определении судами наказания за аналогичные преступные деяния в разных регионах.

За 25 лет существования УК РФ в него внесено более 2000 поправок. Постоянные изменения существенно осложняют работу матрицы «Электронных весов правосудия». Интуиция и опыт судьи являются бесценными, они по-

зволяют ему выносить справедливые решения. Опыт формируется на основе не только знания законодательства, но также и региональных особенностей, этноса, проживающего в субъекте РФ. В нашей стране насчитывается более 160 народов, обладающих своей специфической культурой, материальными и духовными ценностями, обычаями и традициями, исповедующих практически все мировые религии. Эти особенности судья должен учитывать при вынесении решения.

А.В. Никуленко (Санкт-Петербург, Россия). «Неполадки» в отправлении правосудия и инновационные пути их решения.

На наш взгляд, предлагаемый Х.Д. Аликперовым механизм осуществления правосудия не лишён определённых недостатков. Виной тому в том числе наши страхи перед новаторством, передачей судебных функций «роботу». Списывать со счетов моральный аспект применения «компьютера» на службе правосудия не представляется возможным. Нельзя не сказать и о возможных перспективах отмирания профессии юриста. Об этом недавно заявлял Г. Греф на встрече со студентами во Владивостоке.

С другой стороны, если для многих криминалистов очевидны недостатки действующей модели, предлагаемая система «Электронные весы правосудия» имеет право на существование. Более того, право государства на социальный эксперимент позволит провести таковой в каком-нибудь пилотном регионе и разрешит, хотя бы в какой-то части, возможные противоречия. Тем более что искусственный интеллект уже внедряется в судах при подготовке стенограмм судебных заседаний.

Полагаю, что научно-технический прогресс невозможно остановить, и если искусственный интеллект зарекомендует себя положительно при его применении, можно смело говорить о революции в отечественной юриспруденции.

Н.И. Кузнецова (Санкт-Петербург, Россия). О возможности использования «Электронных весов правосудия» при рассмотрении дел об экологических преступлениях.

Разработанная профессором Х.Д. Аликперовым электронная система определения оптимальной меры наказания (сокращённо ЭСОМН, также «Электронные весы правосудия») призвана усовершенствовать правоприменительную практику, облегчить ра-

боту судейского корпуса, устранить случаи предвзятого отношения к подсудимым, а также решить проблему коррупции в суде.

Вместе с тем следует отдавать себе отчёт в том, что ЭСОМН является пусть и, как представляется, эффективным, но всего лишь инструментом применения существующего на сегодняшний день уголовного законодательства со всеми его очевидными недостатками. Попытки реализации ЭСОМН в повседневной деятельности судебных учреждений неизбежно столкнутся со многими из них.

Массу примеров пробелов и очевидных недостатков можно найти, например, среди норм гл. 26 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за экологические преступления. Напомним, что в 2011 г. изменениям подверглись санкции девяти статей данной главы, устанавливающие минимальную границу наказания в виде лишения свободы. Нижний предел срока/сроков лишения свободы был устранён, что позволило судьям часто необоснованно назначать минимальные сроки лишения свободы за совершение экологических преступлений. Эта неоднозначная с точки зрения обеспечения экологической безопасности новелла встретила целый ряд критических замечаний учёных-правоведов, представителей общественности. Здесь также могли бы пригодиться цифровые технологии при выборе справедливой меры наказания.

Ш.Т. Самедова (Баку, Азербайджанская Республика). О компьютерной технологии определения оптимальной меры наказания.

Представленная Х.Д. Аликперовым электронная система определения оптимальной меры наказания (ЭСОМН) виновному за совершённое им преступление направлена на формализацию назначения наказания и, следовательно, сужение широких возможностей судейского усмотрения при отправлении правосудия по уголовным делам.

Подобный подход, несомненно, приведёт к заметному снижению коррупционных явлений в системе правосудия, что укрепит законность и правопорядок в государстве, повысит доверие общества к судебной власти.

В то же время, как бы мы положительно ни относились к почти полной формализации назначения уголовного наказания, считаем, что для применения ЭСОМН в масштабах всего государства должны быть подготовлены соответствующие теоретическая и практическая

базы. Например, в США подготовительный процесс для принятия федерального руководства по назначению наказаний занял десятилетия, в ходе которых были изучены материалы более 10 000 уголовных дел, проведены десятки публичных слушаний, опубликованы проекты для ознакомления широкой общественности.

И.В. Мезенцев (Санкт-Петербург, Россия). О чём думает электронный судья?

Х.Д. Аликперов, безусловно, стоит на позиции гуманности при назначении справедливого наказания. Усматривается его обеспокоенность в связи с несовершенством работы судей при определении судьбы подсудимых. Действительно, в большинстве случаев судом назначается наказание, связанное с лишением свободы. Электронная система определения оптимальной меры наказания, по мнению автора данной модели, устранит этот пробел и позволит назначать более мягкие наказания различного типа.

Не секрет, что суд реже назначает такие наказания, как исправительные работы, арест, штраф. В чём причина незначительного применения подобных санкций? Как сделать систему правосудия понятной обществу, не вызывающей негодования обывателей?

Ханлар Джафарович пришёл к выводу о том, что судебная машина в лице отдельных индивидуумов не способна выносить справедливые решения, зачастую подвержена коррупционным факторам. Для преодоления людских соблазнов и непрофессионализма им была предложена программа автоматического определения меры наказания, по сути перекладывающая всю эту «головную боль» на машину.

Но способен ли электронный «мозг» быть лучше и точнее человеческого? Предвзятости у машины, в отличие от человека, нет, но у компьютера отсутствует и сопереживание подсудимому. А гуманность является принципом уголовного законодательства, реализуемым в том числе через замену наказания более мягким, определение наказания с учётом трудоустроенности лица, его обеспеченности, возможности уплаты штрафа и др.

М.Н. Сипягина (Санкт-Петербург, Россия). О работе «Электронных весов правосудия».

Внедрение электронных программ в уголовное судопроизводство является актуаль-

ной проблемой. Х.Д. Аликперов подчёркивает: «Электронные весы правосудия» в состоянии существенно экономить уголовную репрессию, свести к минимуму неоправданно суровые и необоснованно мягкие обвинительные приговоры, упорядочить объём и предел судейского усмотрения.

Хочется отметить, что на сегодняшний день правосудие невозможно оградить от человеческого фактора, и вряд ли это когда-нибудь удастся сделать.

21 июня 2019 года Дагестанский государственный университет народного хозяйства и Санкт-Петербургский международный криминологический клуб провели беседу «Современное учение о противодействии преступности в местном преломлении». Её содержание было освещено на сайтах данного вуза, а также Республиканского информационного агентства «Дагестан».

С докладом «Основы учения о противодействии преступности» [16] выступил Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Беседу вёл заместитель президента Клуба А.П. Данилов. На неё собрались криминологи из Махачкалы (Россия), Москвы (Россия), Санкт-Петербурга (Россия), Баку (Азербайджанская Республика). В обсуждении доклада участвовали: Х.О. Алиев, Х.Д. Аликперов, Д.М. Гаджиев, С.Н. Гаджиев, А.П. Данилов, И.С. Джавадова, С.Ф. Милюков.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Основы учения о противодействии преступности.

Предварительные замечания. Учение о противодействии преступности является составной и завершающей частью общего преступноведческого учения наряду с теорией преступности и разделами о причинах её воспроизводства. Учение о противодействии преступности опирается на два упомянутых других учения, вытекает из них. Особую роль для формирования моей собственной теории противодействия играют семантическая концепция преступности и многослойная модель («воронка») преступности. Использование этих концепций позволило поставить в не-вско-волжской преступноведческой школе и рассмотреть в Санкт-Петербургском между-

народном криминологическом клубе, а также осветить на страницах клубного журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» такие злободневные вопросы, как, например, противодействие преступности глобальной олигархической власти (ГОВ), преступности сфер здравоохранения, науки и образования, сферы законодательства и др.

О словоупотреблении. Противодействие преступности представляет собой исторически очеловечивающуюся организованную реакцию общества и государства на преступность в целях восстановления нарушенных прав, ресоциализации, защиты общества и предупреждения преступлений.

Оно складывается из:

1) не основанного на наказании предупреждения преступлений;

2) контроля со стороны государства и общества за криминогенными, в частности виктимогенными, ситуациями и личностями, этот контроль включает в себя, помимо прочего, административное принуждение;

3) мер безопасности;

4) уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

От многослойной модели «воронка преступности» – к многослойному противодействию этому злу. Если смотреть на поверхностные (обыденная и обыденно-профессиональная преступная деятельность) или среднеуглублённые (преступления в разрешённой экономической деятельности, «шлаковая» организованная преступная деятельность, терроризм и экстремизм) уровни преступности, то может сложиться ошибочное впечатление, будто бы употребление «воронки» не так уж много нового даёт для возведения общего здания противодействия. Да, действительно, применительно к этим уровням давно имеются и совершенствуются как теоретические разработки, так и практическая их реализация. Значение качественно новой идеи «воронки преступности» становится очевидным при взгляде на глубинные её уровни: внутренний олигархический, внешнегосударственный, планетарный олигархический.

Понятно, что предлагаемое здесь видение структуры и объёма противодействия преступности на первый взгляд воспринимается как нечто немыслимо грандиозное, практически неподъёмное. Совершенно ясно также, что внутренний государственный уровень

противодействия преступности ныне действующей российской государственной властью не может быть воспринят положительно. Она, власть, категорически против пересмотра итогов преступной приватизации в стране, на деле она поощряет и закрепляет сложившееся и углубляющееся разделение народа на богатых и бедных.

Для того чтобы новое видение противодействия преступности постепенно пробивало себе дорогу, начинать надо с учебной работы, в частности с построения соответствующей «воронке преступности» теории противодействия в учебном курсе преступноведения, во всяком случае в передовых, ориентированных на науку юридических вузах, в особенности в тех из них, которые имеют или намерены создать кафедры преступноведения.

Путь к единому праву противодействия преступности. Идеальная перспектива противодействия преступности видится мне в рождении единого права противодействия преступности (ППП). Оно должно появиться в результате слияния уголовного права, взятого в широком понимании, которое охватывает материальную, процессуальную, исполнительную и уголовно-молодёжную его составляющие, криминологического права и права безопасности.

Соответственно идеальному ППП должно быть принято единое законодательство о противодействии преступности (ЕЗПП). Верхний его уровень – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень пяти кодексов и одного закона: 1) Кодекс предупреждения преступлений; 2) Закон о мерах безопасности; 3) Кодекс об уголовной ответственности и восстановлении положения молодёжи в обществе; 4) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный.

Итог. Сегодня важно довести устами преступноведов до общественности подлинные цели государства, которые оно преследует в области уголовной политики, заботясь лишь об интересах господствующей в стране «олигархии». С особым вниманием и осторожностью следует отнестись к так называемому праву (а в действительности бесправию, «неправу» – Unrecht) безопасности, теснящему классическое уголовное право. Идею

права противодействия преступности надо воплотить в жизнь!

И.М. Рагимов (Баку, Азербайджанская Республика), Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика). Преступноведческое учение профессора Д.А. Шестакова.

Дмитрий Анатольевич поднял из глубин бытия современного криминала широкий пласт острейших проблем криминологии, многие из которых не только малоизвестны широкому кругу специалистов, но и не были предметом специального исследования.

В частности, нам импонирует его предложение дополнить Конституцию РФ положением, согласно которому «Каждый гражданин Российской Федерации получает плату за использование кем бы то ни было природных ресурсов России, а также установленную законом долю от прибыли, получаемой от использования ресурсов. Размер платы за пользование и доля в прибыли, а также порядок их перечисления гражданам через специальный социальный фонд определяются федеральным законом».

Сказанное в полной мере мы относим и к инициативам Д.А. Шестакова: о дополнении ч. 2 ст. 13 Конституции РФ положением, согласно которому «Уважение к России, её истории, стремление к достойному её экономическому и политическому положению в мировом сообществе, равно как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, составляют основу государственной идеологии России»; о необходимости запретить использовать при подготовке законов зарубежную финансовую «поддержку» в виде грантов и тому подобного, а также не допускать иностранных специалистов в круг их непосредственных разработчиков; об устранении варварских сверхдлительных сроков лишения свободы за многие виды преступлений, предусмотренных в уголовных кодексах стран СНГ.

Заслуживает всемерной поддержки и предложение докладчика об учреждении нового международного суда, задачей которого стала бы проверка соответствия нормативных актов и иных решений государственных властей и международных соглашений, а также решений международных организаций нормам и принципам международного уголовного права.

Развивая эту идею, считаем целесообразным такой международный суд (условно

назовём его Евразийским международным конституционным судом) учредить не только для России, но и для других стран – участниц СНГ.

Социально-правовая потребность в Евразийском международном конституционном суде продиктована той вакханалией, которая царит практически во всех странах постсоветского пространства, в которых как Верховный суд общей юрисдикции, так и Конституционный часто принимают решения, вступающие в грубое противоречие не только с нормами и принципами Конституции соответствующей страны СНГ, но и с общепризнанными международно-правовыми нормами в сфере охраны прав человека и гражданина.

Достаточно интересной является идея Д.А. Шестакова о разработке единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП), в котором, по его мнению, должны быть определены пределы дозволенного собственно государству – не только в назначении уголовного наказания, но и во всех прочих разновидностях противодействия преступности. При этом он предлагает и достаточно взвешенную архитектуру этого законодательства:

- верхний его уровень – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности;
- уровень кодексов и закона: 1) Кодекс предупреждения преступлений; 2) Кодекс об уголовной ответственности и восстановлении положения молодёжи в обществе; 4) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный; Закон о мерах безопасности.

Заслуживают поддержки и предложенные Дмитрием Анатольевичем специфические методики экспертизы нормативных правовых актов. Так, по его мнению, в ходе такой экспертизы «наряду с выявлением криминогенных законоположений необходимо также выявлять и нормы, дефиниции которых граничат с криминалом или же явно являются таковыми. Поэтому экспертиза нормативных правовых актов, помимо прочего, должна отвечать на вопросы: не является ли норма преступной? не противоречит ли она, в частности, международному уголовному праву, а также естественному праву? При этом, что очень важно, должен быть установлен порядок на законодательном уровне, согласно которому преступ-

ностиведческая экспертиза распространяется не только на законопроекты, но и на действующее законодательство, в том числе и на Конституцию Российской Федерации».

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). Гуманистическая стратегия преступноведства.

В «Основах учения о противодействии преступности» Д.А. Шестаков представил завершающую часть своей мощной научной трилогии общего преступноведческого учения. Две предыдущие составляющие – это, как именует их сам учёный, *теория преступности и причины её воспроизводства*.

Дмитрий Анатольевич пишет: «Противодействие преступности представляет собой исторически очеловечивающуюся организованную реакцию общества и государства на преступность в целях восстановления нарушенных прав, ресоциализации, защиты общества и предупреждения преступлений». В высказывании учёного об исторически очеловечивающейся реакции на преступность особенно хочется подчеркнуть её приоритетную цель – восстановление нарушенных прав.

В этом, в частности, заключается тот самый правозащитный принцип учёного, о котором я писал когда-то в рецензии на известную книгу Д.А. Шестакова «Введение в криминологию закона». В ней в числе многих инновационных суждений он развивал идею роли и значения уголовно-правовых мер противодействия преступности, определяя их сущность следующими функциями: 1) удержание лица, совершившего преступление, от повторения подобного зла (функция защиты человека); 2) реституция, или восстановление, положения жертвы преступления; 3) ресоциализация виновного.

При очередном проявлении творческой активности Дмитрий Анатольевич остался верен своему принципу. Кстати, в завершении доклада он подчёркивает: «Необходимо показать путь к человеколюбивой политике противодействия преступности, заботящейся о восстановлении в обществе как, в первую очередь, потерпевшего, так и самого преступника».

Таков исследовательский подход учёного – ориентирован на человека. Я бы назвал его преемственным подходом, так как «очеловечивающаяся» позиция авторитетного криминолога во взглядах на противодействие

преступности берёт живительные силы из исторической сокровищницы научной мысли – учения о преступлении (имею в виду его внутреннюю и внешнюю стороны), получившего новое начало во второй половине XVIII в. Была пересмотрена концепция уголовного наказания: доминирующая идея «бесчеловечной» наказуемости деяния заменялась идеей «человечного» наказания преступника. Наказание, воспринимаемое прежде как репрессивный феномен, стало рассматриваться уже в качестве средства исправления преступника, предупреждения совершения им нового преступления.

Подводя итог своим размышлениям, Дмитрий Анатольевич обращает внимание на необходимость просвещения «устами преступноведов» общественности в области современной уголовной политики, её «олигархических» интересов, и новой человеколюбивой политики, а также в области решения тех проблем, которые осложняют «рождение единого права противодействия преступности».

Прокладывание этого пути Д.А. Шестаков мыслит на прочных Основах (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. При этом если предполагаемое проектирование Основ не вызывает сомнений, то в отношении их структуризации или кодификации возникает потребность в дополнительной информации.

С.Ф. Милюков (Санкт-Петербург, Россия). Судебная и внесудебная репрессия в механизме предупреждения общественно опасных проявлений.

Следует поддержать Д.А. Шестакова в том, что основной причиной сегодняшней нестабильности российского общества и слабостью поддержки населением государственных структур, в том числе так называемых «силовых», является ограбление основной части граждан России в ходе преступной приватизации, процесс которой, увы, не остановился в 1990-х гг., а продолжается и поныне. Законопослушной части общества мало что достаётся от гигантских барышей добывающих монополий, причём основная часть сверхприбыли уходит за рубеж и присваивается пресловутой глобальной олигархической властью.

Думается, что власть, уповая на сомнительный постулат об исчерпанности лимита на революции, пока не пойдёт на коренное улучшение благосостояния населения, пре-

кращение разрушительного давления на промышленность, сельское хозяйство, системы здравоохранения, образования, научных исследований и социального обеспечения.

Остаётся надеяться лишь на то, что здравомыслящая часть управленческого корпуса не допустит дальнейшего наращивания режима «наибольшего благоприятствования» хотя бы наиболее одиозным представителям организованного преступного мира (прежде всего гангстерского, террористического и коррупционного типов) и неорганизованной его части (массовые и серийные убийцы, насильники-педофилы, громилы-хулиганы и др.).

Надо продолжить на должном научном уровне дискуссию о возврате в систему наказаний конфискации имущества, об отказе от «моратория» на смертную казнь, её распространении на верхушку коррупционеров, казнокрадов, наркобаронов и государственных изменников, подобно тому, как это делается в ведущих государствах мира: Китае, Японии и США.

В качестве противовеса исключительным наказаниям, к которым, помимо расстрела, мы относим пожизненное и сверхдлительное (более 20 лет) лишение свободы, следует реанимировать ссылку и высылку, используя их для привлечения осуждённых, их близких, для заселения обезлюживаемых с конца 1980-х гг. территорий Севера, Сибири, Забайкалья и Приморья.

Эти меры должны подкрепляться внесудебной репрессией не только и не столько в виде уничтожения членов вооружённых террористических, экстремистских и бандитских формирований, но и, прежде всего, разрушения их инфраструктуры, финансового разорения, дискредитации их вожаков и активных участников в средствах массовой коммуникации.

П.А. Кабанов (Нижний Новгород, Россия). Многоуровневая система противодействия преступности в концепции профессора Д.А. Шестакова: размышления о главном (краткое дополнение к тезисам докладчика).

Представленная Дмитрием Анатольевичем криминологическая концепция направлена в первую очередь на целесообразную организацию системы реакции государства и общества на противоправное поведение отдельных лиц, криминальных коллективов. Достоинство поддержки предложенное им перемещение

центра противодействия преступности с преступлений и преступников на жертву криминального поведения.

Изменяя законодательство в целях бережного отношения к отдельной социальной группе из числа правонарушителей – предпринимателям, государство до сих пор не приняло адекватных специальных системных правовых мер по защите жертв преступлений, связанных с криминальным (недобросовестным) предпринимательством, оставляя их беззащитными.

Отсутствие базового российского федерального виктимологического законодательства региональные органы публичной власти пытаются компенсировать, принимая законы о защите отдельных категорий пострадавших от преступлений всё тех же предпринимателей. Изодранные формы криминального предпринимательского мошенничества приносят значительный ущерб не только физическим и юридическим лицам, компаниям с различными формами собственности, но и развитию целых отраслей экономики.

Однако до настоящего времени не поставлен вопрос об оценке состояния, структуры и объёмов материального, морального, репутационного и иного ущерба от преступной деятельности предпринимателей, а также о количестве жертв такого криминального предпринимательства. К большому сожалению, даже криминологические аспекты криминального предпринимательства представителей российского бизнеса исследованы недостаточно полно, не говоря уже о его виктимологических аспектах.

Г.С. Курбанов (Баку, Азербайджанская Республика). Система противодействия преступности и её подсистемы в предложенной концепции Д.А. Шестакова.

Дмитрий Анатольевич предлагает целостную систему противодействия преступности, включающую в себя три подсистемы: теорию преступности; причины воспроизводства преступности; противодействие преступности. Также он обозначил ряд интересных идей, заслуживающих одобрения и дальнейшего обсуждения. Например, расширение круга объектов криминологической экспертизы, самоограничение государства в регулировании чрезмерно широкого круга общественных отношений (в том числе уголовно-правовых) на нормативном уровне, недопустимость чрез-

мерно длительных сроков лишения свободы в качестве меры наказания.

Заслуживает поддержки и тезис автора о том, что «для того чтобы новое видение противодействия преступности постепенно пробивало себе дорогу, начинать надо с учебной работы, в частности с построения соответствующей „воронки преступности“ теории противодействия в учебном курсе преступноведения, во всяком случае в передовых, ориентированных на науку юридических вузах».

В целом поддерживая трёхуровневую систему противодействия преступности, вместе с тем считаю, что в рамках третьей подсистемы (противодействие преступности) было бы целесообразно разработать самостоятельный блок (субподсистему), посвящённый субъектам реализации системы противодействия преступности.

С.У. Дикаев (Санкт-Петербург, Россия), М.С. Дикаева (Санкт-Петербург, Россия). Об основах учения о противодействии преступности, или О востребованности нелинейных суждений о преступности в криминологии.

Учение о противодействии преступности является логическим продолжением учения о её причинности. Эти ключевые направления криминологии сложились эволюционно, в течение длительного периода времени, и подчинены действию всеобщих законов развития природы и человеческого общества.

При всём многообразии подходов к формированию концепций о преступности и противодействии ей, апробации всевозможных средств удержания человека от совершения преступлений ни одно общество, ни одно государство ни в прошлом, ни в настоящем не смогло выявить и объяснить все причины преступности и тем более нейтрализовать их. Это железный аргумент, подтверждающий правильность суждений Д.А. Шестакова о преступности как свойстве человека, социального института, общества страны или глобального общества воспроизводить преступления.

Признание преступности как свойства общества требует признания и того, что преступность является необходимым частным элементом структуры общества, характеризующим его качество. Значит, столь же железным будет и аргумент о том, что человек, социальный институт, общество страны или глобальное общество обладают также свой-

ством конструировать преступления. Ведь понятно, что если не конструировать запрет и наказание за его нарушение, то нет и необходимости размышлять о причинах преступности и их нейтрализации. Соответственно, и конструирование преступлений, и конструирование механизмов противодействия им есть необходимые атрибуты государственности как системы или механизма диктатуры определённого класса или политической организации, атрибуты, цементирующие общество, гарантирующие его целостность и обеспечивающие поступательное (эволюционное) развитие. Без этого элемента общество, видимо, существовать не может.

Необходимо подвергнуть ревизии научные взгляды на преступность, отойти от линейных суждений о её причинах и предложить оригинальные идеи противодействия ей, учитывающие достижения других наук.

С.Д. Шестакова (Санкт-Петербург, Россия). О сотрудничестве со следствием.

В докладе Д.А. Шестакова «Основы учения о противодействии преступности» был затронут вызвавший дискуссию вопрос о досудебном соглашении о сотрудничестве. Хотелось бы поучаствовать в ней, высказав следующие соображения. Об институте досудебного соглашения о сотрудничестве, как и о любом особом порядке уголовного судопроизводства, можно говорить в плоскости достоинств и недостатков.

Среди его недостатков обычно выделяют: чужеродность рассматриваемого института, как разновидности сделки с правосудием, для российского уголовного процесса; упрощение уголовного судопроизводства по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, идущее вразрез с концепцией дифференциации процессуальной формы; игнорирование интересов потерпевшего; неопределённость перспективы судебного рассмотрения дела и отсутствие положений об ответственности государственных органов за несоблюдение условий подписанного прокурором соглашения; отступление от принципов справедливости и неотвратимости наказания, а в силу отсутствия судебного следствия, по существу – отказ от правосудия; и некоторые другие.

Дополним этот перечень недостатками принципиальными – обуславливающими отношение в целом к наличию данного института в отечественном уголовном процессе, и

юридико-техническими – характеризующими уровень его законодательного воплощения.

Полагаем, что к числу принципиальных недостатков института досудебного соглашения о сотрудничестве относится то, что он: 1) представляет собой искажённый в расхождении с началами нравственности вариант активного способствования раскрытию преступления – без раскаяния; 2) создаёт большой соблазн для злоупотреблений и не поддающихся выявлению незаконных действий правоохранительных органов в целях «получения» обвинительных приговоров; 3) стимулирует органы расследования к подмене доказательственной деятельности склонением обвиняемого к даче показаний, изборающих соучастников.

Юридико-техническими недостатками института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе являются: 1) риск для обвиняемого, выполнившего свои обязательства по досудебному соглашению о сотрудничестве, не получить встречного предоставления от государства, что обусловлено широкими возможностями субъективной оценки прокурором и судом качества исполнения обвиняемым своих обязательств; 2) отсутствие иммунитета по сделке – неотъемлемого атрибута сделки с правосудием, отвечающего её правовой природе и гарантирующего использование показаний её участника исключительно в целях самой сделки; 3) непредупреждение сотрудничающего лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по делу соучастника, что противоречит интересам последнего, его праву на справедливую судебную процедуру, а также исключает возможность возобновления производства по его делу на таком основании, как установленная вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний свидетеля.

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия). Уникальность научных новаций в учении о противодействии преступности.

Дмитрий Анатольевич взглянул на учение о противодействии преступности по-новому, с других фундаментальных позиций, разработанных в невиско-волжской преступноведческой школе, родоначальником которой он является.

Безусловную ценность представляет рассмотрение системы механизмов противодей-

ствия преступности основных сфер общества. При этом особое внимание автором уделено предложениям, направленным на противодействие преступности в сферах политики и законодательства. Интересна оценка соразмерности воздействия репрессивной машины на преступника и жертву в виктимологическом контексте. Своеобразен дискурс о необходимости построения единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП).

Лейтмотив доклада «Основы учения о противодействии преступности» – гуманизация и гармонизация общественных отношений, снижение криминогенности и конфликтности в общественной жизни.

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия). Информационно-идеологические меры противодействия глобально организованной преступности.

Предваряя свой доклад, Д.А. Шестаков подчеркнул, что таковой «никоим образом не устремлён на то, чтобы выдать рецепты скорых решений „во исполнение“ президентских указов. Он обращён к длительному криминологическому осмыслению необходимого коренного изменения духовно-мировоззренческого начала российского общества и соответствующей перестройки его экономики с целью снижения присущего ему преступного зла».

Сегодня криминологами всё более осознаётся та значимая преступная роль, которую играет глобальная олигархическая власть (ГОВ) в происходящих на планете революциях, экономических кризисах, переселениях больших людских масс, экологических катастрофах, в агрессиях, совершаемых против суверенных государств, в значительной степени отражающихся и на России.

ГОВ ведёт разноплановую глобальную преступную деятельность, в том числе информационно-идеологическую. Она заключается в *установлении ГОВ через мировые СМИ, институты культуры и образования, Интернет и телевидение, иные источники информации контроля над общественным мнением, управлении им, в том числе посредством сообщения искажённой и/или ложной информации, в разложении через указанные средства нравственности, национальных культур и развитии у населения различных страхов для достижения своих корыстных целей и облегчения совершения преступлений, например актов агрессии.*

За управление общественным мнением, осуществляемое с причинением существенного вреда интересам общества, должна быть установлена уголовная ответственность.

Разложение нравственности, культуры, нагнетание страхов в обществе также де-факто являются преступлениями – против здоровья населения и общественной нравственности, так как лишают общество возможности развиваться в здоровом ключе, ведут его к самоуничтожению. Таким образом, необходима кропотливая разработка соответствующих составов преступления.

К информационно-идеологическим причинам воспроизводства глобально организованной преступности следует отнести: 1) насыщение мировой информационной сферы ложными (неполными) сведениями; 2) пропаганду разрушающих общество идеологий, в частности потребительства и бездуховности; 3) безнравственность национальных элит.

В свою очередь, информационно-идеологическими мерами противодействия глобально организованной преступности являются: 1) широкое освещение преступной деятельности ГОВ; 2) развитие в обществе духовных начал, основанных на традиционных религиях мира; 3) постепенное замещение разлагающего информационного содержания, наполняющего современные литературу, театральные постановки, музыкальные произведения, фильмы и передачи, телевизионное и радиовещание в целом, сеть Интернет, на нравственное.

И.А. Джавадова (Баку, Азербайджанская Республика). Новые подходы к организации контроля над преступностью.

Отрадно, что Д.А. Шестаков в своём докладе не ограничивается теоретизированием, которое, конечно же, само по себе очень важно в качестве социально-правового подхода к современным проблемам организации противодействия преступности. Автор выдвигает и ряд заслуживающих пристального внимания важных прикладных решений организационного, законодательного и научно-методического характера, в своей совокупности охватывающих самые злободневные и животрепещущие отрасли противодействия преступности.

Среди них хотела бы особо выделить идею о необходимости разработки и приня-

тия единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП), которое должно включать в себя несколько уровней: верхний уровень – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений; 2) Кодекс мер безопасности; 3) Кодекс об уголовной ответственности и восстановлении положения молодёжи в обществе; 4) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный.

При этом, по мнению профессора Шестакова, Основы должны очертить пределы дозволенного собственно государству – не только в назначении уголовного наказания, но и во всех прочих разновидностях противодействия преступности, в том числе служить надёжным заслоном против принятия преступных нормативных правовых актов.

Для этих целей он предлагает законодательно установить порядок, согласно которому преступностиведческая экспертиза должна распространяться не только на законопроекты, но и на действующее законодательство вплоть до Конституции Российской Федерации.

Достаточно интересна и идея автора об учреждении нового международного суда (наподобие конституционных судов), задачей которого стала бы проверка соответствия нормативных актов и иных решений государственных властей и международных соглашений, а также решений международных организаций нормам и принципам международного уголовного права.

Д.М. Гаджиев (Махачкала, Россия). О предупреждении коррупции в Республике Дагестан.

Коррупция – одна из главных угроз внутренней и внешней безопасности страны. Сегодня мы достаточно часто видим возбуждение уголовных дел в отношении федеральных министров, членов Совета Федерации РФ, губернаторов и глав регионов, высокопоставленных сотрудников силовых структур. Политическое руководство государства, по существу, возглавляет противодействие коррупции.

Профессор Шестаков разработал «воронку преступности», расширяющую наши представления о глубинных уровнях преступности. Особое внимание он уделяет внутренней олигархической преступности в России. Она связана с установлением контроля над при-

родными ресурсами государства, средствами массовой информации, местной и центральной властью.

Олигархические преступления на региональном уровне также требуют пристального внимания. Материальный ущерб от «беловоротничковых» преступлений, связанных с расхищением должностными лицами бюджетных средств, колоссален. В этой связи попытаемся проанализировать сложившуюся в Республике Дагестан ситуацию и возможности для предупреждения коррупционных проявлений.

Профилактика коррупционных проявлений может достигаться путём реализации следующих мер:

1) тщательный отбор лиц на должности государственных и муниципальных служащих. При этом первостепенны их предшествующая безупречная репутация, высокий профессионализм, эрудированность;

2) устранение первых признаков проявления коррупции за счёт их морального осуждения. Воздействие должно оказываться, в частности, на государственных и муниципальных служащих, в действиях которых прослеживаются первичные признаки будущих коррупционных деяний.

Основной социальной подсистемой, призванной выявлять ранние признаки коррупции, является гражданское общество. Государству следует поддерживать проведение независимых журналистских расследований, антикоррупционные советы, образованные «снизу», по инициативе граждан, советы старейшин при муниципальных образованиях, общественные объединения правоохранительной направленности.

С.Н. Гаджиев (Махачкала, Россия). Причины коррупции в Дагестане.

Как отмечает Д.А. Шестаков, в рамках криминологии закона разрабатывается методика экспертизы нормативных правовых актов. В России, пока не имеющей общего законодательного акта о криминологической экспертизе, всё же принят закон, посвящённый одному из видов экспертизы – Федеральный закон № ФЗ-172 от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Дмитрий Анатольевич очерчивает круг наиболее общих вопросов, на которые должна

отвечать экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: 1) не является ли юридическая норма «мёртвой», т. е. такой, которая неисполнима значительной частью населения (в частности, вследствие того, что её нарушение является правилом для большого числа людей)? 2) не является ли норма криминальной, т. е. не способствует ли она совершению преступлений? 3) не является ли норма преступной? не противоречит ли она, в частности, международному уголовному праву, а также естественному праву?

Соглашаясь с важностью и необходимостью антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, укажем на то, что успешное противодействие коррупции в Республике Дагестан невозможно без обеспечения общественного контроля за деятельностью должностных лиц, детализации алгоритма их работы, делающей таковую «прозрачной», понятной для населения.

Х.О. Алиев (Махачкала, Россия). К вопросу о противодействии коррупции в Дагестане.

В своём докладе «Основы учения о противодействии преступности» Д.А. Шестаков указывает на то, что противодействие преступности представляет собой исторически очеловечивающуюся организованную реакцию общества и государства на преступность в целях восстановления нарушенных прав, ресоциализации, защиты общества и предупреждения преступлений. Оно складывается из: 1) не основанного на наказании предупреждения преступлений; 2) контроля со стороны государства и общества за криминальными, в частности виктимогенными, ситуациями и личностями, этот контроль включает в себя, помимо прочего, административное принуждение; 3) мер безопасности; 4) уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Для развития Республики Дагестан в настоящее время очень важно эффективно противодействовать коррупции. По нашему мнению, под таковой следует понимать использование должностными лицами данных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения. Д.А. Шестаков видит в коррупции «свойство взаимосвязанных экономической и управленческой подсистем общества воспроизводить неформальные возмездные противоправные управленческие услуги».

Коррупция получает широкое распространение в условиях разрастания бюрократии, превращения её в особый социальный слой, обладающий властными привилегиями. Это явление мы наблюдали в Дагестане в 2013–2017 гг.

Задач, стоящих перед республиканскими органами власти, очень много, и решать их нужно уже сегодня. Для противодействия коррупции необходимо особое внимание обратить на идеологическую сферу жизни общества.

27 сентября 2019 года международная беседа «Теоретическая криминология в сравнении». Доктор юридических наук, профессор Бернского университета Карл-Людвиг Кунц (Берн, Швейцария) представил русское издание своего учебника «Введение в криминологическое мышление» [8].

Беседу вёл заместитель президента Клуба А.П. Данилов. На неё собрались криминологи из Берна (Швейцария), Санкт-Петербурга (Россия), Таллина (Эстония), Фехты (ФРГ).

Состав участников беседы:

- 7 гостей (писатель Н.В. Кофырин; переводчик А.П. Батаев; специалист Комитета по общественной безопасности и информации Администрации Сосновоборского городского округа ЛЮ С.В. Янкин; член коллегии адвокатов «Курбанов и партнёры» Д.А. Мухин; представитель ХКО «Хутор Константиновский» А.Г. Немыкина; А.В. Суховеев; адвокат А.В. Савченков);

- 59 студентов вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.Д. Искандарова, М.В. Лихобабина – все 1-й курс магистратуры, К.Ю. Жмейдо, М.А. Иванова, Р.Н. Исмаилов, Ю.С. Кузьменко, Л.Б. Рудакова, О.Е. Саунина, О.А. Стадникова, С.Э. Ширинова – все 2-й курс магистратуры, А.А. Деткова, А.С. Егорова, Э.Р. Зиганшина, Е.А. Лалетина – 3-й курс бакалавриата, Р.Н. Бабаев, Е.А. Белкина, Е.В. Белоусова, Е.Е. Егельский, Р.Р. Зигатинов, К.А. Ковинька, П.А. Малыгин, С.С. Митрохин, А.А. Парыгин, О.В. Прокудина, К.В. Рыжкова, Шурмалёва – 4-й курс бакалавриата; СПбГЭУ: У.С. Ашихмина, Е.В. Вещина, А. Крот, Л.А. Мелоян, А.Е. Мелузова, М. Секретарёва, П.А. Фоменко; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого: Н.Г. Смирнова – 2-й курс; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста Рос-

сии): В.Н. Васильченко, А.В. Виноградова, А.И. Тальянов – все 1-й курс; И.Р. Виноградов, К.В. Клименко; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации: И.Н. Воскресенский, А.А. Дальхеев, Е.М. Калинина, А.А. Линова, О.А. Лямкевич, И.В. Маратканов, С.Л. Онучина, В.В. Радов, П.С. Сватковская, В.А. Солодилов, И.В. Таранцов, Я.А. Хворостяная, А.И. Хасашина, А.С. Хучшов; СПбГМТУ: А.А. Бойцова, В. Котова, А. Мильченко, Д. Митько, С. Панькин, Д. Трофеевкова);

- 1 аспирант (РГПУ им. А.И. Герцена: И.А. Расулов);

- 5 адъюнктов (СПБУ МВД России: А.И. Антипов, Н.Г. Григорян, Е.А. Маркова – все 2-й курс, О.Н. Абакумова, А.Д. Рубан – все 3-й курс);

- 1 соискатель учёной степени кандидата наук (РГПУ им. А.И. Герцена: Е.В. Патрушев);

- 4 преподавателя (СПбГЭУ: А.А. Григорьева, И.В. Мезенцев; СПбГМТУ: С.В. Игнатенко, Е.И. Пономаренко);

- 1 кандидат психологических наук (ООО «Многопрофильное предприятие „ЭЛСИС“»: Я.Н. Николаенко);

- 1 кандидат социологических наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН: В.В. Гольберт);

- 11 кандидатов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: А.П. Данилов; СПбГЭУ: О.А. Чабукиани; СПБУ МВД России: В.С. Харламов; СПВИ войск национальной гвардии: Н.А. Петухов; Филиал ВНИИ МВД России по Северо-Западному федеральному округу: К.А. Красикова; ООО «Многопрофильное предприятие „ЭЛСИС“»: Г.В. Зазулин; Университет Фехта: О.А. Зигмунт; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС: Т.Н. Дронова, Н.И. Пишикина; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России): К.А. Краснова; В.П. Кутина);

- 1 доктор медицинских наук (ГУМРФ: Л.Н. Галанкин);

- 10 докторов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: Я.И. Гишинский, С.У. Дикаев, С.Ф. Милуков, Л.Б. Смирнов, И.Л. Честнов; СПБУ МВД России: Л.В. Гогчина; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации: Р.Д. Шаратов; Н.А. Исаев; А. Лепс), в том числе 1 заслуженный деятель науки Рос-

сийской Федерации (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: Я.И. Гишинский, О.А. Зигмунт, Г.В. Зазулин, Н.А. Исаев, А. Лепс, С.Ф. Милуков, Д.А. Шестаков.

К.-Л. Кунц (Берн, Швейцария). Криминология и борьба с преступностью (Германия, Австрия, Швейцария).

Значение криминологии по сравнению с другими дисциплинами в немецкоязычных странах не слишком велико, в том числе и для практики контроля в отношении преступности. Университетское преступноведение подразделяется на три учебных направления:

- 1) теоретически малоинтересованные преподаватели уголовного права используют криминологию только случайно, без собственных исследований;

- 2) исследователи-эмпирики хлопочут о научной продукции для обоснованного ориентирования уголовного права на доказательную эффективность специальной превенции. При этом отчасти они запутываются в производстве знаний ради знаний. Тем не менее внушительное множество исследований подталкивает климат криминальной политики к умеренной, довольно сдержанно применяемой уголовно-правовой практике, нацеленной на действенность и санкции;

- 3) социально-критическое направление понимает преступность не как действие, но как правонарушение, чьи адресаты и содержание определяются государством и экономическими силами. В области уголовной политики предлагается нереалистичное уголовно-правовое невмешательство.

Вне второй группы исследователей криминология стала академической. Она претерпевает рефлексию своих теоретических дебатов. В качестве общих черт немецкоязычной криминологии можно указать то, что криминологическая тематика затрагивает не только преступность, но и вопрос преступления в широком смысле.

Эта область понимает себя как эмпирическую науку (в противоположность нормативному уголовному праву), где предпринимаются как количественные, так и качественные исследования. Криминология видит преступность глазами иных действующих в обществе лиц. Она претендует на автономность в отношении уголовно-правовой практики. Провоз-

глашается мягкая уголовная политика. Связь между более высоким наказанием и снижением преступности отрицается.

Такие криминологические подходы, как теории «недееспособности», «разбитых окон» или «нулевой терпимости», подвергаются критике. Превентивное противодействие преступности, ведущее к ограничению классических личных свобод даже лиц, непричастных к преступлению, рассматривается отрицательно. Частичная приватизация ранее государственных задач по противодействию преступности посредством агрессивной самозащиты, частных телохранителей или частных тюрем ставится под сомнение.

Немецкоязычная криминология методологически разнообразна. В области уголовной политики она преследует цель снизить жёсткость санкций до уровня условно необходимого. Исполнительные меры, особенно превентивное заключение (*Sicherungsverwahrung*), осуществляемые посредством фактически очень длительного заключения и редкого освобождения, являются большой проблемой.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Ещё раз о фикции порождения преступления законом (к развитию преступноведческой теории в связи с учебником Карла-Людвига Кунца).

Уже больше четверти века тому назад в книжном магазине «Ромбах» на Бертольдштрассе в германском Фрайбурге я купил швейцарский учебник профессора К.-Л. Кунца по криминологии, в красном переплёте. Учебник снабжён подзаголовком «Основа». В книге заострено внимание на общей преступноведческой теории. Это мне по вкусу.

Учебник профессора Кунца теперь, на русском языке, в несколько переработанном виде именуется «Введение в криминологическое мышление». По мнению автора учебника, преступноведение находится в плену силового поля между научной автономией и практической пользой. Сам Кунц, как явствует из его учебника, склонен к углублению в теорию.

Состояние теоретической криминологии Кунц оценивает сдержанно. В преступноведческих учениях он усматривает только фрагменты универсального объяснения генезиса преступности. Они – не теории преступности, а необходимые эвристические

помощники для нашего представления о преступности или моделирующие подходы с ограниченными перспективой и радиусом действия.

Теоретический центр тяжести учебника Кунца ощущается мной в определении соотношения нормативного и криминологического пониманий преступления. Данное преступноведческое направление именуется также конститутивным, постмодернистским или конструктивистским учением. Последнее название представляется мне наиболее подходящим – криминологический конструктивизм, *кримкон*. Что касается российского преступноведения, то и здесь, надо сказать, очевидно присутствие кримкона, но лишь как одной из двух составляющих осмысления явления преступности. Имеются в виду нормативная (правовая) и криминологическая (социологическая) составляющие.

В обсуждаемом учебнике уделено внимание уголовной политике. В нём констатируется отступление неолиберальной криминологии от человеколюбивых веяний. Нынешнее преступноведение, отмечает Кунц, содержит такое рассуждение: «Поскольку преступник лично ответствен за преступления, то социальная поддержка преступников неуместна. Некоторые постмодернистские преступноведы, такие как американец Рихард Познер, находят исходящее от государства наказание в принципе полезным и оправданным, разрешённым ответом на преступность».

Со своей стороны замечу: в этом веянии действительно есть что-то новенькое, я бы сказал *постлиберальное*. Оно противоречит всемирно-исторической тенденции к смягчению репрессии, отрицает её.

Кунц свидетельствует, что во взглядах криминологов утрачивается значимость социальной политики и ресоциализации преступников. Как он пишет, новая уголовная политика позднего модерна в основе отличается от уголовной политики до 1980-х гг. В Западной Европе благотворительность и придание однородности культуре теряют популярность, в связи с чем возникают сомнения в целесообразности финансирования социальной политики. Радикально произведённые в США изменения односторонне штампуют во всём мире стиль уголовной политики позднего модерна. А сама эта политика содействует про-

движению неолиберальных представлений, в русле которых она преподносит стратегию одоления преступности и страхов перед ней. Уголовная политика США принимается в качестве модели перестройки государства и общества на неолиберальные максимы.

Я.И. Гилинский (Санкт-Петербург, Россия). К докладу профессора Карла-Людвига Кунца.

Прежде всего, большое спасибо профессору Кунцу за блестящий доклад и книгу «Введение в криминологическое мышление».

Краткая реплика по трём направлениям.

1. *О преступности.* Принципиально невозможно дать содержательное определение «преступности». Ни одно деяние не является преступным по содержанию. Умышленное причинение смерти другому человеку есть убийство, тяжкое преступление. Умышленное причинение смерти другому человеку (другим людям) есть подвиг на войне. Умышленное причинение смерти другому человеку в состоянии необходимой обороны – не преступление и не подвиг. Умышленное причинение смерти другому человеку есть профессиональная деятельность (палача)... Преступления и преступность – суть социальные конструкты, конструируемые (сочиняемые, придуманные) законодателем, властью.

2. *О наказании.* С 1970-х гг. криминология говорит о «кризисе наказания». Наказание не выполняет ни одной из возлагаемых на него задач. «Восстановление социальной справедливости»? Но кто знает – что такое «социальная справедливость», с чьей точки зрения? У каждого своё представление о справедливости... «Исправление осуждённого»? Наказанием никого нельзя исправить, ни школьника-драчуна, ни преступника... «Предупреждение совершения новых преступлений»? Общее предупреждение – история человечества показывает, что никакими наказаниями, включая квалифицированные виды смертной казни, не удавалось предотвратить новые преступления новыми людьми. Специальное предупреждение – постоянство доли рецидива в одних странах (Т. Матисен), рост рецидива в других (в России за последние 10 лет уровень рецидива вырос с 25 % до 52–54 %) свидетельствует о неэффективности специального предупреждения.

Однако человечество не может сегодня отказаться от наказаний за преступления. Не-

обходимо отказаться от смертной казни как преступления, убийства государством. Лишение свободы может применяться только в отношении взрослых насильственных преступников. Условия отбывания наказания должны быть не репрессивными, а направленными на ресоциализацию, реадaptацию. Опыт стран Северной Европы подтверждает это.

3. *О дилемме «безопасность – права и свободы человека».* Сегодня это одна из важнейших и сложнейших проблем. Государство под предлогом «обеспечения безопасности» наступает на права и свободы человека. Это практика Китая, «превентивные меры» в США. *Государство vs человек* – одно из главных противоречий современного общества постмодерна.

Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика). Современная криминология в трактовке профессора Кунца.

С большим интересом я ознакомился с прекрасной монографией Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление». По завершении прочтения этого фундаментального труда у меня сложилось впечатление, что это не просто новая книга по криминологии, а скорее фундаментальное произведение о философии криминологии и одновременно энциклопедия, охватывающая необъятные горизонты тернистого генезиса преступления и наказания. Поэтому представляется, что название книги не в полной мере отражает всю глубину и масштабность её содержания, которое гораздо богаче и разнообразнее, чем введение в криминологическое мышление. И хотя это произведение К.-Л. Кунца заставляет читателя глубоко задуматься и искать ответы на многие сложнейшие вопросы современной криминологии, которые содержатся в книге, архитектура предмета данного многоуровневого исследования и его содержание выходят далеко за ограниченные пределы научного произведения, написанного в форме введения.

В процессе прочтения как-то незаметно, исподволь читатель настраивается мыслить масштабно, вникать в суть анализируемых в книге проблем, по-новому взглянуть на сложившиеся стереотипы в криминологии и уголовном праве по вопросам преступления и наказания. При этом чем больше углубляешься в суть суждений автора, тем чаще приходится прибегать к помощи различных литературных

источников, так как испытываешь недостаток в собственных познаниях для прозрения глубинных пластов авторской мысли, открывающих новые грани онтологии преступности.

Системность, масштабность и ретроспективный подход к избранной проблеме дали возможность автору, с одной стороны, актуализировать разработанные ранее доктрины с точки зрения современных подходов к проблемам преступления и наказания, а с другой – выявить комплекс новых проблем в теории криминологии и предложить пути их решения.

Автор утверждает, что «преступность есть продукт общества и выражает то или иное его культурное отношение к чему бы то ни было. Общество является той инстанцией, которая вырабатывает преступность».

Между тем объяснение преступления исключительно как социального конструкта давно развеяно в криминологии и не воспринимается как «*satis constat*», так как по сей день в теории криминологии нет вразумительных ответов на вопрос о происхождении преступления (преступности), с чем и сам автор согласен.

Достаточно спорным представляется тезис автора о том, что «после краха советской империи, кризиса европейского государства общего благосостояния и гомогенизации культур США в глобальном масштабе сил становятся единственным основателем трендов и в криминологии, и в криминальной политике». Отметим, что подавляющее большинство крупных криминологов и специалистов в области уголовного права как прошлого, так и современности – это выходцы или из европейского, или из евразийского пространства.

С.Ф. Милюков (Санкт-Петербург, Россия). Криминология: от теоретического мудрования – к практическому действию.

Уже из предпосланного заголовка видно, что автор данных строк с известной долей скепсиса относится к теоретическим построениям, заключённым как в тезисах основного докладчика, его учебнике, так и в развёрнутых высказываниях уважаемых криминологов Д.А. Шестакова и Х.Д. Аликперова.

Зададимся вопросом: в состоянии ли понять эти конструкции современные студенты, в том числе изучающие право, криминологию и другие учебные дисциплины в РГПУ, других вузах Петербурга и России в целом? Весьма сомнительно. А это способно отпугнуть их

от глубокого изучения проблем преступности и мер, противодействующих ей, что, в свою очередь, даёт козырные карты чиновникам от педагогики, весьма энергично вытесняющим криминологию за пределы учебного поля.

Не вижу смысла в чуть ли не намеренном усложнении природы преступности и причин, её порождающих. Ещё полтысячелетия назад английский гуманист и государственный деятель Томас Мор, который, кстати, был осуждён к смертной казни за государственную измену и обезглавлен, писал в своей знаменитой «Утопии»: «Разве не посылают прямо на разбой своих поклонников, после предварительного быстрого опустошения их кошелеков, все эти харчевни, притоны, публичные дома и ещё раз публичные дома в виде винных и пивных лавок, наконец, столько бесчестных игр <...>?» [13, с. 66].

Отнюдь не утратили своей актуальности и слова Т. Даннинга, которые стали известны миллионам людей ввиду воспроизведения их К. Марксом в первом томе «Капитала»: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [12, с. 770].

Последовательно раскрывал классовый характер преступности и В.И. Ленин. Скажем, он отмечал: «Монополия прокладывает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от „скромного“ платежа отступного и кончая американским (сейчас его скорее следует назвать „российским“ – С.М.) „применением динамита к конкуренту“» [11, с. 323–324]. Не менее значимо для современности и его высказывание относительно того, что буржуазия, стремясь к получению прибыли, «продаёт родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами» [11, с. 10]. И уж совсем злободневно звучит американская поговорка, которую В.И. Ленин не раз приводил в своих работах: «Если вы украдёте кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдёте железную дорогу, вас назначат сенатором».

Исходя из этих изложенных простым языком истин, видится вся фальшь прошедшего в сентябре 2019 г. в Нью-Йорке климатического

саммита ООН, который по сути направлен на подавление экономической активности Китая, Индии, России и других стран. Ведь главным источником загрязнения атмосферы, почвы и вод являются не испражнения коровьих стад и даже не промышленные выбросы, а безудержное увеличение числа автомобилей, сжигающих в своих моторах миллионы тонн горючего и уносящих ежегодно более миллиона человеческих жизней в результате дорожных аварий. Второй фактор – хищническая вырубка и намеренное выжигание лесов в России, Бразилии, некоторых странах Азии и Африки.

Огромный вред здоровью населения наносят также масштабное производство фальсифицированных продуктов, лекарств, вредных для человеческого тела одежды и прочих предметов ширпотреба, излучение бесчисленного множества гаджетов и т. п.

Вряд ли эти злокачественные процессы могут быть остановлены лишь теоретическими изысками. Это сфера реальной политики, как внутренней, так и внешней. Она и должна адекватно отражаться в учебной и научной литературе.

Г.В. Зазулин (Санкт-Петербург, Россия). Криминологическое мышление: в контексте истории, геополитики, философии, конфликтологии и права.

Мои представления об учебнике профессора Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» основаны на прочтении тезисов его доклада, тезисов Д.А. Шестакова «Ещё раз о фикции порождения преступления законом (к развитию преступноведческой теории в связи с учебником Карла-Людвига Кунца)» и Х.Д. Аликперова «Современная криминология в трактовке профессора Кунца» и предисловия к учебнику.

Амбициозность названия книги, в котором использован термин «мышление», и утверждение в предисловии о том, что в учебнике рассмотрена связь между криминологией и политикой, стали побудительным мотивом, «усадившим меня за письменный стол» и определившим содержание моих тезисов.

Развитию криминологического мышления в контексте отечественной конфликтологии будет способствовать осознание влияния не только на криминологию, но и на жизнь всех людей планеты не просто «политической среды», а гегемонии глобальной олигархической

власти (ГОВ), которая в своих интересах формирует фальшивые идеалы, вредные системы ценностей и стереотипы поведения, т. е. ложное сознание. Но эта тема (влияние неолиберализма на западную криминологию и на криминологию в России) требует уже другой беседы. Здесь же стоит только отметить, что для противодействия ГОВ на политическом уровне необходимо ввести в научный оборот новый термин – «российская государственная контргегемония», означающий согласованную деятельность всех органов российской власти, органов местного самоуправления и общественных организаций, направленную на обеспечение государственных, национальных и цивилизационных интересов единого многонационального российского народа внутри страны и во всём мире.

В настоящее время данная деятельность заблокирована, так как руководящие государственные должности в большинстве своём заняты или «европейскими русскими», утратившими национальное сознание, или космополитами, чьё сознание пропитано европоцентризмом, американизмом или отравлено русофобскими мифами. Поэтому «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утверждённая Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г., призвавшая всех чиновников в обязательном порядке осуществлять свою деятельность на основе традиционных российских культурно-исторических и духовно-нравственных ценностей, фактически (за исключение военной области) не выполняется, что очень негативно сказывается на криминогенной обстановке и провоцирует рост преступности (показатели которой скрываются полицейскими структурами от населения).

Н.И. Пишикина (Санкт-Петербург, Россия). «Введение» получилось.

Обмен результатами научной деятельности между учёными разных стран даёт им бесценную возможность для более глубокого исследования изучаемого объекта. Это относится и к видению проблем преступности, представленному Карлом-Людвигом Кунцем в его труде «Введение в криминологическое мышление».

Достоинством данной книги является обширный авторский анализ теорий, разработанных в зарубежной криминологии в конце XX в. Среди них стоит отметить мало описанные

в отечественной учебной литературе теории контроля, постмодернизма. «Постмодернистское развитие способствует общественным процессам эмансипации и индивидуализации, которые, с одной стороны, предоставляют свободу, а с другой – способствуют разрушениям социальных связей, оставляя человека „один на один с собой“. Человек вынужден конкурировать с другими в борьбе за ограниченные ресурсы. Нахождение в условиях повышенного риска порождает в человеке стремления к самоутверждению, наслаждению, вызывает безразличие к другим людям, находящимся в состоянии крайнего социального бедствия» [8, с. 172]. Если это так, то, думается, бесполезно, например, призывать к представителям российской элиты об их социальной ответственности. Скорее здесь необходимы другие механизмы.

О.А. Зигмунт (Фехта, ФРГ). Криминологический взгляд на учебник Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление».

Книга Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» является классическим для немецкоязычных стран учебником по криминологии, одним из немногих учебных изданий, переведённых за последние десятилетия с немецкого на русский язык. Необходимо также сделать важное уточнение: в ней речь идёт о европейском криминологическом мышлении.

По мнению К.-Л. Кунца, преступление – это деяние, которое криминализовано. «Под преступностью понимается поведение, отклоняющееся от социально принятого». В немецкой криминологии существует и иной подход к рассмотрению понятия «преступление», при котором оно раскрывается с естественной, уголовно-правовой (формальной) и социологической (материальной) стороны.

Согласно позиции автора учебника, «к предмету традиционной криминологии относится только изучение преступности». Таким образом, основная исследовательская криминологическая деятельность фокусируется на изучении причин преступного поведения. К.-Л. Кунц критикует положение, когда все исследования направлены на поиск причин преступности постфактум, определение данных причин различными дефицитами и отклонениями. Он в целом отрицает взгляд на преступность как на объект естественного

мира, за которым можно «наблюдать» путём проведения эмпирических исследований. По его мнению, преступность требует субъективно-оценочного присвоения одним субъектом определённых характеристик деянию другого субъекта.

И.В. Мезенцев (Санкт-Петербург, Россия). Если закон суров, может ли он быть законом?

27 сентября 2019 г. профессор Бернского университета Карл-Людвиг Кунц представил в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе свой учебник «Введение в криминологическое мышление», изданный на русском языке. В нём, кроме всего прочего, автор указывает на то, что суровость наказания не увеличивает эффективность предупреждения преступлений.

Профессор Кунц, наряду с рядом других криминологов, выступает против серьёзных ограничений прав граждан, в том числе при применении наказаний за преступления небольшой тяжести. Непросто воспитать законопослушного члена общества, лишь устанавливая суровые наказания, связанные с лишением свободы.

Работа К.-Л. Кунца написана хорошим научным языком. Она даёт возможность читателю ознакомиться с широким кругом проблем, связанных с вопросами преступности, поднимаемыми в немецкоязычных странах. Особый интерес вызывает авторский анализ различных теорий преступности, криминологических исследований. Например, эксперимент с близнецами, проведённый с целью установления единого преступного, «девиантного» поведения. Справедливо было отмечено, что это исследование проводилось в течение непродолжительного времени и только в отношении некоторых индивидуумов; его результаты неочевидны и требуют дальнейшей корректировки. Также любопытен анализ «психиатрической» теории происхождения преступников.

6 декабря 2019 года беседа «Право, цифровизация и безопасность в преступно-стиведческом поле (возвращаясь к теме)». С докладом «Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» [10] выступил С.Я. Лебедев – доктор юридических наук, профессор, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий кафедрой

экономической безопасности, аудита и контроллинга РГУ имени А.Н. Косыгина (Москва, Россия).

Беседу вёл заместитель президента Клуба А.П. Данилов. На неё собрались криминологи из Москвы (Россия), Санкт-Петербурга (Россия).

Состав участников беседы:

- 2 гостя (писатель Н.В. Кофырин; Е.Г. Старкова);

- 13 студентов вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.Д. Искандарова – 1-й курс магистратуры, Е.В. Белоусова, П.А. Малыгин, С.С. Митрохин – все 4-й курс бакалавриата; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России): К.Г. Ахундова; СПбГМТУ: М.А. Матусова, Д.С. Митько, В.Е. Котова, М.М-Б. Полонкоева – все 2-й курс, Д.П. Мотов, М.А. Тарасов, А.А. Тихомирова; РГУ имени А.Н. Косыгина: Э.М. Левковский);

- 2 курсанта (СПБУ МВД России: Н.А. Рузаков, А.В. Строк – все 4-й курс);

- 6 аспирантов (РГПУ им. А.И. Герцена: А.В. Акембетова, С.А. Мартыанова, М.М. Мирзабеков, М.А. Пахомова, Ю.А. Сорокина, А.М. Яблоков);

- 1 прикрепитель (СПБУ МВД России: Р.М. Закамалдин);

- 4 преподавателя (СПбГЭУ: А.А. Григорьева, И.В. Мезенцев; СПбГМТУ: С.В. Игнатенко, Е.И. Пономаренко);

- 8 кандидатов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: А.П. Данилов, М.С. Дикаева; СПБУ МВД России: В.С. Харламов; СПВИ войск национальной гвардии: Н.А. Петухов; ООО «Многопрофильное предприятие „ЭЛСИС“»: Г.В. Зазулин; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС: Н.И. Пишикина; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России): В.П. Кутина; РГУ имени А.Н. Косыгина: В.Ф. Джафарли);

- 1 доктор медицинских наук (ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова: Л.Н. Галанкин);

- 4 доктора юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: С.У. Дикаев; СПБУ МВД России: Л.В. Готчина, А.В. Никуленко), в том числе 1 заслуженный деятель науки Российской Федерации (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: А.А. Григорьева, Л.В. Готчина, В.Ф. Джафар-

ли, Г.В. Зазулин, И.В. Мезенцев, А.В. Никуленко, Н.И. Пишикина, Д.А. Шестаков.

С.Я. Лебедев (Москва, Россия). Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс.

Вступление человечества в эру VI технологического уклада с каждым днём всё более переформатирует и видоизменяет привычные, в том числе доселе весьма консервативные, стороны и объекты социальных практик, что закономерно сказывается не только собственно на человеческой деятельности, но и на её правилах и регуляторах. В результате цифровые технологии закономерно меняют традиционные формы правового обеспечения той или иной сферы жизни человека, усиливая и ускоряя тенденцию его инновационно-технологического переустройства. Отсюда инновационная модернизация права и соответствующая ей модернизация правоприменения становятся сегодня самостоятельным значимым ресурсом нового технологического уклада.

Правоохранительная практика сегодня пытается задействовать для целей оперативной и объективной фиксации правонарушений и адекватного реагирования на них современные технические и технологические ресурсы, минимизировать в этом деле стандартный человеческий ресурс. В результате подобной модернизации не только обеспечиваются адекватность и оптимальность общего правоохранительного реагирования на правонарушения, но и нивелируется известная коррупционная составляющая любого правоохранительного процесса с «человеческим лицом». Примером такой правоохранительной инновации отчасти могут служить цифровые технологии, применяемые в контроле над участниками дорожного движения.

Представляется, что в сфере цифрового обеспечения защиты от различного рода криминальных угроз, особенно активно позиционирующих себя в киберпространстве, технологии их цифровой правоохранительной фиксации станут со временем более результативными. В данном случае технологический контроль над нормативно обусловленным, а потому «правопослушным», поведением способен автоматически выявлять любые не санкционированные (нештатные) внешние и внутренние угрозы безопасности. Правоохранителям останется лишь зафиксировать факт нарушения и установить его источник для

определения меры юридической ответственности и организации соответствующего судопроизводства.

Помимо всего прочего, в этом случае одновременно будет срабатывать превентивный эффект цифрового правоохранительного (вместе с технологическим) контроля, так как совершение какого-либо правонарушения станет рискованным для замыслившего его субъекта и потому просто невыгодным, а по сути бессмысленным. Разумеется, подобная технология безопасности потребует создания собственного правового (и, безусловно, цифрового) механизма её обеспечения. Однако это всего лишь дело времени, причём, судя по интенсивности развития цифровых технологий, весьма непродолжительного.

При всей очевидности цифровой перспективы развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов и механизмов обеспечения общественной, экономической и национальной безопасности гораздо более эффективным направлением в достижении успеха совершенствования систем безопасности в условиях глобальной цифровизации должно стать целенаправленное и масштабное объединение профессиональных научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов вокруг формирования адекватной современным цифровым угрозам безопасности и оптимальной по своим экономическим, правовым и информационно-технологическим ресурсам новой цифровой модели обеспечения безопасности личности, общества, государства.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права (в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 г.).

Внимание Клуба давно привлекает к себе проблемное поле между: 1) уголовным правом; 2) «правом безопасности»; 3) компьютерными технологиями преступной деятельности; 4) компьютерными технологиями противодействия преступности. Теперь, спустя годы, значение преступноведческого осмысления данного поля наконец-то начинает пониматься широким кругом специалистов, о чём свидетельствуют публикации и возникающие в России научные подразделения (кафедры вузов, секторы научных учреждений), которые нацелены на освоение вопросов безопасности.

Особо следует отметить вклад Ханлара Джафаровича Аликуперова в разработку двух аспектов этого проблемного поля: 1) чипирования, дистанционного контроля над преступностью; 2) использования искусственного интеллекта при назначении уголовного наказания. Второй из названных пластов деятельности Ханлара Джафаровича имеет непосредственное отношение к теме доклада Семёна Яковлевича Лебедева.

Как и другие специалисты, занятые вопросами электронной системы определения меры наказания, Семён Яковлевич констатирует, что «в условиях глобальной „цифровизации“ речь должна идти об адекватном глобальном и всеобщем правовом технологическом переустройстве системы управления новыми цифровыми социально-правовыми отношениями, в котором уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные инновации должны получить собственное оформление и развитие». Он замечает нарастающее стремление системы правоохранительного контроля к цифровому формату.

В 2010-е гг. важнейшим направлением политической криминологии становится исследование *глобально организованной (со стороны ГОВ) преступности – этой ключевой криминологической проблемы XXI в.*

Ещё раз вернёмся к знаковым событиям 11 сентября. Существует мнение, что предпринятые тогда воздушные атаки были искусно проведённой провокацией того, чтобы приблизить установление единого мирового порядка, ограничив для этого права человека [7]. Так или иначе, в этот трагический день преступники нанесёнными ими ударами целенаправленно или невольно обозначили корень зла, корень глобально организованной преступности. Точнее сказать, было указано направление, в котором уходит корень.

Сама ГОВ не имеет почтового адреса. Её законспирированность, отсутствие официального статуса, неопределённость и до времени неопределяемость способствуют её неуловимости и безнаказанности. Как докладчик сопоставил компьютерные технологии уголовного права – этого важного компонента противодействия преступности – с безопасностью, так политической криминологии *безопасность от ГОВ следует связать с «цифровизацией» преступности и противодействия ей.*

Нельзя сказать, что мир не сопротивляется стремлению ГОВ к управлению им посредством информационных технологий. Во всяком случае, Китай уже преуспевает в этом противостоянии. Как отмечает цитируемый Е. Лариной и В. Овчинским австралийский аналитик Саманта Хоффман, Китай не ограничивается оборонительной стратегией превращения страны в высокотехнологичное общество, а стремится преобразовать сначала ближайших соседей, потом сферу влияния, и в завершение – весь мир по китайским лекалам высокотехнологичного управления, причём на базе традиционных конфуцианских ценностей. Такая глобальная деятельность, обеспеченная технологически, финансово, а также производством серверов, компьютеров, гаджетов, закреплена в решениях партийного и государственного руководства КНР [9].

Именно Китай стал той силой, которая может противостоять и уже противостоит глобальной олигархической преступности. Но в этом есть и новая угроза, заслуживающая пристального внимания со стороны политического преступноведения. Не являемся ли мы свидетелями рождения параллельной (тоже планетарного значения) «воронки преступности»? В связи со сказанным необходимы дополнения отечественного «права безопасности». Нужны криминологические доводы для национализации производства всего ИТ-оборудования и ИТ-технологий.

Х.Д. Аликперов (Баку, Азербайджанская Республика). Развитие криминологии невозможно без опоры на достижения предыдущих исследований в этой сфере.

С большим интересом ознакомился с тезисами доклада С.Я. Лебедева на тему «Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс». Полагаю, что следует согласиться со многими его выводами и предложениями. Действительно, как справедливо отмечает уважаемый профессор, цифровые «технологии закономерно меняют традиционные формы правового обеспечения той или иной сферы жизни человека, усиливая и ускоряя тенденцию её инновационно-технологического переустройства».

Заслуживают поддержки и выводы докладчика о том, что «в условиях глобальной цифровизации речь должна идти об адекватном глобальном и всеобщем правовом технологическом переустройстве системы управления

новыми цифровыми социально-правовыми отношениями, в котором уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные инновации должны получить собственное оформление и развитие».

Считаю, что профессор Лебедев также прав, когда пишет, что «до сих пор наше традиционное материальное право, обозначающее, что есть правонарушение и преступление, и вместе с ним процессуальное право, регламентирующее правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников), демонстрируют себя в так называемом аналоговом режиме. В то время как в противовес существующему правовому аналоговому устройству система правоохранительного контроля всё более демонстрирует стремление к цифровому формату».

Сказанное можно повторить и относительно его выводов о том, что «в сфере цифрового обеспечения защиты от криминальных угроз, особенно активно позиционирующих себя в киберпространстве, технологии их цифровой правоохранительной фиксации станут со временем более результативными».

Вместе с тем уважаемый Семён Яковлевич в своих тезисах почему-то не обозначил существующие разработки в анализируемой им сфере, даже словом не обмолвился о таких новых технологиях в области криминологии и уголовного права, криминалистики и уголовного процесса, как «Технология оформления уголовных дел на едином информационном портале» (О.В. Качалова и Ю.А. Цветков); «Глобальный дистанционный контроль над преступностью» (Х.Д. Аликперов); «Перевод отправления правосудия на цифровые рельсы на основе технологии блокчейн» (Л.В. Бертковский); «Е-уголовное дело», разработанное казахстанскими учёными-юристами; «Электронная система определения оптимальной меры наказания» (Х.Д. Аликперов, И.М. Рагимов).

Чем объясняется данное умалчивание? Ведь общеизвестно, что наука, в том числе и криминологическая, развивается по спиралевидному принципу, где новый виток развития опирается на достижения и промахи предыдущих исследовательских витков...

Игнорирование прежних разработок в сфере цифровизации судопроизводства не согласуется не только с этой парадигмой,

но и вступает в противоречие с темой беседы, в которой использован и такой оборот, как «возвращаясь к теме», т. е. к проблеме, которая была предметом публичного выступления других исследователей. Речь, в частности, идёт о цифровой технологии «Электронные весы правосудия».

Или взять, к примеру, технологию блокчейн Л. Бертовского, делающую невозможным добавление в файлы электронного уголовного дела фальшивого блока материалов или изъятие существующего из этой системы, так как к записям могут получить доступ только следователь, у которого есть один закрытый ключ, и начальник следственного подразделения, а также прокурор, осуществляющий надзор, у которых также есть аналогичный ключ доступа к материалам уголовного дела. Затем к этой информации получают доступ только те, кому один из этих пользователей предоставит свой закрытый ключ. Например, судебно-экспертному учреждению, адвокату, гражданскому истцу и т. д. При этом у всех будет разный уровень доступа к файлам уголовного дела.

Сказанное можно повторить и относительно прогрессивной технологии «Е-уголовное дело». Посредством неё возможно дистанционное осуществление контроля (надзора) за законностью и обоснованностью процессуальных решений, а также за деятельностью следователя и суда в рамках уголовного дела с момента его возбуждения и до вынесения по нему окончательного решения.

По мнению авторов этой разработки, система позволит «подшивать» к делу все поступившие документы, постановления и протоколы процессуальных решений и следственных действий чётко и в хронологическом порядке, благодаря чему ничего нельзя потерять, а все изменения, кем бы они ни были инициированы, будут как на ладони.

Л.В. Готчина (Санкт-Петербург, Россия). О необходимости связи наркобезопасности с «цифровизацией» наркопреступности и противодействия ей.

Использование современных технических ресурсов эффективно при выявлении сбыта наркотиков, приготовления к нему. Зачастую серверы, через которые осуществляется поиск клиентов – покупателей наркотиков, находятся за границей, однако техническое отслеживание такой переписки позволяет выявить места и время сбыта, увеличить процент пре-

сечения наркопреступлений, уменьшить число потребления наркодоз.

Нельзя не согласиться и с мнением В.Ф. Джафарли, указывающего на необходимость в правовой платформе для применения современных цифровых технологий.

Применение же «Электронных весов правосудия», предложенных Х.Д. Аликперовым, считаю в данный момент затруднительным в первую очередь в связи с несовершенными законодательными конструкциями УК РФ, в частности это ст. 228–234. Ввиду этого программа не обеспечит вынесения справедливых и объективных судебных решений.

А.В. Никуленко (Санкт-Петербург, Россия). Отдельные вопросы кибербезопасности в современном мире: взгляд дилетанта.

В последнее время всё больший общественный резонанс вызывают преступления, совершаемые через Интернет. Когда человечество шагнуло в эпоху цифровых технологий, стали усложняться, развиваться способы совершения преступлений, от незаконных деяний в экономической сфере до преступлений против государственной власти.

Преступники каждый год изобретают всё новые приёмы виртуального отъёма наших денег с кредиток, от банального считывания данных с помощью скиммера до покупки клиентской базы у банковских клерков. Криминальные структуры стали гораздо чаще использовать для осуществления различных видов преступной деятельности возможности Интернета. Это и торговля оружием, наркотиками, людьми, и организация террористической деятельности, и вербовка экстремистски настроенной молодёжи. При этом «уход» в Интернет обеспечивает наибольшую выгоду при максимальном уровне конфиденциальности.

В настоящее время мы наблюдаем следующую тенденцию: преступления в сфере высоких технологий выявляются не правоохранительными ведомствами, которые как раз и призваны оперативно реагировать на преступные угрозы, а специалистами служб безопасности банков, других коммерческих структур, в том числе интернет-компаний, организаций, разрабатывающих антивирусные программы.

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия). «Международная цифровая безопасность»: миф или реальность?

Проблема цифровой безопасности не является сугубо внутривластной. Ре-

шать её предстоит сообща всему мировому сообществу. Без активного взаимодействия государств и международных организаций невозможно эффективно противодействовать киберпреступлениям. Оцифровка уголовного закона не нужна. Он должен регулировать реальные (не виртуальные) отношения между людьми, защищать жизненные ценности. Цифровизация же процессов предупреждения преступлений желательна (с обязательным учётом положений формирующегося «права безопасности»).

В.Ф. Джафарли (Москва, Россия). О звучности тематики доклада профессора С.Я. Лебедева теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

В условиях неизбежного наступления эпохи цифровой реальности правовые регуляторы не могут оставаться прежними. Стремительная цифровизация общества ставит перед научным сообществом, в том числе и криминологическим, ряд вопросов, требующих поиска и нахождения соответствующих им ответов.

Реализация тезиса «Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» может быть осуществлена через формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий. В свою очередь, данный процесс сопряжён с оформлением трёх ресурсов – уголовно-правового, криминологического и информационно-технологического, дальнейшее развитие которых должно носить исключительно комплексный характер, происходить путём постоянного взаимодействия.

Здесь необходим прежде всего глубокий анализ теории криминологической безопасности как базовой научной категории, объединяющей современные криминологические идеи и теоретико-прикладные концепции обеспечения защиты личности, общества и государства от преступности в различных сферах социальной жизнедеятельности.

Одновременно требуется тщательное изучение сферы информационных технологий в контексте их функционирования в виртуальном и реальном мирах, причём в качестве объекта комплексного криминологического исследования. Необходим учёт теоретико-методологических предпосылок разработки и реализации методики научного познания кри-

минологических связей и последствий в реальной и виртуальной действительности, на основе чего возможно говорить о теоретической концепции взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий криминологической и информационно-технологической безопасности в рассматриваемой сфере. К слову, использование технологии «больших данных» (big data) в значительной степени способствует расширению методологических возможностей при сборе и анализе криминологически значимых данных.

Также необходим тщательный уголовно-правовой анализ традиционных и инновационных составов преступлений, совершаемых в ИТ-сфере, на основе чего можно говорить о перспективах развития уголовно-правового потенциала в системе обеспечения безопасности в данной области.

Н.И. Пишикина (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу об информационных технологиях.

Проблема информационных технологий и искусственного интеллекта на сегодняшний день является актуальной не только для науки, но и для законотворчества, практики. Активное применение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов, надо признать, значительно повысило бы эффективность взаимодействия различных субъектов, а также упростило бы управление ими.

Например, работа подразделений по делам несовершеннолетних по-прежнему перенасыщена заполнением многочисленных документов «на бумаге»: ведение учётно-профилактических карточек (УПК) и дел (УПД), запросы в различные инстанции, планы о проведении профилактической работы, справки о проделанной работе и т. д. Но если появятся программы, которые позволят оформлять УПК и УПД в электронном виде, дополняя их содержание всей необходимой информацией, это значительно сократит временные и физические затраты. Кроме того, доступ руководителя данного подразделения к базе данных обеспечит своевременный контроль за деятельностью инспектора без необходимости выезда по месту нахождения данного должностного лица. Рекомендации и замечания руководителя также могут передаваться с использованием соответствующих каналов связи.

Немаловажным в такой деятельности является элемент «прозрачности», когда каждый сотрудник будет понимать, что этапы и результаты его работы фиксируются. Развитие «цифровизации», однако, ставит под угрозу соблюдение прав человека. Известно, что информационные элементы управления возможно использовать для слежки, цензуры, самоцензуры, стратегического распространения информации.

Г.В. Зазулин (Санкт-Петербург, Россия). Безопасность от наркотизма в оцифрованном мире.

Формированием новых цифровых моделей выстлана дорога в глобальный мировой порядок. Модели создают, чиновники ими отчитываются, а застарелые проблемы общества (высокая коррупция, наркотизм, отсутствие доверия к полиции, некачественная медицинская помощь) как существовали, так и продолжают существовать, создавая угрозу государственной безопасности.

Согласен с Д.А. Шестаковым в том, что необходимы дополнения отечественного «права безопасности». Действительно, если «цифру» (информационные технологии) осваивают преступники, а чиновники (руководители, правоприменители, учебные заведения) не будут использовать её возможности в решении проблем, связанных с безопасностью, то из кризиса, в котором пребывает управление страной, нам не выбраться.

Однако не могу согласиться с уважаемым Дмитрием Анатольевичем в том, что нашему государству необходима «национализация производства всего IT-оборудования и IT-тех-

нологий». Ведь проблема не в том, что технологии не национализированы, а в том, что они не внедряются там, где это необходимо для обеспечения безопасности личности, общества и Российского государства.

А.А. Григорьева (Санкт-Петербург, Россия). Цифровое будущее уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы.

Движение России к цифровизации общественных отношений важно, значимо и неизбежно. Цифровые технологии стремительно внедряются во все сферы.

Однако нужно ответить на следующие вопросы: для чего государству цифровизация? почему на сегодняшний день предпочтение отдаётся не бумажному, а электронному документообороту? почему власть планирует доверить принятие судебных решений роботам?

Предполагается, что это нужно для удобства. Оно проявляется в том, что техника делает ту или иную работу в разы быстрее человека и при этом вероятность совершения ошибок минимальна. Зачастую использование искусственного интеллекта (ИИ) способствует экономии бюджетных средств, так как нет необходимости в тех или иных кадрах.

Возможно, внедрение ИИ в судебный процесс поможет упростить работу судебного корпуса, но важно при этом не давать ИИ полностью заменить собой человека. Цифровые технологии необходимы для выполнения вспомогательных, но не основных функций. В противном случае человечество станет похожим на роботов – таким же бесчувственным, с заранее запрограммированным алгоритмом действий.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 13–22.
2. Аналитическая система «Сутяжник». URL: <http://sutyazhnik.garant.ru/#rec43503929> (дата обращения: 06.02.2020).
3. Баршев С. О мере наказаний. М., 1840.
4. Биосоциальный подход. URL: https://uchebniki-besplatno.com/etnicheskaya-sotsiologiya_1242/biosotsialnyiy-podhod-37847.html (дата обращения: 06.02.2020).
5. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 13–22.
6. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов-н/Д, 1991.
7. Ивашов Л. 11 сентября – это глобальная провокация. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/09/11/11_sentyabrya_-_e_to_global_naya_provokaciya/ (дата обращения: 06.02.2020).
8. Кунц К.-Л. Введение в криминологическое мышление / пер. с нем. канд. юрид. наук А. Козловой. СПб.: Алеф-Пресс, 2019. 362 с.

9. Ларина Е., Овчинский В. Председатель Си: «Данные предпочтительнее слов». Алгоритмическое управление миром как цель руководства КНР? URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannie_predpochtitel_nee_slov (дата обращения: 06.02.2020).
10. Лебедев С.Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 17–25.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
12. Маркс К. Капитал. Том I. М., 1967.
13. Мор Т. Утопия. М., 1953.
14. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
15. Трифонова Е. Роботов в судейских мантиях пока не будет // Независимая газета. 2018. 18 декабря.
16. Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 13–22.

REFERENCES

1. Alikperov H.D. Elektronnaya sistema opredeleniya optimalnoy mery nakazaniya (postanovka problemy) [Electronic system for determining the optimal punishment (formulation of the problem)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, No. 4 (51), pp. 13–22.
2. Analiticheskaya sistema “Sutyazhnik” [Analytical system “Sutyazhnik”]. URL: <http://sutyazhnik.garant.ru/#rec43503929> (date of access: 06.02.2020).
3. Barshev S. O mere nakazaniy [On the measure of punishment]. М., 1840.
4. Biosotsialniy podkhod [Biosocial approach]. URL: https://uchebniki-besplatno.com/etnicheskaya-sotsiologiya_1242/biosotsialniy-podhod-37847.html (date of access: 06.02.2020).
5. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, No. 4 (39), pp. 13–22.
6. Dzhatiev V.S. Dokazyvanie i otsenka obstoyatelstv prestupleniya [Proof and assessment of the circumstances of a crime]. Rostov-n/D, 1991.
7. Ivashov L. 11 sentyabrya – eto globalnaya provokatsiya [September 11 is a global provocation]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/09/11/11_sentyabrya_-_e_to_global_naya_provokatsiya/ (date of access: 06.02.2020).
8. Kunz K.-L. Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. kand. jurid. nauk Angeliny Kozlovoy. SPb.: Alef-Press, 2019. 362 p.
9. Larina E., Ovchinskiy V. Predsedatel Si: “Dannye predpochtitelnee slov.” Algoritmicheskoe upravlenie mirom kak tsel rukovodstva KNR? [Chairman Xi: “Data is preferable to words.” Algorithmic world governance as the goal of the leadership of China?]. URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannie_predpochtitel_nee_slov (date of access: 06.02.2020).
10. Lebedev S.Y. Tsifrovoy bezopasnosti – tsifrovoy ugovolno-pravovoy resurs [Digital criminal law resource for digital security]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, No. 4 (55), pp. 17–25.
11. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Full composition of works]. Vol. 27.
12. Marx K. Kapital [Capital]. Vol. I. М., 1967.
13. Mor T. Utopiya [Utopia]. М., 1953.
14. Nepomnyashchaya T.V. Mera ugovolnogo nakazaniya: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Criminal punishment: problems of theory and practice]. Ekaterinburg, 2010.
15. Trifonova E. Robotov v sudeyskikh mantiyakh poka ne budet [There will be no robots in judicial robes yet]. *Nezavisimaya gazeta*. 2018, December 18.
16. Shestakov D.A. Osnovy ucheniya o protivodeystvii prestupnosti. [The basics of the doctrine of the crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, No. 2 (53), pp. 13–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель и президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

Салман Умарович Дикаев – доктор юридических наук, профессор, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: dikaev@mail.ru

Андрей Петрович Данилов – кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: danilov-a1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, Professor; Honoured Scientist of the Russian Federation, Co-founder and President of Saint-Petersburg International Criminology Club, Head of the Laboratory of Criminological of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

Salman Umarovich Dikaev – Doctor of Laws, Professor, Co-founder of the Saint-Petersburg International Criminology Club, Head of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia); e-mail: dikaev@mail.ru

Andrey Petrovich Danilov – PhD in Law, Deputy President of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint Petersburg, Russia); e-mail: danilov-a1@mail.ru

3. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ГЕННАДИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ГОРШЕНКОВУ – 80 ЛЕТ!

Геннадий Николаевич Горшенков – доктор юридических наук, профессор, почётный вице-президент Российской криминологической ассоциации, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Г.Н. Горшенков родился 22 февраля 1940 г. в селе Ризоватово Наруксовского района Горьковской области (ныне – Нижегородская). После окончания железнодорожного технического училища № 5 города Горького работал электромонтёром высоковольтных линий и контактных сетей на Горьковской железной дороге.

Проходя срочную службу в танковых войсках, являлся внештатным корреспондентом газеты «Красный воин». С 1969 г. – член Союза журналистов России. Зачислен в Золотой фонд Союза журналистов Нижегородской области.

В 1964 г. поступил в Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Начиная с 1967 г. в течение 28 лет состоял на службе в органах внутренних дел, последние пять лет которой прошли в управлении уголовного розыска.

С 1977 по 1995 г. работал преподавателем, занимался научно-исследовательской работой

в учебных учреждениях МВД СССР, МВД России. Прошёл ряд должностей от преподавателя до заместителя начальника кафедры уголовного права Нижегородской академии МВД России, был начальником учебного центра МВД по Республике Коми, начальником Сыктывкарского филиала Московской специальной средней школы милиции МВД РФ.

В 1983 г. закончил адъюнктуру МВД СССР и защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Правовая агитация в деятельности органов внутренних дел» (научные руководители – доктора юридических наук, профессора К.Е. Игошев и В.Т. Томин).

Преподавательскую и научную деятельность продолжил в Сыктывкарском государственном университете, где некоторое время заведовал кафедрой уголовного права. Затем руководил кафедрой истории и теории государства и права Коми республиканской академии государственной службы и управления.

В 1998 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор В.Т. Томин). В 1999 г. Геннадию Николаевичу присвоено учёное звание «профессор».

1 июля 2001 г. наш юбиляр вернулся преподавать в родной университет – ННГУ им.

Н.И. Лобачевского, в котором и сегодня активно занимается научно-исследовательской работой. На протяжении нескольких лет организует проведение студентами магистратуры исследований общественного мнения по проблемам противодействия преступности в Нижнем Новгороде.

Геннадий Николаевич является видным представителем невско-волжской криминологической школы. Им опубликовано около 600 научных, учебных, публицистических работ и художественно-документальных произведений. В круг его научных интересов входят: криминология СМИ, проблемы методологии криминологии, противопреступной политики, терминологической лексики криминологии, противодействия коррупции, научного сопровождения государственного управления

в сфере противодействия преступности, ответственности криминологической науки.

В трудах профессора Горшенкова получила широкое развитие криминология массовых коммуникаций. В настоящее время он работает над концепцией криминологии как одной из научных отраслей противопреступного цикла, обращая особое внимание на её общетеоретическое значение для родственных отраслей науки, их взаимосвязи в изучении и обусловленности преступлений, а также мер противодействия преступности.

Дорогой Геннадий Николаевич! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, жизненных сил, дающих возможность созидать, в том числе в рамках родной для Вас криминологической науки!

Совет Клуба

ВАДИМУ ВЯЧЕСЛАВОВИЧУ КОЛЕСНИКОВУ – 65 ЛЕТ!

Вадим Вячеславович Колесников – старший советник юстиции, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

В.В. Колесников родился 6 февраля 1955 г. в Калуге. В 1977 г. закончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского (ныне – Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПбГЭУ) и работал по специальности в Калужском облисполкоме. В 1979 г. вернулся в Ленинград, где шесть лет трудился в научно-исследовательском секторе родного института, пять из них – в должности старшего научного сотрудника, ответственного исполнителя НИР. Занимался интересной тематикой, связанной с методическим обеспечением задач сокращения ручного труда в российской промышленности; по итогам подготовил с коллективом одноимённую Концепцию, одобренную Госпланом РСФСР. За это время написал и в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике на тему «Методические основы планового обеспечения сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов: на примере промышленных предприятий Ленинградского региона» (научный руководитель – доктор экономических наук, профессор Н.А. Горелов).

Заслуженный деятель науки Российской Федерации Николай Афанасьевич Горелов сыграл главную роль в определении послевузовской судьбы юбиляра, пригласив его в 1979 г. в свой сектор Проблемной научной лаборатории региональных экономических

исследований при ЛФЭИ им. Н.А. Вознесенского. Параллельно с научной работой В.В. Колесников начал преподавать студентам. А в 1985 г. юбиляру поступило предложение перевестись на кафедру в ведомственный вуз – Ленинградский филиал МФЮЗО Академии МВД СССР (в дальнейшем – Санкт-Петербургская высшая школа МВД России; в 1997 г. вошла в состав Санкт-Петербургской академии МВД России, ныне – Санкт-Петербургский университет МВД России).

На новом месте интересы Вадима Вячеславовича сместились в область изучения внеэкономической деятельности – объектами исследований стали криминальная и теневая экономика, экономическая преступность.

В 1995 г. в Санкт-Петербургском университете экономики и финансов юбиляр защитил докторскую диссертацию по экономике на тему «Условия и причины криминализации экономических отношений на этапе рыночных реформ: политико-экономическое исследование» (научный консультант – ректор университета, доктор экономических наук, профессор Леонид Степанович Тарасевич). Это была, по сути, первая такого рода работа, посвящённая анализу криминальных последствий рыночных преобразований в стране.

В 2000 г. Вадим Вячеславович перешёл на работу в «прокурорский» вуз – Санкт-Петербургский юридический институт Генпрокуратуры РФ (в дальнейшем – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ; ныне – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ). Ректор вуза заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Борис Владимирович Волженкин знал юбиляра и до этого – ими совместно были написаны главы «Преступность в сфере экономической

деятельности» в двух учебниках по криминологии (1998; 1999).

Колесниковым В.В. опубликовано более 350 научных и учебно-методических трудов, в том числе 40 монографий (преимущественно в соавторстве), 7 учебников (в соавторстве), около 50 статей в рецензируемых научных журналах.

Среди главных научных интересов Вадима Вячеславовича – экономическая теория преступности и экономическая криминология. Первым серьёзным научным трудом была монография «Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты» (СПб., 1994). Наиболее плодотворным стало первое десятилетие наступившего века, когда по проблемам этой преступности-ведческой отрасли им были подготовлены: монография «Преступность в сфере экономической деятельности» (СПб., 2000; в соавт. с В.М. Егоршиным) и главы в целом ряде коллективных монографий, в частности: «Экономическая преступность в современном рыночном хозяйстве» (Криминология – XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000; в соавт. с С.В. Степашиным); «Экономическая преступность и политическая коррупция» (Политический режим и преступность / под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. СПб., 2001; в соавт. с Б.В. Волженкиным); «Основы экономической криминологии» (Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии: монография / под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003); «Экономическое развитие и преступность» (Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб., 2005); «Экономическая преступность» (Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2007; в соавт. с С.В. Степашиным).

Первыми же вехами в истории становления экономической криминологии в России стали написанные профессором Колесниковым параграф «Экономическая криминология» в учебнике «Криминология» (1999) и статья «Экономическая криминология» в словаре «Криминология» (СПб., 1999). В дальнейшем концептуальное развитие эта тематика получила прежде всего в двух работах юбиляра – «Основы экономической криминологии» (2003) и «Экономическое развитие и преступность» (2005).

Вышеперечисленные избранные публикации являются знаковыми, поскольку тема экономического преступности-ведения была впервые отражена в вузовской учебной и научной криминологической литературе. В этом ряду особое место занимают также последующие работы юбиляра: главы в коллективной монографии «Что такое „криминализация экономики“ и как с ней бороться?» (М., 2011); научные статьи: Модель экономики и уголовно-правовое регулирование // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2); Экономическая криминология: Криминологическая безопасность как общественное благо // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 37 (2); Феномен криминализации в экономике: понятие, связь с реформами и правовым регулированием // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3 (7); Экономический подход к противодействию коррупции: специфика и значение // Уголовное право России: состояние и перспективы (коррупционные преступления): Всероссийская научно-практическая конференция: материалы / под общ. ред. Г.В. Штадлера. СПб., 2016; К вопросу об экономико-правовых предпосылках «цветных революций» // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12); Криминологическая безопасность: обоснование подходов к определению сущности феномена // Социальный контроль над преступностью: что делать? Материалы XXXII Международной Балтийской криминологической конференции / под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2019.

Наконец, следует назвать статьи в энциклопедии Академии Генпрокуратуры РФ: «JUS EST: Юридическая энциклопедия». Серия «Academia» / под общ. ред. О.С. Капинус. Т. 3. М., 2017. – «Экономическая криминология»; «Экономическая теория права»; «Экономическая теория преступлений и наказаний»; «Закон инверсии криминальных капиталов и их субъектов»; «Криминализация экономики»; «„Теневое“ право».

Дорогой Вадим Вячеславович! Примите наши самые тёплые поздравления с юбилеем! Искренне желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и дальнейших достижений в научной и педагогической деятельности!

Совет Клуба

ВЛАДИМИРУ СЕМЁНОВИЧУ ОВЧИНСКОМУ – 65 ЛЕТ!

Владимир Семёнович Овчинский – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, почётный сотрудник МВД России, генерал-майор милиции в отставке, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, советник министра внутренних дел Российской Федерации.

В.С. Овчинский родился 23 февраля 1955 г. в Москве. В 1976 г. с отличием окончил Омскую высшую школу милиции МВД СССР. С 1976 по 1986 г. проходил службу в ГУВД Московской области.

В 1981 г. Владимир Семёнович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Организация и методика оперативных криминологических исследований, проводимых органами внутренних дел» (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор К.К. Горяинов), а в 1994 г. – докторскую диссертацию на тему «Уголовно-правовые, криминологические и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации».

С 1986 по 1991 г. служил во ВНИИ МВД СССР. В период с 1992 по 1995 г. был помощником первого заместителя министра внутренних дел Российской Федерации; 1995–1997 – помощник министра внутренних дел Российской Федерации; 1997–1999 – начальник Российского бюро Интерпола; 1999–2001 – обозреватель еженедельника «Московские новости»; 2001–2002 – вице-президент ОАО

«Сибирско-Уральская Алюминиевая компания»; 2003 – советник по вопросам борьбы с терроризмом Генерального секретаря ОДКБ; 2004–2011 – советник Председателя Конституционного Суда Российской Федерации; с 2012 г. – советник министра внутренних дел Российской Федерации.

Наш юбиляр – автор многочисленных монографий, учебников, учебных пособий, статей по проблемам криминологии и теории оперативно-розыскной деятельности. В их числе книги: «Оперативные исследования актуальных проблем борьбы с преступностью» (1981); «Постперестройка» (1990; в соавторстве); «Мафия: необъявленный визит» (1993); «Основы борьбы с организованной преступностью» (1996; в соавторстве); «Интерпол (в вопросах и ответах)» (2000); «XXI век против мафии» (2001); «Криминология и биотехнологии» (2005); «Борьба с мафией в Китае. Мафия XXI века. Сделано в Китае» (2006; в соавторстве); «Криминологическое измерение» (2008; в соавторстве); «Криминология кризиса» (2009); «Терроризм в современном мире» (2011; в соавторстве); «Кибервойны XXI века. О чём умолчал Эдвард Сноуден» (2014; в соавторстве); «Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов» (2015; в соавторстве); «Мафия. Новые мировые тенденции» (2016); «Роботы-убийцы против человечества. Киберапокалипсис сегодня» (2016; в соавторстве); «Технологии будущего против криминала» (2017); «Крими-

нал будущего уже здесь» (2018; в соавторстве); «Виртуальный щит и меч. США, Великобритания, Китай в цифровых войнах будущего» (2018); «Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность» (2019; в соавторстве); «Искусственный интеллект. Этика и право» (2020); «Иностранные боевики-террористы. Иногда они возвращаются» (2020); «Киберполиция XXI века. Международный опыт» (2020; в соавторстве); «Час волка. Введение в хронополитику» (2020; в соавторстве); учебник «Криминология цифрового мира» (2019).

В.С. Овчинский в составе российской делегации участвовал в работе Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Сальвадор, Бразилия, 2010), выступал от имени российской делегации на конференциях ОБСЕ по проблемам борьбы с торговлей людьми и использования искусственного интеллекта в работе полиции (2004–2019). Его монография «Киберполиция XXI века. Международный опыт», опублико-

ванная на английском языке, была презентована российской делегацией на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2020 г.

Юбилар также является членом региональной общественной организации «Общественный «Совет по внешней и оборонной политике», Изборского общественно-политического клуба, вице-президентом Союза криминалистов и криминологов.

В феврале 2020 г. Фонд поддержки творчества писателей-юристов при МГО Союза писателей России наградил В.С. Овчинского литературно-общественной премией «За верность слову, истине и чести» имени А.Ф. Кони.

Уважаемый Владимир Семёнович! Примите наши искренние поздравления с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, всегда творческого настроения, позволяющего Вам столь плодотворно работать на благо криминологии!

Совет Клуба

4. НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЩЕДРИНА

8 декабря 2019 г. на 67 году жизни от нас навсегда ушёл доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета Николай Васильевич Щедрин.

Николай Васильевич родился 18 декабря 1952 г. в деревне Карелино Новосёловского района Красноярского края. В 1970 г. закончил Светлолобовскую среднюю школу, в 1975 г. – юридический факультет Красноярского государственного университета. С мая 1976 по май 1977 г. служил в Советской Армии в звании рядового.

В период 1977–1980 гг. работал в прокуратурах Хакасии и Красноярского края следователем, помощником прокурора, прокурором следственного управления, с октября 1980 г. – в Красноярском государственном университете (с 2007 г. – Сибирский федеральный университет), на юридическом факультете которого прошёл все ступени от ассистента до профессора. В 1997–2007 гг. Николай Васильевич возглавлял Центр социально-правовых исследований, 2003–2006 гг. – был заместителем декана, затем заведовал кафедрой деликтологии и криминологии.

Н.В. Щедрин закончил очную аспирантуру Томского государственного университета, защитив в нём в 1988 г. кандидатскую диссертацию на тему «Индивидуальная профилактика преступного поведения лиц, освобождённых из воспитательно-трудовых колоний» (научные руководители – доктор юридических наук, профессор А.Л. Ременсон, доктор юри-

дических наук, профессор В.Д. Филимонов). В 2001 г. в Уральской юридической академии защитил докторскую диссертацию на тему «Меры безопасности как средство предупреждения преступности» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор В.И. Горобцов).

Николай Васильевич читал курсы лекций по криминологии, правовым аспектам мер безопасности, противодействию коррупции, основам научных исследований, актуальным проблемам ювенальной юстиции, проблемам общей теории предупреждения преступности. Он был частым гостем у зарубежных коллег: научные стажировки и повышение квалификации в университетах Германии (Грайфсвальд – 1995, 1996, 2006, 2007 гг., Пассау – 1998, 1999, 2002, 2006, 2010 гг.) и Швейцарии (Базель – 2004 г.).

Основные научные интересы Н.В. Щедрина были связаны с исследованием общей теории предупреждения преступлений, противодействия коррупции, ювенальным правом и ювенальной юстицией. Он являлся основателем нового научного направления и руководителем научной школы «Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности», сформулировал и предложил для обсуждения важные категории концепции антикриминальной безопасности.

Николаем Васильевичем подготовлено и опубликовано свыше 150 научных работ, в том числе обращающие на себя внимание содер-

жательные монографии: «Введение в правовую теорию мер безопасности» (Красноярск, 1999), «Меры безопасности для охраны власти и для защиты от неё» (Красноярск, 2006; в соавторстве с О.М. Кылиной), «Juvenile Justice System in Europe. Current Situation and Reform Developments» (Mönchengladbach, 2010; в соавторстве).

В ноябре 2013 г. профессор Щедрин выступил в Санкт-Петербургском международном

криминологическом клубе с основным докладом «Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности», получившим широкий отклик у коллег.

Вечная Вам память, дорогой Николай Васильевич.

Совет Клуба

НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поля – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках – по правому краю; над таблицей размещаются её номер и название (Таблица 1 – Название), под рисунком размещаются его номер и название (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично в сносках. Не допускается использование буквы «е» вместо буквы «ё». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами общим объёмом до 700 знаков с пробелами, пристатейным списком литературы, сведениями об авторе (учёная степень, учёное звание, должность, место работы, адрес электронной почты) на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать вводящих уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т. п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень, и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;
- соответствие современным достижениям науки;
- что нового предлагается автором, научная новизна;
- доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

- целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

12. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 (пяти) лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, точность цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых систем, учреждений и организаций, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или отклонении от опубликования статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ СТАТЬИ

Заглавие статьи, аннотация и ключевые слова

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОР- ЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC APPROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Keywords: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации

Пристатейный список литературы

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.

Горайнов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.

РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. 2013. 1 июля.

Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

References

Beccaria C. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.

Goryaynov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyuk L.V. Uluchshenie vzaimootnosheniy grazhdan i militsii [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh “Aktualnye voprosy ugolovnogo zakonodatelstva” [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings “Relevant issues of the criminal law”]. URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of access: 01.02.2014).

Сведения об авторе

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Information about author

Viktor Vasilievich Luneev – Doctor of Laws, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Chief Research Scientist of the Department of Criminal Law and Criminology at Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 464 с.

Автореферат диссертации

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1986. 334 с.

Интернет-документы

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

Книга с ответственным редактором

Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. 2012. 10 октября.

А.П. Данилов. КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР.

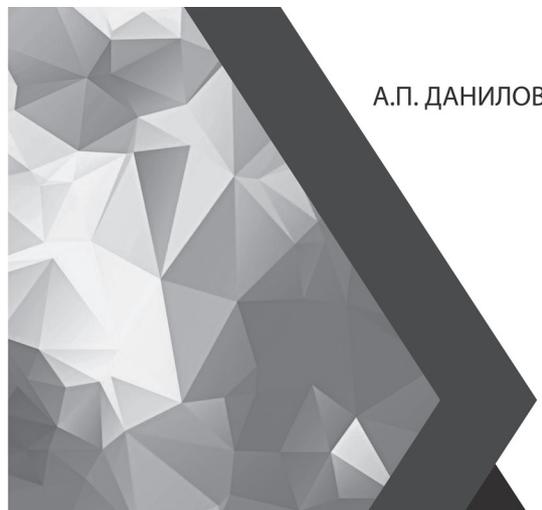
СПб.: Полиграфическое предприятие № 3, 2018. 332 с.

ОТ АВТОРА:

«Давайте вернёмся к истокам. Вновь осознаем принадлежность к великому народу, его культуре, земле, станем почитать родителей, любить Родину. Понимая творящееся зло, не оставайтесь сторонними наблюдателями, противодействуйте ему, пусть даже у Вас для этого не так много возможностей».

КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР

А.П. ДАНИЛОВ

А.П. ДАНИЛОВ

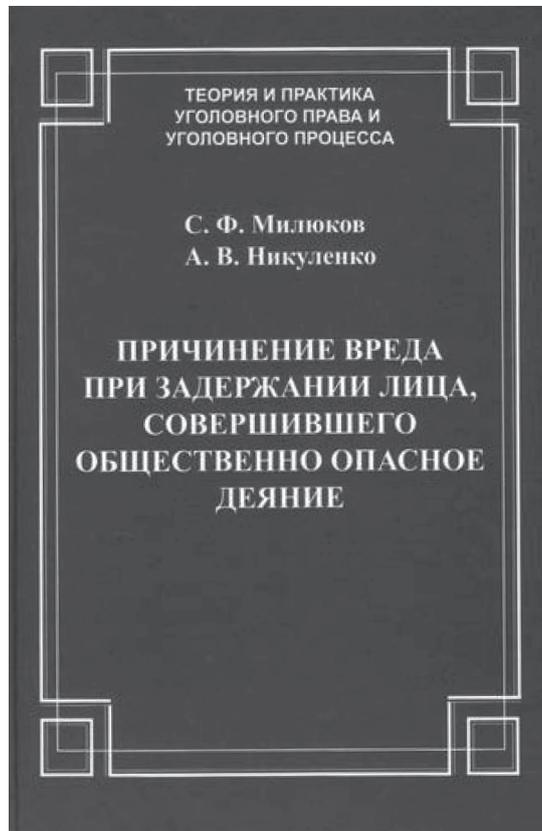
КРИМИНОЛОГИЯ:
РОССИЯ И МИР

В книге собраны основные научные труды А.П. Данилова, сгруппированные по разделам, соответствующим различным отраслям криминологии: политической, экономической, криминологии закона, здравоохранения, искусства и пр.

Данная книга будет полезна криминологам, политологам, правоведам, а также всем неравнодушным к судьбе России читателям.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ.
СПб.: Юридический центр, 2015. 560 с.**

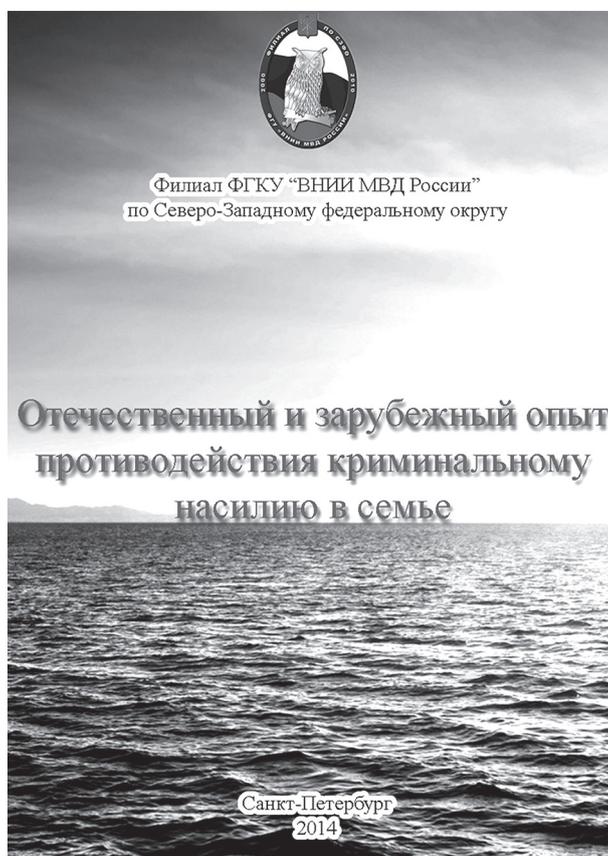
В работе детально исследуется институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. На основе анализа действующего отечественного и зарубежного уголовного и иного законодательства раскрываются особенности данного уголовно-правового института в законодательной и правоприменительной практике. Подробно раскрываются основания и условия правомерности причинения вреда (в том числе путём применения оружия) при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние. Рассмотрены также иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, как содержащиеся в действующем УК РФ, так и не получившие пока законодательного закрепления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и иного законодательства, регламентирующего затрагиваемые в книге вопросы.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов высших и средних образовательных учреждений юридического профиля, практических работников правоохранительных, судебных и контролирующих государственных органов, юристов, а также широкий круг читателей, озабоченных состоянием правопорядка в России.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

В.С. Харламов. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ.

Монография. СПб., 2014. 398 с.

Монография вышла в свет в Международный год семьи (2014).

Рассмотрены историко-правовые аспекты криминального насилия в семье в России и зарубежных странах. Представлены сравнительный анализ состояния, структуры и динамики внутрисемейных насильственных преступлений в различных регионах России, демографическая характеристика жертв насильственных преступлений в семье и лиц, их совершивших.

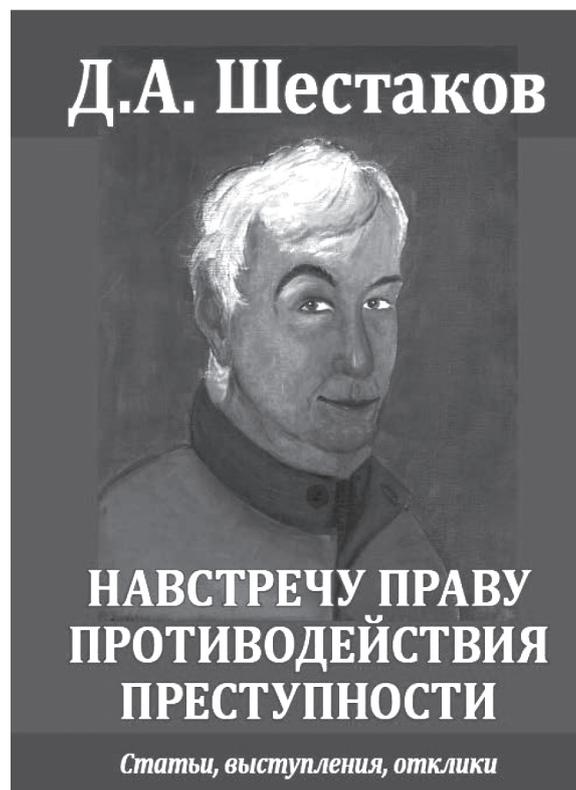
Существенное место в книге занимают концептуальные основы противодействия преступному семейному насилию. Отражена специфика международно-правовой защиты от криминального насилия в семье. Подробно рассмотрена роль органов правопорядка в противодействии данным преступлениям.

Издание адресовано работникам органов внутренних дел, учёным, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами противодействия насильственным преступлениям в семье.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. НАВСТРЕЧУ ПРАВУ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.
СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ОТКЛИКИ.**

СПб.: Алеф-Пресс, 2019. 206 с.

Книга представляет собой продолжение труда Д.А. Шестакова «От преступной любви до преступного законодательства». В ней отражён творческий путь автора к его идее единого права противодействия преступности.

Формулирование этой идеи предварено углублением в преступность сфер семьи, экономики, политики, массовой коммуникации, миграции, искусства, здравоохранения, науки и образования, религии и, что характерно для автора, основательными теоретическими построениями.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 1 (56), 2020

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,3.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 335
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru